

Аскалон прибыл на свой корабль рано утром, справился насчет готовности.

- Все готово, осталось лишь догрузить кое-что, - доложил ему капитан, стоявший возле трапа, наблюдая за погрузкой. – Через час можем отходить.

Капитан Олех выглядел очень молодо, впрочем, не моложе своих двадцати лет, и очень стеснялся этого – ему казалось, что для своей должности он недостаточно солиден. Этот недостаток он старался компенсировать безупречным профессионализмом и манерами, позаимствованными у старших товарищей. Он не суетился, не говорил лишнего, не жестикулировал – вся поза его излучала спокойствие и уверенность в себе.

Были они с Аскалоном чем-то похожи – несколько раз их даже принимали за братьев (что обоим очень льстило): почти ровесники, оба чуть выше среднего роста, одинаковой комплекции, хорошо сложены, оба коротко стриглись, только у Аскалона волосы отливали чернотой, а у Олеха были светло-русые. Черты лица тоже имели много сходства, но у капитана они были помягче, словно один и тот же портрет писали два художника: лицо Олеха создавал романтик, видевший в нем мечтательного Ромео, а Аскалону достался баталист, привыкший на своих полотнах изображать суровые лица воинов. Впрочем, для настоящего «сурового воина» он был еще очень молод, и лицо его лишь собиралось стать «вытесанным из камня», как любят говорить писатели. Да и по характеру Аскалон был живее и энергичнее своего друга – ему еще не скоро предстояло стать Правителем, и он мог себе позволить отложить солидность до будущих времен.

Пока капитан Олех заканчивал приготовления к плаванию, Аскалон спустился в свою каюту. Несмотря на то, что судно было небольшим, все на нем было устроено с наибольшим комфортом или, если можно так выразиться, с аскетическим комфортом, необходимым молодому человеку: ничего лишнего нет, но и все необходимое присутствует. На корабль Наследника денег не жалели – Правитель считал так: раз он принял непростое решение отослать совсем юного сына для учебы в дальние края, то пусть это долгое путешествие будет для него не только полезным, но и комфортным, ведь от судна зависит часто не только свобода передвижения, но и сама жизнь, а ни на том, ни на другом заботливый отец экономить не собирался. Кроме того, вкладывать деньги в судно такого капитана, как Олех, было одно удовольствие – «Заря» вместо того, чтобы ветшать и изнашиваться, с годами становилась все краше.

В каюте Аскалон, привыкший к путешествиям, быстро разложил свои вещи по местам. Он никогда не стремился к уюту – любое его жилище, будь то номер гостиницы, походная палатка, каюта корабля или шикарный особняк, были устроены скорее рационально, чем уютно. Он не любил беспорядок, но и педантом не был – никогда не тратил много времени на обустройство. Да и лишних вещей у него не водилось, только то, что нужно на данный момент жизни. Одежду и разные мелочи Аскалон раскидал по полкам за пять минут, а вот письменные принадлежности и книги, которых у него оказалось немало, раскладывал долго и аккуратно, тщательно выбирая для каждой из них место среди многочисленных полочек и ящичков. Это занятие доставляло ему удовольствие, и он не сразу услышал, что капитан Олех разговаривает с кем-то. Аскалон прислушался. Еолос был незнакомый, низкий и глухой, похоже, принадлежал пожилому человеку. Слов было не разобрать. Что говорил Олех, тоже было не ясно, но Аскалон все же уловил знакомое мягкое «нет», потом «простите», «к сожалению» и снова «нет».

«Все ясно, - догадался Аскалон, - какой-то старик просит подвезти его до Города, а до тошноты вежливый капитан не может решительно отказать». Юноша отложил книги и пошел выручать друга.

Поднимаясь по лесенке, он утвердился в своей догадке, так как различил слова старика: «...а следующего судна ждать две недели».

«Неужели не видно, что наше судно частное и не занимается перевозкой пассажиров», - с досадой подумал Аскалон, и, пока его не в меру интеллигентный друг не успел

промямлить очередную вежливую глупость, громко сказал, преодолевая последние ступеньки:

- Сударь, я хозяин этого корабля. Мы отправляемся через несколько минут. Цель нашей экспедиции сугубо деловая, и мы никогда не берем пассажиров.

Он легко вспрыгнул на палубу и неожиданно продолжил:

- Хотя... хотя, конечно, у нас есть несколько свободных кают на случай... на случай, если кому-нибудь понадобится наша помощь... В смысле, если кто-то нуждается в хорошем надежном судне...

Олех стрельнул в него ироничным взглядом. Оказывается, причину его постыдного поведения Аскалон истолковал неверно. Она (причина) стояла рядом со стариком, скромно опустив взгляд, как и полагается воспитанной и послушной девушке, и не принимала участия в разговоре. Худенькая, невысокого роста, на подбородке очаровательная ямочка. С появлением на палубе нового лица, претендующего к тому же на роль владельца судна, она подняла на него свои глаза, и его так захлестнуло их голубизной, что он почувствовал слабость в ногах. Ее отец тоже повернулся. Это был пожилой мужчина с мягкими чертами лица и затаенной грустью в глазах.

- Простите за назойливость, - он обратился к новому собеседнику, судя по тону, с неоднократно уже повторявшейся фразой, - но нам очень нужно побыстрее оказаться в Городе, а пассажирский корабль ушел вчера, и следующий теперь лишь через две недели. Мы бы вас не стеснили, нам с дочкой вполне хватило бы одной каюты на двоих. И заплатим мы, сколько скажете.

- Дело не в деньгах, - стал мямлить Аскалон, точь-в-точь как за минуту перед этим высмеянный им Олех, - просто мы никогда не брали пассажиров, - он покосился на прекрасное создание и неожиданно вздохнул.

- Да, я понимаю, - вздохнул ему в тон несостоявшийся пассажир. – Извините за то, что отняли у вас время. Мы поищем другое судно.

- Вообще-то у нас есть четыре свободные каюты, - вдруг выдал Аскалон, когда отец с дочерью уже сделали несколько шагов прочь. Они остановились.

Олех закусил губу, чтоб спрятать улыбку, и, торопливо поклонившись, убежал на корму якобы затем, чтобы показать матросу, куда ставить принесенные ящики. Увидев это, Аскалон нахмурился, но остановиться уже не мог:

- Мы вообще-то никогда не брали пассажиров, но судно у нас вместительное, хоть и небольшое. Так что нас не стеснят лишние два-три человека. И каюты вполне удобные. Если вам действительно очень надо...

- Но у нас вещи в гостинице, - пролепетал мужчина, не веря своей удаче.

- Мы собирались отплыть через час, но можем немного и задержаться.

- Поверьте, мы не задержим вас надолго. Нам только забрать вещи и расплатиться.

Глядя, как они удаляются, Аскалон все пытался понять, как же случилось, что он позволил совершенно незнакомым людям плыть вместе с ним на его корабле. Это было какое-то наваждение.

От неприятных мыслей его отвлекло неожиданное происшествие. Повернувшись на раздававшийся с пристани шум, он увидел, как по их трапу поднимается весьма живописная дамочка. Одета она была в узкое оранжевое платье, на голове ее извивалась от ветра невероятно широкая оранжевая же шляпа. Обилие косметики на лице не позволяло определить возраст, но вероятно, ей было за тридцать. Передвигалась странная гостья на высоченных каблуках, менее всего приспособленных для ходьбы по кораблю, в руке несла то ли шаль, то ли плед. За дамой резво взбежали несколько грузчиков со множеством баулов, саквояжей, сундуков, мешков и коробок, бросили все это на палубу и так же резво покинули корабль.

Онемевший капитан проводил их изумленным взглядом. Стоявший неподалеку Аскалон тоже потерял дар речи. Зато оранжевая дама, почти закончившая преодолевать на своих каблучищах трап, заговорила громким визгливым голосом:

- Кажется, я не опоздала? Вы капитан? Что-то мне казалось, что ваше судно должно быть несколько больше. Что вы молчите? Посадка ведь еще не закончена? Да дайте же мне руку! Боже, какие неве...

Тут она, видно, решила наглядно продемонстрировать, насколько неподходящий наряд она выбрала для морского путешествия, и, зацепившись каблуком за последнюю доску трапа, нырнула лицом вниз прямо под ноги Аскалона. Тот бросился ее поднимать, но лишь протянул руку, как дама глухо зарычала. От неожиданности Аскалон отскочил, но видя, как дама ловит рукой воздух, снова приблизился. Но стоило ему протянуть руку, как из-под дамы опять раздалось злобное рычание. На этот раз Аскалон понял, что звуки эти издавала не она. И правда, когда ей удалось подняться, из-под нее выскочил мохнатый комочек. Такого зверька Аскалон видел впервые: размером он был с кошку, пушистая полосатая спинка, длинные висящие уши, вместо хвоста покрытый белой шерстью смешной обрубочек. Как и все мелкие зверюшки, он считал своим долгом сообщать миру, какой он страшный: он вздыбил шерсть и снова зарычал.

- Перестань, Хвост, надоел, - прикрикнула на него дама, которой удалось наконец принять более-менее устойчивое положение на палубе. Зверек, кличка которого говорила о несомненном наличии чувства юмора у его хозяйки, еще раз рыкнул для приличия и уселся умываться на один из саквояжей.

До этой минуты дама была целиком поглощена процессом восхождения по трапу, теперь же она смогла оглядеться, и чем дольше она разглядывала окружающее, тем сильнее вытягивалось ее лицо.

- Погодите, но это же не «Святая Шадра», - наконец сказала она с упреком и посмотрела на капитана.

- Нет, - вынужден был признать он.

- Но как же? Что вы здесь делаете? Здесь должна быть «Святая Шадра». Где она?

- Сударыня, - как можно вежливее сказал Олех, - «Святая Шадра» ушла вчера.

- Ушла вчера, - спокойно повторила дама, но тут же снова начала бушевать. – Что за чушь вы говорите! Вы что здесь все, белены объелись? Как она могла уйти без меня? Перестаньте мне хамить! Я еще в своем уме и прекрасно помню, что «Святая Шадра» отходит в десять часов в среду.

- Сударыня, - капитан был сама кротость, - сегодня четверг.

- А вот уж нет, - с достоинством возразила дама. – Тут вы меня не собьете. Сегодня среда. Именно среда, - она посмотрела на окружавшие ее доброжелательные и сочувственные лица и засомневалась. – Или четверг?

Капитан обреченно кивнул.

Дама с надеждой посмотрела на юношу, который недавно помог ей подняться:

- Четверг?

Аскалон развел руками.

- Это что же получается, – начала рассуждать недавняя скандалистка, - я пропустила свой корабль? А когда же следующий? Завтра? Нет? Послезавтра?

Услышав, что сможет отправиться в Город только через две недели, дама пришла в ужас.

- Две недели? Это мне придется еще две недели торчать в этом гнусном городишке? Боже, я этого не вынесу! Но как же я могла перепутать, я ведь была уверена...

Она еще попричитала немного, а потом до нее начало доходить, что из-за своей bestолковости она взбаламутила невинных людей.

- Ох, мне так неловко. Простите. Но я...

Она растерянно оглядела свой багаж, раскиданный по палубе, потом обернулась в сторону пристани.

- Мои носильщики уже ушли. Если бы вы помогли мне отнести багаж обратно в гостиницу... Ах, мне так неудобно вас утруждать.

- Знаете, - подумав, сказал Аскалон, - вообще-то мы тоже плывем в Город.

Олех взглянул на него с испугом, но смолчал.

- Наша «Заря», конечно, не приспособлена для перевозки пассажиров, но у нас есть еще две свободные каюты. Одна из них могла бы стать вашей.

- Нет! – решительно сказала дама, и Олех вздохнул облегченно. – Нет и нет! Я не могу злоупотреблять вашей добротой, - она сделала паузу, - хотя вы бы меня очень выручили. Да и багаж мой уже здесь. Я согласна, показывайте мою каюту.

Менее чем через час прибыли и другие двое пассажиров, и красавица «Заря» покинула порт.

Плавание обещало быть недолгим (при попутном ветре не более пяти дней) и приятным: по всем признакам ничто в эти дни не должно было испортить погоды. Познакомились за обедом в небольшой, но исключительно удобной кают-компании, отделанной, как и все помещения на корабле, со вкусом, но без лишней роскоши.

Первым по праву хозяина представился Аскалон. Он, чтобы не смущать своих пассажиров, назвался сыном богатого торговца, а в остальном был правдив: сказал, что отец отправил его в дальние страны постигать жизненную науку шесть лет назад, и вот теперь он возвращается домой. Потом капитан представил свою небольшую команду: боцмана – самого старшего ее члена, бородатого, солидного мужчину, в котором с первого взгляда угадывался морской волк, и трех матросов, таких же молодых, как их капитан. Про отца с дочерью узнали, что их звали Бажан и Ива, что они тоже уроженцы Города и возвращаются после длительного странствия. Бажан оказался заядлым путешественником, они с дочерью объехали не один десяток стран и таких же, как Город, островных государств. В Городе у них было приличное поместье, дававшее хороший доход, куда они тем не менее не спешили бы возвращаться, если бы не внезапное известие о болезни сестры Бажана. Мнительная старушка была уверена, что умирает, и умоляла брата с племянницей как можно скорее приехать. Бажан рассказал, что его сестра «умирала» уже по крайней мере раз пять, но расстраивать ее он не хотел, да и в голосе его сквозь беспечные нотки проскальзывало беспокойство.

Аскалон слушал вполуха, а сам нет-нет, да и бросал взгляд в сторону прелестной Ивы, которая не произнесла за обедом ни слова, а лишь слегка розовела, когда отец упоминал ее имя. К обеду она переделалась, и в новом своем наряде, состоявшем почти сплошь из кружев, совсем свела с ума бедного Наследника. Сидя напротив, он всю свою силу воли тратил на то, чтобы отвести от нее взгляд, но она снова и снова притягивала его, как магнит. Чтобы не показаться нахалом, он заговорил со второй женщиной, эксцентричной Виринеей, но ее манера говорить быстро утомила его: она так много жестикулировала, что стоявшие на краю чашки и бокалы поминутно подвергались риску оказаться на полу, и имела странную привычку время от времени ни с того ни с сего вскрикивать, отчего все вздрагивали. Из ее сбивчивого рассказа Аскалон понял только, что и она возвращалась в Город после путешествия, и еще под слоем косметики он разглядел молодое лицо – она была гораздо моложе, чем показалось ему вначале, может, лишь на несколько лет постарше его.

После обеда пассажиры разошлись по своим каютам: день был суетный, и они нуждались в отдыхе. Хозяин же судна отправился в каюту капитана. С самого момента, как

он ступил на палубу «Зари», ему не терпелось поговорить с Олехом, очень хотелось обсудить мучившую его проблему, но капитан все время был занят. И вот наконец, когда корабль послушно бежал знакомым курсом по ровной глади моря, когда боцман и матросы были заняты своими привычными делами, а пассажиры, устроившись и решив все насущные проблемы, отдыхали в своих каютах, два друга смогли найти время, чтобы спокойно, не отвлекаясь ни на что, поговорить.

С Олехом Аскалон дружил с детства. Это была хорошая, настоящая дружба. Такая, про какую пишут в книжках, а в жизни, говорят, не бывает. Бывает. Все хорошее в жизни бывает, надо только уметь увидеть. И совсем не важно было молодым людям, что один из них Наследник Правителя великого Города, а другой – сын крестьянина. Хотя, конечно, Олех уже давно был не просто сыном крестьянина, он был капитаном личного корабля Наследника, а такую должность ни за какие деньги не купишь. Ее можно только заслужить. Дружба дружбой, а когда встал вопрос, кому быть капитаном новенькой красавицы «Зари», никто и не вспомнил, что Олех – друг детства Наследника. Зато вспомнили, что он был лучшим в Морской школе, что никто не мог уличить его в корысти или нечестности, что был он не только умен и силен, но и трудолюбив, честен, благороден и – как же без этого! – беззаветно предан Правителю и его сыну. И сам Аскалон, приученный с ранних лет не путать личные привязанности с интересами Города, раз уж сказал свое «за» в пользу кандидатуры друга, то только лишь потому, что был уверен в нем больше, чем в ком-либо другом. И надо признать, что ни разу не пришлось ему об этом пожалеть. За все шесть лет, что провели они вдали от родного Города, не было рядом человека, который бы лучше понимал его, умел и развеселить, и утешить, а если надо, то становился для одинокого, оторванного от милого дома юноши вторым отцом, несмотря на то, что они были почти ровесниками. Словом, если у вас есть такой друг, берегите его, а если нет – дай вам Бог его найти.

Они сидели в каюте капитана. Олех терпеливо ответил на несколько ничего не значащих вопросов типа «Как жизнь?» и «Как дела?», которые используются вместо приветствия или как пролог к важному разговору, а потом в упор спросил:

- И что?

- В каком смысле? – поймал Аскалон его пронизательный взгляд.

- Ну я же вижу, что вы что-то хотите мне рассказать.

Аскалон не стал ломаться:

- Ты прав. Мне очень нужен твой совет. Дело в том... - он прошелся по каюте, отпил глоток из предусмотрительно приготовленного капитаном бокала. – Несколько дней назад ко мне приходили Мертвые.

Глаза Олеха расширились:

- Мертвые? Так это...

- Да, да, да. Я разговаривал с ними. А вернее, они со мной.

- Они сказали что-то плохое? – Олех умел схватывать суть, не отвлекаясь на мелочи.

Аскалон подумал:

- В общем, да. Обещали, что весь наш Остров уйдет под воду, если я не искореню Зло, которое там поселилось.

- Зло? В Городе поселилось Зло? И кто или что это?

- В том-то и проблема. Они этого не сказали.

- Вот как? А что же они сказали? – Олех был весь внимание.

- Понимаешь, - Аскалон замялся, - я не могу этого сказать. Это не был разговор как таковой, вот как у нас. Я их ощущал, но не видел. Помню, что был Голос, но звука я не слышал. Я как бы воспринимал его всем телом, каждой его клеточкой. Это очень трудно объяснить. Это как ощущение, как сон. Только сон наяву.

Аскалон досадливо рубанул рукой воздух, чувствуя, что с каждым словом он изъясняется все невнятнее, и сел.

- Надеюсь, ты не считаешь меня сумасшедшим? – он с тревогой посмотрел на друга, но Олех был серьезен.

Он помолчал немного, задумчиво глядя в свой бокал, потом отпил глоток вина и спросил:

- А сколько времени дали?

- До Дня Мертвых.

- Две с половиной недели. Ну что ж. Не так уж мало.

- Есть какие-нибудь мысли? Мне нужна твоя помощь, а то я давно не был в Городе и даже не представляю, с чего начать.

- Мысли? – Олех задумчиво крутил свой бокал. – Зло, поселившееся в Городе. Зла всегда было немало. В каждом человеке есть зло, в одном больше, в другом меньше. Во все времена, у всех народов.

- Да, но это должно быть что-то особенное, из ряда вон выходящее. Мертвые не стали бы приходить из-за мелочи, ты же знаешь, они триста лет не появлялись. Они не вмешиваются в человеческие дела без крайней нужды.

Олех кивнул:

- Я боюсь ошибиться. Ведь если бы напал кто на Город, враг какой-нибудь, или жестокий тиран угнетал бы народ, сразу было бы понятно, где зло. А ведь мы живем мирно, спокойно. Где-то внутри оно – зло. Где-то глубоко спряталось.

- И как же его найти? Надо с отцом посоветоваться.

- Это конечно, - согласился Олех, - это в первую очередь надо.

- Раз Мертвые забеспокоились, значит, зло большое, - рассуждал Аскалон. – А большое зло не может не оставлять следов. Найду все нити, за каждую потяну, и что-нибудь обязательно вытянется. Верно?

Тут он заметил, что капитан думает о чем-то своем, блуждая взглядом по стенам. Этот взгляд Аскалон очень хорошо знал.

- А ведь ты что-то знаешь...

Олех пристально посмотрел на него.

- Не то, что знаю, но есть одно предположение. Вот уже несколько лет, как в Городе и на окрестных островах ходят слухи о жуткой банде, грабящей и убивающей всех подряд. Что в этих слухах правда, что вымысел, сказать сложно. Появляются они все время в разных местах, всегда неожиданно. Убивают, жгут дома, рушат все, что им под руку попадет. Поймать их никто не может – и военных выслали искать их, и засады устраивали – все без толку: двух-трех убьют, а остальные как вода сквозь пальцы просачиваются сквозь любые кордоны. И никто не видел их главаря. А что уж про него только не говорят: одни говорят, это это призрак, другие – что дух, пришедший покарать грешников, третьи заявляют, что это колдун, четвертые уверены, что ведьма, а пятые клянутся, что собственными глазами видели огромную говорящую змею. Кто на самом деле у них главный, мне кажется, так и не выяснили. Да, и вообще, если честно, не могу сказать с уверенностью, что эта банда существует, но другого столь ярко выраженного зла в Городе нет, уж поверьте мне.

Аскалон молчал, задумавшись.

- Не очень-то я вам помог, - сказал Олех

- Ничего, - очнулся Аскалон. – Время еще есть. Что-нибудь придумаем. И твоя помощь мне еще не раз понадобится.

После этого разговора Аскалон почувствовал огромное облегчение. Теперь он не был одинок в своем трудном деле, рядом был человек, готовый помочь, поддержать, дать совет. Осталось дожидаться прибытия в Город, а там прежде всего поговорить с отцом (он наверняка посоветует что-нибудь), а там, глядишь, и решение придет.

Итак, кое-какой план наметился. Это уже было неплохо. Но до прибытия в Город было еще четыре дня, и можно было позволить себе слегка расслабиться, так как делать на корабле Наследнику было решительно нечего. Это было здорово! Всегда приятно отложить сложные дела на потом. Аскалон не был безвольным слабаком: если надо, он умел взять себя в руки и переступить и через «не хочу», и через «не могу», но, Боже! – как же было приятно оказаться в ситуации, когда с чистой совестью можно сказать: «У меня есть четыре дня, и я могу их потратить в свое удовольствие!» И Аскалон закинул в дальний угол своей души все нерешаемые вопросы, и лишь душа его освободилась от их тяжести, как в нее неудержимым потоком хлынули подавляемые до этого момента чувства. У него было ЦЕЛЫХ четыре дня, чтобы поближе познакомиться с очаровательной Ивой. У него было ВСЕГО четыре дня, чтобы пообщаться с ней. Всю ночь он вспоминал ее глаза, голубее которых он, кажется, никогда не видел.

Проснулся он рано. Тишина звенела, лишь слегка плескались волны за кормой. Все пассажиры и свободные от вахты члены команды наверняка еще спали. Аскалон вышел на палубу, сладко потянулся – и замер. В нескольких шагах от него неподвижно стояла закутанная в кружевную шаль женская фигурка. Юноша постоял в нерешительности, но не смог преодолеть невероятной силы притяжение и приблизился к ней. Ива повернулась к нему – ее лицо тихо светилось в пелене восходящего утра. У Аскалона даже дыхание перехватило – так она была прекрасна.

- Вы не спите? – ляпнул он первую попавшуюся ему в голову глупость.

- Такое дивное утро, - с мягкой грустинкой улыбнулась она, и на ее щеках обозначились две очаровательные ямочки. – Море совсем не похоже ни на реку, ни на пруд. Вроде та же вода, да не та. Все время смотрю – и не пойму, в чем дело.

Аскалон тоже посмотрел вниз, но ничего необычного не заметил – вода как вода. Его взгляд привлекали сейчас совсем другие волны – волны белокурых волос, лежавших на ее плечах, чуть подрагивая от утреннего ветерка. Наследник тихо вздохнул, боясь неловким движением разрушить эту хрупкую красоту. Ничего подобного он в жизни не видел, в этом он мог поклясться. Встречались ему, конечно, красивые девушки, но красота Ивы была какой-то особенной: не броской, не резкой – все черты ее были прорисованы мягкой кисточкой.

Она поймала его взгляд, и Аскалон смущенно отвел глаза. Надо было срочно сказать какую-нибудь банальность.

- Вы не боитесь простудиться? – спросил он.

Ива покачала головой, но не ответила.

- Я вам помешал? – он видел, что навязывать свое общество неприлично, но заставить себя уйти не мог – ноги будто приросли к палубе.

Конечно, он понимал, что на его откровенный вопрос она не ответит: «Естественно, ты мне помешал. Я ведь вышла на палубу в столь ранний час не для того, чтобы кто-то действовал мне на нервы». И все же ее отрицательный ответ приободрил его, и он счел возможным продолжить разговор. Мало-помалу беседа завязалась. Оказалось, что у них много общего: оба выросли без матери, оба любили читать, оба много времени провели в путешествиях по разным странам, оба скучали по родному Городу и радовались скорому возвращению. С каждой минутой Ива нравилась Аскалону все больше и больше, с ней ему было так легко и свободно, будто они были знакомы всю жизнь, и ей – он чувствовал это – было с ним так же хорошо.

Но утро вступило в свои права: дымка рассеялась, и солнце мощно захватило себе все пространство до самого горизонта. Корабль начал просыпаться: сначала мимо них вразвалочку прошел бородатый боцман, коротко поприветствовал их и скрылся в рубке, потом туда же проследовал капитан, кольнув Аскалона пронизательным, ироничным взглядом, застали туда-сюда шумные и смешливые матросы, и каждый из них считал своим долгом пройти как можно ближе к парочке, а потом многозначительно извиниться за то, что помешал. Из своей каюты выплыла сонная и недовольная Виринея, замотанная в какой-то непонятного цвета балахон. Увидев Аскалона и Иву, она вдруг удивленно остановилась, потом на губах ее задрожала ехидная усмешка, и она, беспардонно поразглядывав их минуты две и даже не поздоровавшись, направилась на корму. На этот раз она догадалась избавиться от своих высоких каблуков – на ней были мягкие туфли, и она могла без посторонней помощи передвигаться по судну. Последним на палубу поднялся Бажан и, быстро ощупав цепким взглядом Аскалона, увел дочь в каюту.

Аскалон ни на что не обращал внимания, ни о чем не думал. Ему было так хорошо, как никогда в жизни. Он был счастлив, что взял пассажиров, и даже взбалмошная Виринея со своими косыми взглядами не раздражала его. Плавание обещало быть гораздо приятнее, чем она предполагал. Все-таки человеческая жизнь при всех ее недостатках и трудностях имела одно преимущество: она умела преподносить неожиданные приятные сюрпризы. Жаль было только, что до окончания этого дивного путешествия оставалось всего четыре дня.

Однако Аскалон не собирался терять время даром. После того волшебного утра он старался быть поближе к Иве, но так чтобы не казаться ей назойливым – ей, на остальных ему было наплевать. За завтраком, обедом и ужином он садился с ней рядом, чтобы выполнять за столом обязанности ее кавалера, не обращая внимания на довольно пошлые остроты, отпускаемые в их адрес язвительной Виринеей, и грустные взгляды покинутого друга, которому при таком раскладе в качестве дамы доставалась вторая пассажирка, угодить которой было очень трудно, если не сказать, невозможно: тарелки ей подавали неизменно грязные, вилки были неудобными, суп оказывался пересоленным, а подливать вино в ее бокал бедный капитан постоянно запаздывал. Но Аскалон эгоистично не замечал адские мучения своего друга: с вершин блаженства, на которых он пребывал, вообще очень трудно разглядеть чужие страдания. Но Олех не обижался, он впервые видел друга в таком состоянии, и был рад за него, тем более, что самого капитана в порту ждала некая особа, о которой не знал еще даже Аскалон. Но которая уже обещала сделать его счастливым на всю жизнь.

Впрочем, эта тайна перестала быть таковой в тот же вечер. Простившись, наконец, со своей прекрасной дамой и пожелав ей спокойной ночи, Аскалон, которого распирало от желания поделиться с другом своими новыми ощущениями, отправился в каюту капитана и застал его за очень необычным занятием: он укладывал в небольшую, обшитую бархатом коробочку блестящее драгоценными камнями ожерелье. Аскалон вмиг забыл про себя.

- Ага! – возбужденно крикнул он. – Вот чем ты занимаешься по ночам.

Пойманный с поличным Олех покрылся румянцем.

- Так-так, - неумолимо продолжал Аскалон. – И давно ты стал носить женские украшения?

Олех виновато топтался на месте.

- Ну, ладно, кто она? – смиловился Аскалон. – Выкладывай, раз уж попался.

Всю ночь до утра провели друзья вместе, обсуждая свои сердечные дела. О сне, конечно, не могло быть и речи. Аскалон выпытал у друга все до последней мелочи: ее имя, возраст, цвет глаз, волос, привычки. Оказалось, что кроме первой улики – ожерелья, была еще и вторая – небесно-голубой платочек с вышитым в уголке парусом, хранящий слабый запах духов. Его Олех достал из-за пазухи и, показав, бережно убрал обратно. Рассказать

каждому надо было так много, а ночь была такой короткой, что оба и не заметили, как она пролетела. Но не успело еще как следует наступить утро, как в дверь капитанской каюты постучался один из матросов – высокий парень с родимым пятном возле уха. Он что-то торопливо сказал вышедшему к нему Олеху.

- Что?! – только услышал Аскалон удивленный голос друга. – Не может быть, - и Олех, извинившись, быстро убежал вслед за матросом.

Пришел он через полчаса, мрачный и напряженный.

- Что-то случилось? – спросил его Аскалон, который за это время так и не вышел из состояния радостного возбуждения.

- Случилось. По правому борту течь.

- Не может быть, - точь-в-точь как недавно капитан, среагировал его друг.

- Не может, - согласился Олех, - да только она есть. Сам проверил.

- Но откуда? – задал явно риторический вопрос Аскалон.

- Неоткуда, - снова покорно кивнул капитан.

- Ничего не понимаю, - развел руками хозяин судна. Он знал, как тщательно Олех готовился к каждому плаванию. – Большая?

Капитан пожал плечами:

- Средняя.

- Но до Города дотянем?

- Должны, - Олех напряженно думал.

- Что значит должны?

- Понимаете, судя по размерам дыры, у нас есть шанс нормально добраться до Города. Но полной уверенности у меня нет.

- А заделать ее нельзя?

- Сейчас нет. Она ниже ватерлинии.

- Значит, остается идти своим курсом и надеяться, что нас не зальет водой раньше, чем мы доберемся до пристани?

- Это риск. У нас же пассажиры.

- Ага. Значит, ты все-таки знаешь, что делать. Я так и думал.

- Мы потеряем несколько часов, но зато спокойно и безопасно прибудем в Город. «Заря» - судно небольшое. Если его облегчить, то оно поднимется. Чуть-чуть, но этого хватит, чтобы течь оказалась над водой. Тогда ее можно будет законопатить. Это не займет много времени, часа три, не больше.

- И как же мы облегчим «Зарю»?

- Все лишние люди перейдут в шлюпку.

- Ты уверен, что этого будет достаточно?

- Да, я все уже рассчитал. Не волнуйтесь. Всего лишь небольшая задержка. – Олех чувствовал себя виноватым, хотя мог поклясться, что перед плаванием сто раз проверил каждый уголок корабля – все было в порядке.

Аскалон слабо разбирался в морском деле, но полностью доверял другу.

- Значит, так и сделаем. Только я не думаю, что три часа в шлюпке доставят удовольствие нашим пассажирам. Может, лучше переждать это время на каком-нибудь острове? Есть что-нибудь поблизости?

Олех помолчал:

- Здесь островов немного. Через час будем проходить мимо одного. Правда, он... - капитан как-то странно взглянул на друга. – Но мы ведь не собираемся на нем ночевать.

- Что, нехороший островок?

Олех неопределенно кивнул:

- Совсем маленький, каменистый, растительности почти нет, воды пресной тоже, вокруг подводные камни, но на шлюпке причалить к нему можно.

- Тогда решено. Три часа – не три дня.
- Это верно, - облегченно улыбнулся капитан. - Пойду будить пассажиров.

Через час «Заря» бросила якорь недалеко от острова. Все, кроме боцмана и двух матросов, сели в шлюпку, в том числе и капитан, решивший, что его место рядом с пассажирами, и знавший, что на корабле прекрасно справятся и без него.

На деле остров оказался еще менее привлекательным, чем его описал Олех: с того края, куда они причалили, еще изредка меж серых камней виднелись чахлые низкие деревца и корявые кустарнички, а на противоположной стороне были лишь только громоздящиеся друг на друга скалы. Остров был явно необитаем, и сошедшим на него людям сразу стало как-то неуютно. Ива, ступив на берег, поежилась, будто от холода, хотя было все так же солнечно и тепло, и взяла за руку отца. Молодой матрос, тот самый, с родимым пятном, огляделся и присвистнул:

- Да, гнусный островочек.

- Хорошо, что мы проведем на нем всего пару часов, - сказал старавшийся не терять оптимизма Аскалон и посмотрел на капитана, ожидая поддержки, но тот промолчал, он был непривычно хмур и напряженно вглядывался в серые камни.

Зато матрос не унимался:

- Надеюсь, здесь не водятся никаких чудовищ. Я слышал про эти острова много такого, что...

- Не стоит слушать всякий вздор, - перебил его капитан. – Лучше иди достань из шлюпки корзины с провизией и одеяла. Самое время для завтрака.

- Конечно, - подхватил Аскалон. – Сейчас сядем, позавтракаем – и сразу станет веселее.

Он посмотрел на Иву. Она, бедная, совсем сникла. Видно, на впечатлительную девушку очень подействовал окружающий мрачный пейзаж. Она с тоской смотрела в сторону моря, туда, где маячила ставшая совсем маленькой их «Заря». Зато Виринея чувствовала себя замечательно: она легко прыгала по камням (на этот раз на ней была удобная широкая юбка и мягкие сапожки) и казалась более возбужденной, чем обычно.

- Какое жуткое место, - радостно крикнула она прямо в лицо Аскалону и схватила его за руку. – Вы не находите?

- Довольно уныло, но ничего жуткого, - он попробовал освободиться, но она не отпустила.

- Нет, именно жуткое! – Виринея заглянула ему в глаза и сказала замогильным голосом. – Представьте, что сейчас из-за той скалы появятся страшные чудовища или вооруженные до зубов разбойники.

Аскалон хотел сказать, что уж разбойникам-то на диком острове делать решительно нечего, но не успел: ко всеобщему изумлению именно из-за той скалы, на которую указала сумасшедшая дамочка, вдруг показался высокий человек в кожаном плаще с двумя пистолетами в руках. Аскалон машинально схватился за пояс, но свой походный пистолет он оставил на корабле. Меж тем, из-за скалы появился еще один вооруженный человек, затем еще и еще. Это было похоже на какое-то наваждение, Аскалон даже встряхнул головой, чтоб избавиться от него, но оно не исчезало. И более того, приближавшиеся бандиты становились все реальнее.

- Не делай этого! – совсем не как призрак, громко и грозно, крикнул один из них капитану, сделавшему движение в сторону шлюпки, и многозначительно качнул ружьем. Это окончательно убедило всех, что намерения их новых знакомых отнюдь не мирные.

Аскалон посмотрел в сторону корабля. Увы, «Заря» была слишком далеко – оставшиеся на ней моряки даже не могли увидеть того, что происходило на острове.

Захваченным врасплох путешественникам оставалось лишь ждать дальнейшего развития событий. Аскалон посмотрел на Иву: девушка вцепилась в отцовскую руку.

Не было страха и на лице Виринеи – Аскалон повернулся к ней и не поверил своим глазам: перед ним стояла совсем другая женщина. Это не была уже избалованная глупенькая девица, какой она представлялась все эти дни. Теперь у нее были повадки и взгляд хищницы, настигшей свою жертву: в движениях появилась уверенная грация, глаза светились торжеством. В этот момент она была прекрасна, но прекрасна демонически. Она перехватила потрясенный взгляд юноши и губы ее дернулись в усмешке.

- Что, господин Наследник, вы, кажется, слегка удивлены? – даже голос ее стал каким-то другим, в нем появился металл. – Да, да. Я с самого начала знала, кто вы такой.

К ней подошел длиннолицый бандит в кожаном плаще:

- Их надо обыскать.

- Не надо, - махнула она рукой. – У них нет оружия. Если что и было, осталось на корабле. Правда, капитан прихватил с собой кортик, но он неосторожно потерял его, когда мы плыли в шлюпке, - и она извлекла из складок своей юбки кортик Олеха.

Длиннолицый затрясся от смеха и широко обнял Виринею:

- Ты неподражаема, как всегда.

- Кто вы такие? Что вам нужно? – Аскалон попытался взять себя в руки.

- О! Прорезался начальственный голос, - засмеялась Виринея, выкрутившись из объятий своего кавалера. – Угрим, посмотри, господин Наследник выражают недовольствие.

Она сняла с длиннолицего Угрима пояс с двумя пистолетами и не спеша надела его на себя, не отрывая от Аскалона ликующего взгляда.

- Так вот. Здесь вопросы задаю я. А говорить вы будете, когда вам разрешат.

Виринея распустила свои длинные каштановые волосы и это придало ее облику еще больше демонического. Окружавшие ее бандиты смотрели на нее со страхом и обожанием одновременно. Она оглядела всех, но вдруг взгляд ее сделался колючим, она повернулась к Угриму:

- А этот клоун что здесь делает? – она кивнула на худого парня в яркой рубашке.

Услышав вопрос, тот быстро приблизился, и Аскалон увидел, что за спиной его висит виола – струнный музыкальный инструмент.

- А ты что ж, не ждала меня увидеть?

- Ну, почему? Я давно знаю, насколько ты слабохарактерен, и что не можешь держать свое слово. Так что я знала, что если ты говорил, что уходишь от нас, это еще ничего не значит.

- Это я попросил его поучаствовать в последний раз, - виновато проговорил Угрим. – Я боялся, что народу не хватит. Все куда-то расползлись.

- Подонки, - сквозь зубы пробормотала злодейка. – На неделю нельзя оставить.

Ее лицо стало злым и напряженным, но ситуацию спас неизвестно откуда взявшийся Хвост, который стал тереться о ее ноги. Виринея сразу оттаяла.

- Животное, ты где был? – она подняла его за шкуру и щелкнула по носу.

Хвост недовольно извивался в ее руке, и она, засмеявшись, опустила его на землю:

- Ладно, теперь дела. Ворон, - она кивнула парню с виолой, - собери наших гостей в одном месте. Угрим, бери пятерых ребят и уладьте дела с кораблем. Там старый боцман и два сопляка. Много времени это не займет. Да! Там по правому борту течь. Ничего серьезного, тем более, что они ее уже должны были заделать. Если нет, там работы на час. Во всяком случае, сверлить дыру в одиночку слабой женщине было гораздо сложнее, - и она снова взглянула на Аскалона.

Угрим, махнув несколькими бандитам, быстро кинулся к шлюпке, и через пару минут они отплыли. Аскалон еле удержался от того, чтобы броситься вслед за ними, а что уж говорить про капитана! Больно было смотреть, как он провожал взглядом шлюпку.

Всех злополучных путешественников поставили возле большого камня причудливой формы. Аскалон был подавлен, Олех мрачен, Ива не выпускала руки отца. Лишь молодой матрос – тот самый, с родинкой, что приходил утром к капитану – не терял присутствия духа. Он все время крутил головой. А под скулами у него ходили желваки, выдавая работу мысли.

Виринея встала перед ними, сложив руки на гуди, и некоторое время с довольным видом разглядывала каждого по очереди, как живописец разглядывает только что законченную картину. Потом негромко сказала:

- Что ж, теперь можно поговорить. У вас были ко мне вопросы. Кто я такая, вы уже, я думаю, догадались. Обо мне и моих людях слишком много говорят в последнее время. Что нам нужно? Ну, это совсем просто, - и она посмотрела в море, туда, где виднелся силуэт «Зари». Это были вопросы, на которые вы и сами могли бы ответить. Есть вопрос и потруднее. Что с вами будет? – и она сделала паузу, потом продолжала с усмешкой. – Впрочем, ответ на него вы тоже знаете.

Ива шумно сглотнула воздух и крепче прижалась к отцу.

- Вы же нас не убьете? – решился подать голос Бажан. – Мы же с вами провели вместе три дня!

Виринея не ответила. Она стояла неподвижно, и Аскалон почувствовал, как в его сердце заползает холод. Олех со скрипом сжал зубы.

- Ну, если вас интересует, убьем ли мы вас, - тягуче сказала Виринея, - могу вас успокоить. Нет. А вот, если с вами что-нибудь здесь случится, за это мы не в ответе.

- Гадина! – вдруг крикнул матрос с родинкой и, выдернув из сапога нож, бросился на злодейку.

То, что произошло дальше, трудно описать словами. Никто не понял, что случилось. Виринея не шелохнулась, даже не изменилась в лице, но за секунду до того, как ее груди должен был коснуться нож, из-за ее спины выросла огромная змея и, расправив широкий яркий капюшон, выпустила в сторону матроса струю оранжевого пламени. В мгновение несчастный превратился в кучку пепла. Еще через секунду все было, как прежде. Лишь ветерок ворошил пепел под ногами Виринеи.

Ива пронзительно закричала, ее затрясло. Виринея поморщилась:

- Есть еще у кого-нибудь желание померяться со мной силой?

Пленники не могли оторвать глаз от того, что только что было их попутчиком. Никто не ответил.

- Прекрасно. Тогда подождем, когда вернется шлюпка, и попрощаемся. И пожалуйста, ведите себя потише, я не выношу шума.

Она отошла и, сев на прибрежный песок, стала задумчиво кидать в воду камешки.

Ива затихла на плече отца. Олех посмотрел на друга и вопросительно поднял брови. Аскалон пожал плечами. Скоро вернется шлюпка – надо было побыстрее что-то придумать. Оба обвели оценивающими взглядами окружавших их бандитов. Те стояли невдалеке: кто курил, кто тихо переговаривался, изредка поглядывая в сторону своей предводительницы, но из рук оружия никто не выпускал. Лишь один кудрявый мужичок, сидя невдалеке на камне, поигрывал ножичком, перекидывая его из руки в руку. Аскалон указал на него взглядом. Олех присмотрелся и взглядом же ответил: «Не знаю». Но Аскалон уже решил. Другого выхода все равно не было. Он будто бы невзначай сделал несколько шагов в сторону кудрявого и стал искоса наблюдать за прыгающим в его руках ножом, ожидая подходящего момента. Но тот не терял бдительности: время от времени он поглядывал по сторонам. Так прошло довольно много времени.

Наконец с берега крикнули: «Шлюпка!». И через несколько минут вернувшийся с корабля Угрим уже что-то тихо говорил поднявшейся ему навстречу Виринее. Все: и

бандиты, и пленники – смотрели на них, только Аскалон не спускал глаз с кудрявого. Тот, привстав с камня и увлекшись рассматриванием подошедшей шляпки, выронил нож.

В ту же секунду Аскалон в два прыжка оказался рядом с ним и, подхватив нож, приставил его бандиту к горлу. Зашелкали вокруг взведенные курки, но тут же все стихло – напряженные бандиты ждали подходящую Виринею. Она приблизилась быстро и встала напротив, с интересом вглядываясь в лицо Аскалона:

- Так-так. Вижу, вы тут заскучали. Ну что ж, это неплохое развлечение. И хотя нам уже пора, я, пожалуй, уделю вам несколько минут.

На ее лице не было ни испуга, ни даже удивления. Она была лишь слегка возбуждена. Аскалон похолодел, его рука, держащая нож, дрогнула.

- Я убью его, - сказал он совсем не так уверенно, как собирался.

- Да что ты? – удивилась злодейка. – Это будет ужасная утрата для нас.

Аскалон почувствовал, как оседает в его руках захваченный бандит.

Виринея подождала немного:

- Всё? Тебе больше нечего сказать? Ну, тогда скажу я. Ты дурак. Правителю должно быть стыдно, что у него такой сын. Мальчишка! Неужели ты не понял, что тебе меня не одолеть? Я сильнее тебя. Но не потому, что вооружена, не потому, что нас много, и даже не потому, что есть высшая сила, защищающая меня. Это было бы слишком просто и неинтересно. Я сильнее, потому что я свободна. Свободна от всего: от условностей, от законов, от чувств, от привязанностей. Любовь, дружба, симпатия – это слабости. Они делают человека уязвимым. Я никого не люблю, никем не дорожу – и поэтому я всемогуща. Если бы ты жил, как я, ты бы тоже был неуязвим. Но ты слаб. У тебя есть чувства. Есть люди, которых ты любишь, кто дорог для тебя. И пока они будут, твою волю легко подчинить. Вот смотри: если бы мне была безразлична жизнь того отродья, которое ты сейчас держишь в своих объятиях, мне пришлось бы выполнить любую чушь, которую ты бы мне навязал. Но, к счастью, я свободна от всяких чувств и поэтому...

Она выхватила из-за пояса пистолет и, почти не целясь, выстрелила прямо в лоб кудрявому. Тот мешком повалился к ногам Аскалона. Виринея откинула назад разряженный пистолет и победно посмотрела на своего противника, который беспомощно ловил ртом воздух.

- Видишь, как хорошо быть сильным и свободным. Я могу распоряжаться собой и никто надо мной не властен.

Она возбуждалась все больше и больше, глаза ее блестели, щеки пылали.

- А теперь посмотри на себя. Ты жалок, зависим, беспомощен. Одно мое движение – и ты потеряешь всю свою волю и сделаешь все, что я пожелаю.

Она достала второй пистолет и направила его на Олеха.

- Теперь встань на колени и поклонись мне!

Аскалон стоял неподвижно. Щелкнул курок. Аскалон вздрогнул, ноги его сами собой подкосились, а голова наклонилась.

- Аскалон, - одними губами прошептал бледный, как полотно, капитан.

- Дружба – это слабость, - неумолимо продолжала злая фурия. – Не заводи друзей, и будешь сильным и независимым. Ну, а я немного помогу тебе в этом.

Выстрел Аскалон не услышал, а скорее почувствовал. Все его члены налились свинцом, перед глазами был туман, он ничего не видел, кроме того, как медленно падал на камни Олех. Не в силах подняться, Аскалон подполз к лежащему капитану и никак не мог поверить, что тот мертв – крови почти не было, пуля пробила сердце.

Прошла вечность, и когда оглушенный горем Аскалон снова обрел способность воспринимать окружающее, он увидел над собой каменное лицо Виринеи.

- Ну, вот. Ты уже сделал первый шаг к свободе. Ты рад?

Шатаясь, Аскалон поднялся и так посмотрел на нее, что она отпрыгнула в сторону. И тут же засмеялась:

- Что-то я не вижу ни радости, ни благодарности. Неужели я ошиблась? Свобода тебя не радует? Может, ты просто не осознал еще свое счастье? – она наклонила голову и искоса посмотрела на него. - Или тут дело в другом?

Она подошла к стоящему рядом бандиту и забрала его пистолет.

- Может, ты просто не до конца свободен?

Аскалон сделал шаг к ней и чуть не упал от охватившей его снова слабости – он понял, что она имела в виду на этот раз. Виринея хищно улыбнулась и дуло пистолета повернулось в сторону еле живой от ужаса Ивы. Отец схватил дочь, пытаясь закрыть ее собой. Это очень позабавило бандитку. Она с видимым наслаждением снова взвела курок:

- Ну, что ж, господин Наследник. Я готова помочь вам стать абсолютно свободным...

- Хватит! - раздался вдруг за ее спиной громкий голос.

Ворон, парень с виолой, твердо взял ее за руку, в которой она держала пистолет, и опустил ее вниз.

- Поигралась, и довольно.

Глаза Виринеи налились кровью:

- Ты.... Ты что себе... - она снова подняла пистолет и приставила его к груди юноши.

Его губы дрогнули в усмешке:

- Не наигралась еще? Ну, убей теперь меня. А потом всех, кто здесь есть. Тебе нужен был корабль – так вон он, стоит под парусами. К чему весь этот спектакль с выстрелами и проникновенными речами?

Виринея жгла его полным бешенства взглядом, однако, на курок не нажимала.

Тут бедная Ива, не выдержав всего навалившегося на нее ужаса, еле слышно охнула и повалилась без чувств на камни, выскользнув из рук растерявшегося отца. Виринея проводила ее брезгливым взглядом, потом опустила пистолет и, не глядя ни на кого, быстро направилась к шлюпке. Будто услышав приказ, бандиты устремились за ней, и вскоре шлюпка отчалила, а на пустынном острове остались лишь снова опустившийся на камни возле тела капитана Аскалон да старый Бажан с бесчувственной Ивой на руках.

Солнце перевалило за полдень, было тепло и ясно. Красавица «Заря» мягко покачивалась на волнах, ничуть не изменившись от того, что поменяла хозяина. И судя по тому, как блестели на солнце ее борта, ей было абсолютно безразлично, что из всей небольшой команды уже не осталось в живых ни одного человека, а трое пассажиров ждали смерти на пустынном острове. «Заря» привычно готовилась к продолжению своего плавания: раздавались команды, поскрипывали снасти, сновали по палубе матросы. Между ними деловито прохаживался мохнатый Хвост, ловя носом знакомые запахи. Его хозяйка стояла, опершись о перила борта, и мрачно глядела на воду. Ее глаза сузились, она нервно кусала губы. К ней подошел Угрим:

- Все готово. Прикажешь отчаливать?

Виринея молчала, не отрывая взгляда от волн. К ней приблизился Ворон:

- Звала?

Виринея через плечо послала ему приветливую улыбку – за какую-нибудь минуту она преобразилась: от мрачности не осталось и следа – и кивнула на видневшийся вдали остров:

- Ты ведь знаешь эти места? Все, что говорят об этих островах, правда?

Ворон подошел к борту, тоже посмотрел вдаль, но ответил лишь на первый вопрос:

- Бывал.

- Ночью? – спросила Виринея, вновь одарив его ласковой улыбкой.
- Если я жив, значит, нет, - Ворон подозрительно посмотрел на нее.
Виринея зачем-то бережно сняла с его плеча виолу и опять улыбнулась:
- И ты не видел тех тварей, что, говорят, там обитают?
- Нет, - враждебно сказал Ворон, и снова бросил взгляд на остров. – А тебе это зачем?
Хочешь, чтобы...

Договорить он не успел, так как два незаметно подкрававшихся сзади матроса вдруг схватили его за ноги и перекинули за борт.

- Вот зачем, - Виринея подождала, пока голова юноши покажется над водой, приветливо помахала ему рукой и тут же отвернулась.

Ее лицо снова стало мрачным:

- Отчаливаем.

- Поднять якорь! – закричал Угрим, не выказав ни малейшего удивления.

Другие бандиты тоже, как ни в чем не бывало, занимались своими делами. Они осваивали захваченный корабль, настроение у всех было приподнятое, и никто из них не обратил внимания на такую мелочь, как выпавший за борт человек. «Заря» заскользила по волнам, постепенно увеличивая скорость. Угрим подошел к застывшей возле борта Виринея, обнял ее, поцеловал в щеку:

- Ты чудо! Опять все прошло, как по маслу. Ты волшебница или гений?

- И то, и другое, - ответила она бодро, но в глазах ее были бесконечная усталость и тоска. Похоже, она была единственным человеком на корабле, которого не радовал успех.

- Может, пойдем в каюту, отметим? Тут в каюте капитана есть чудесное вино. Я такого давно не пил. Кстати, а которая каюта твоя?

- Крайняя. Прикажи выбросить оттуда все эти дурацкие платья.

- Опять был маскарад? Жаль, я не видел.

Виринея бросила прощальный взгляд на исчезающий вдали остров.

- По-моему, ты зря оставила их в живых, – сказал Угрим, проследив за ее взглядом.

- Они не доживут до утра. Ты знаешь, что это за остров?

- Тот самый? – глаза Угрима вспыхнули.

Она кивнула и высвободилась из его объятий:

- Я лягу.

- Виринея, - спросил он ей вслед, - а если бы этот чертов Наследник приставил нож к моему горлу, ты и меня бы пристрелила?

Она сделала шаг, собираясь уйти, но он схватил ее за руку:

- Не отпущу, пока не скажешь.

Виринея с досадой вырвала свою руку:

- Да! – и ушла.

Войдя в каюту, она положила на полку виолу, которую принесла с собой, и устало села на кровать. Несколько минут она сидела неподвижно, потом стала медленно расшнуровывать сапожки, но вдруг схватилась за горло, будто кто-то ее душил, и, не справившись с собой, зарыдала.

Ворона спасло то, что он, как и большинство жителей островного Города, отлично умел плавать. Иначе ему ни за что не удалось бы добраться до острова – расстояние было слишком велико. Пошатываясь, он вышел на берег недалеко от того места, где недавно отчалила шлюпка. Ива уже пришла в себя – она-то первая и заметила плывущего к ним человека. Они с отцом старательно вглядывались в морскую даль, но Ворона узнали, лишь когда он вышел из воды. Старый Бажан нахмурился и отошел, Ива за ним. Юноша, конечно,

не рассчитывал на теплый прием, и поэтому лишь устало опустился на песок. Но отдохнуть ему не удалось – его заметил Аскалон, который так и сидел возле тела друга, застыв в немом горе. Никогда в жизни ему не было так плохо, внутри все будто одеревенело. Окружающий мир перестал существовать, вокруг не было ничего, кроме боли, одной сплошной боли, от которой хотелось, но невозможно было избавиться. Он бездумно поправлял складки кителя на груди капитана, зачем-то расстегнул и застегнул пуговицу, потянул за попавшийся под руку уголок – и вытянул голубой платочек с вышитым корабликом. Аскалон сжал его в руке и, громко застонав, вскочил на ноги, не в силах выносить разрывающей его душевной боли. И тут увидел одного из тех, кто был ее причиной.

Аскалон так быстро подбежал, что Ворон еле успел подняться, но в следующую секунду покатился по песку от страшного удара. В приступе ярости Аскалон не замечал ничего вокруг: не было мыслей, чувств, осталось лишь желание отомстить. Будь на месте Ворона кто-то другой, он бы от такого натиска растерялся, но Ворон с раннего детства привык постоянно защищать свою жизнь – он вырос в самых бедных кварталах без родителей, и если бы у него не был в совершенстве развит инстинкт самосохранения, он бы ни за что не дожил до своих двадцати с небольшим лет. Он мгновенно вскочил на ноги и от следующего удара успел уже уклониться. Но и Аскалон, почувствовав сильного противника, перестал беспорядочно размахивать руками, и повел грамотный, построенный по всем правилам поединок. Профессиональные занятия борьбой хороши тем, что в критическую минуту подсознание само начинает руководить действиями человека, не требуя от него никаких мыслительных операций, которые часто не успевают за действиями. Движения Аскалона стали четкими, а удары сильными и точными. Но и Ворон не оставался в долгу, и хоть в тактике он явно уступал, но опыта у него было гораздо больше – ведь в жизни он имел дело не с инструкторами и вежливыми партнерами, а с настоящими бандитами, которые нередко были вдвое старше и сильнее его. Он отступал, забираясь все выше на скалу, надеясь, что в конце концов Аскалон устанет и прекратит свои атаки. Но движимый отчаянием, его противник не ослабевал, и Ворон понял, что тот не отступится, пока не убьет его.

Издали за ними с волнением наблюдали Бажан с дочерью. Прошло несколько минут, и стало ясно, что Ворон в этой схватке проигрывает. Ослабленный долгим плаванием, он с самого начала нетвердо держался на ногах, а теперь стал чаще и чаще падать. Его удары все реже попадали в цель, зато Аскалон уже почти не промахивался. Его лицо стало спокойнее, на нем теперь отражались хладнокровие и уверенность – он видел, что побеждает. Еще несколько ударов, и Олех будет, хоть частично, но отомщен. Аскалон бил без передышки, не давая противнику подняться. Но Ворон не сдавался, он не привык сдаваться. Собравшись, он вдруг выгнулся и с такой силой ударил Аскалона ногой по колену, что тот не удержался и покатился по камням. Тяжело сглотнув, Ворон встал и посмотрел вниз: его противник лежал без движения.

Подбежала Ива, стала терзать лежащего, но тот не реагировал.

- Ты убил его, - прошептала девушка подошедшему Ворону и повторила громче. – Ты убил его!!

Подошел Бажан, проверил пульс и сказал:

- Он жив.

- Жив? – у Ивы слезы полились из глаз. – Ты уверен? Тогда надо перенести его на траву. Помнишь, мы видели корзину? В ней было одеяло.

Она помчалась к берегу. Там действительно стояла корзина, единственная, которую успели выгрузить из шлюпки. Бандиты не обратили на нее внимания. Ива расстелила на траве одеяло, и мужчины перенесли на него бесчувственного Аскалона. Ворон отошел к

морю, чтобы смыть с себя кровь. Ива нашла в корзине еще одно одеяло и, свернув, положила его раненому под голову.

- Папа, что нам делать? Нас найдут?

- Конечно, котенок. Мимо будет проплывать какой-нибудь корабль и заберет нас.

- Но у нас нет ни еды, ни пресной воды. Сколько мы продержимся?

- Кажется, в корзине была бутылка с водой. Да, вот она. Ты хочешь пить?

Ива сделала небольшой глоточек.

- Теперь мы наверняка продержимся до тех пор, пока не придет помощь. Только надо экономить, да? Папа, а вдруг они нас не заметят?

- Заметят, - успокоил ее отец. - Мы будем кричать, махать руками.

- Не заметят, - сказал подошедший Ворон. - Корабли обходят этот остров стороной.

Надо разжечь костер.

- Правильно, - обрадовалась Ива. - Дым наверняка увидят.

- Только здесь очень мало деревьев, - Бажан оглядел остров. - Надолго этого не хватит.

- Соберем, сколько сможем, - отозвался Ворон, - а там посмотрим. Вы мне поможете?

- Конечно, - с готовностью ответил Бажан. Он-то понимал, что сейчас не время сводить счеты. - Ты побудь с раненым, - сказал он дочери. - Придет в себя - дай немного воды.

Ива послушно кивнула. Она присела на краешек одеяла и следила, как удаляются мужчины. Но они почему-то не спешили приступить к делу. Остановившись невдалеке, они о чем-то тихо переговаривались. Ворон что-то рассказывал ее отцу, показывая на скалы, и Ива заметила, что отец несколько раз тревожно посмотрел в ее сторону. В ее душу снова стал закрадываться страх, и она уже собиралась пойти и спросить, в чем дело, но тут Аскалон шевельнулся и кашлянул. Ива бросилась к нему.

- Ива? - Аскалон сделал попытку подняться, но заскрежетал зубами и вновь опустился на одеяло. - Что со мной?

- Вы не помните? Вы упали и...

- Да, да. Помню. Кажется, я что-то сломал себе. Долго я был без сознания?

Ива подумала:

- Точно не могу сказать. Довольно долго, - она достала бутылку. - Выпейте воды.

Аскалон с трудом приподнялся и сделал несколько глотков, даже не поинтересовавшись, откуда вода - на это у него просто не было сил. Левую руку и бок рвала на части страшная боль, и он еле сдерживался, чтобы не застонать, боясь напугать девушку. Но чуткая Ива все равно поняла, насколько ему плохо, и глядя на его страдания, сама мучилась от того, что не может помочь.

- Ива, простите меня, - прошептал Аскалон.

- Что вы? - испугалась она. - За что?

- Это же я взял на корабль эту гадину. Если бы... Мы бы... - мысли его путались.

- Не говорите так, пожалуйста. Никто и не думал вас обвинять.

- Им нужен был мой корабль. А вы попали случайно, - время от времени он ловил ртом воздух. - Никогда себе... не прощу.

- Прошу вас, не надо ничего говорить, - Ива не знала, как его успокоить. Но он чувствовал, что на него снова накатывает волна беспомощности и спешил высказаться:

- Никогда... не прощу... потому что я... Ива, я люблю вас.

Она тихо охнула.

Юноша судорожно сжал в руке край одеяла, потом не выдержал - застонал, дернулся вперед так, будто хотел убежать от боли и снова потерял сознание.

Когда Бажан с Вороном вернулись, Ива сидела и тихо плакала. Бажан обнял ее:

- Ну, что ты, котенок, не плачь. Мы принесли дрова. Сейчас разожжем костер.

- Не сейчас, вечером, - поправил Ворон и выразительно посмотрел на него.

Ива окинула взглядом кучу веток. Она казалась огромной, но на всю ночь ее, конечно, не хватит.

- Это все?

- Наломали, сколько смогли, - ответил Ворон. – Без пилы и топора довольно трудно ходить за дровами.

Ива испугалась, что ее вопрос прозвучал, как упрек, и поспешила поправиться:

- Очень хорошо. Завтра наберем еще, - она вытерла слезы. – Попейте воды.

Оба отказались. Ворон присел в стороне и принялся осматривать свои ссадины, которыми в изобилии было покрыто его тело. Бажан наклонился над Аскалоном:

- Как он?

- Плохо, - грустно ответила Ива. – Пришел в себя, а потом опять... Папа, а вдруг он умрет?

Бажан не ответил.

- Послушай, - тут же стала утешать себя девушка. – Если корабль Наследника не придет в порт вовремя, ведь должны выслать корабль на его поиски. До Города отсюда не так уж далеко, надо продержаться совсем недолго. Вода у нас есть. Если бы он не был ранен, - и Ива невольно бросила взгляд на Ворона.

- Да что вы на меня все время смотрите! – Не выдержал тот. – Не я же начал драку.

- Нет, нет, вас никто не упрекает, - Ива снова почувствовала неловкость. – Вы просто защищались.

Ворон поднялся.

- Пора. Скоро начнет темнеть, - сказал он и стал разжигать огонь.

Через несколько минут был готов небольшой костер, и у Ивы на сердце потеплело.

«Сейчас мы ляжем спать, - подумала она. – Ночь пройдет, а утром придет корабль и заберет нас отсюда». Она придвинулась поближе к костру. Ей захотелось поговорить.

- Ворон, а кто такая Виринея? – Спросила она.

Но он не был расположен к разговору. Он сидел в стороне, к чему-то прислушиваясь.

- Тебе лучше этого не знать, - бросил он хмуро.

Тут подал голос Бажан:

- Надо перенести его поближе.

Ворон помог ему положить Аскалона возле костра и опять уселся поодаль, напряженно вслушиваясь в наплывавшие сумерки. Ива чувствовала, что они что-то от нее скрывают, и ей снова стало страшно. Нет, этой ночью ей не заснуть. Долго все трое молча сидели возле костра, словно чего-то ждали.

- Вот, - наконец сказал Ворон.

Он взял большую палку, обмотал ее конец какой-то тряпкой и встал возле костра, всматриваясь в темноту, которая становилась все гуще.

Если бы они находились поближе к скалам, то увидели бы, как те вдруг начали шевелиться, словно сотни огромных жуков поползли в разные стороны. Скоро Ива услышала странный треск, который становился все громче. Ворон напрягся и крепче сжал в руке палку. Бажан встал с другой стороны костра, так же держа палку.

- Что это? – испуганно вскрикнула Ива.

Ей никто не ответил. Но через минуту она услышала, как кто-то или что-то приближается к их костру. Она вскочила, и тут же со стороны Бажана показалась страшная оскаленная морда. Старик резко сунул палку в огонь, тряпка на ней загорелась, и он ткнул ей прямо в морду. Животное взвыло и скрылось. Но вскоре со стороны Ворона появились уже две такие же твари. Они были похожи на гиен, только крупнее, и спина у них была широкая и плоская. Ворон поджег свою палку и отогнал их. Остальные не решались приблизиться к огню, но судя по усилившемуся вокруг рычанию, их становилось все

больше. Вскоре это рычание стало таким громким, что людям приходилось кричать, чтоб услышать друг друга.

- Смотри за раненым, - крикнул Иве отец.

Она, не зная, что делать, обхватила Аскалона руками и крикнула:

- Может, зайдём в воду?

Ворон отогнал ещё несколько тварей, которые становились все наглее, и повернулся к Иве:

- Они умеют плавать.

Несколько минут им было не до разговоров: Ворон с Бажаном, не переставая, размахивали палками, стараясь не подпустить страшных зверей к Иве с Аскалоном. Наконец Ворон крикнул:

- Все, больше не выдержим.

Ива закрыла глаза и не видела, как одна осмелевшая тварь прыгнула на её отца, повалив его наземь. Но тут из темноты раздался выстрел, и мерзкое животное, захрипев, свалилось вниз. Ещё несколько выстрелов отпугнули других.

В свете костра появился коренастый мужчина с бородкой клинышком.

- Сколько вас? Давайте быстро в шлюпку.

Раздумывать было некогда.

- У нас раненый, - лишь крикнул сквозь звериный рев Бажан, но Ворон уже подхватил Аскалона, перекинул через плечо и побежал к берегу. Ива с Бажаном за ним.

До берега было недалеко, но страшные звери не хотели упускать свою добычу и отстали лишь в море, и то после нескольких точных выстрелов.

Ива никак не могла успокоиться, ей казалось, что она слышит возле шлюпки подозрительный плеск.

- Они отстали, - сказал один из четверых работающих веслами матросов, заметив её беспокойство.

- Кто это? – Ива пыталась унять дрожь. – Мы днем их не видели.

- Днём они спят, превратившись в камни или слившись с камнями. Как угодно, - ответил второй матрос, помоложе. Он с интересом разглядывал девушку, - А вы разве не слышали рассказов про эти острова?

- Я думала, это сказки.

- Со сказками-то все понятно, - отозвался с другого края шлюпки бородатый. – А вот что вы делали на этом острове?

- Это длинная история, - устало ответил сидящий рядом с ним Бажан.

Через несколько минут все четверо уже находились в просторной кают-компании. Аскалона уложили на диван, Ива присела рядом с ним на краешек. Её отец тяжело опустился на стул, а Ворон ушел в самый дальний угол и сел прямо на пол возле стены.

- Сейчас придет врач, - сказал бородатый, оказавшийся боцманом, - и капитан будет через минуту. Каюты вам уже готовят, так что скоро вы сможете отдохнуть. Что-нибудь еще?

- Нет, спасибо, - ответил Бажан.

- Тогда может, расскажете вашу длинную историю? Хотя бы вкратце. Мне надо что-то доложить капитану.

Бажан кивнул:

- Хорошо. Пойдемте на воздух.

Они вышли. Минут через пять пришел врач. Осмотрев раненого, он сказал:

- Похоже, сломаны два или три ребра.

- Он не умрет? – со страхом спросила Ива.

Доктор бросил на неё высокомерный взгляд:

- От этого не умирают.

Но увидев ее серое от страданий лицо, смягчился:

- Уверяю вас, что завтра вы с ним сможете поговорить. А пока идите отдыхать. Вам не нужна моя помощь? Хотите, я дам вам успокоительного?

Ива не успела ответить – дверь открылась, и вошли два матроса. Они молча оглядели помещение и остановили взгляд на Вороне. Тот сразу все понял и поднялся. Ива сделала слабое движение к нему, но он быстро прошел мимо, не поднимая головы. За ним вышли матросы. Врач проводил их удивленным взглядом.

Утром за завтраком Бажан повторил всю их историю теперь уже с подробностями. Ива сидела рядом с ним, вялая и сонная, и почти не принимала участия в разговоре. Проснувшись, она первым делом навестила Аскалона, который пришел в себя и уверил ее, что чувствует себя настолько великолепно, что завтра, когда они прибудут в порт Города, сам без посторонней помощи сможет добраться до кареты. Он, и правда, выглядел гораздо лучше, лишь в глазах его Ива увидела затаенную скорбь и непонятную ей тревогу. Врач запретил ему вставать, по крайней мере, до прибытия в Город, так что завтракали вчетвером: Ива с отцом, капитан и бородатый боцман.

- На самом деле, вы даже не представляете, насколько вам повезло, - сказал капитан, немолодой уже человек с седыми висками. – Мы должны были проходить мимо этого острова на день раньше, но задержались в порту. Эти негодяи все рассчитали до мелочей: вы не должны были дожить до утра.

Ива вздрогнула, вспомнив прошедшую ночь:

- Вы думаете, она знала про этих тварей?

- Уверен. «Заря» - не первое судно, которое она захватила. Она редко оставляет живых свидетелей. Вам невероятно повезло. Все моряки знают, что это за остров, и я думаю, ваш капитан решил высадиться на него, рассчитывая вернуться на корабль до наступления темноты. Днем при свете солнца эти твари абсолютно безопасны – они застывают и сливаются со скалами. Вы можете ходить возле них, по ним – и ничего не заметите. Камни и камни. Но лишь наступает ночь, они с глухим треском сбрасывают с себя оцепенение и превращаются в злобных монстров.

- Это верно, - тихо сказала Ива. – Я слышала какой-то треск, но не поняла, что это.

- С вашего разрешения, мы вернемся в каюты, - вмешался в разговор Бажан, убирая салфетку. – Дочке надо отдохнуть.

Все поднялись, и тогда Ива решила задать мучивший ее вопрос:

- Скажите, капитан, а тот человек, что был с нами... Где он?

- В трюме, сударыня.

- В трюме?

- Да. На моем корабле нет специального помещения для арестантов.

- Но ведь он все равно никуда не убежит. Зачем же его запирать?

Капитан вопросительно посмотрел на Бажана.

- Ивушка, ты устала, тебе надо прилечь, - обнял дочь за плечи Бажан. Да и у меня после вчерашнего, признаться, до сих пор ноги трясутся. У капитана, наверное, много дел. Не будем ему мешать. Спасибо за прекрасный завтрак, капитан.

Когда они вышли, капитан с боцманом обменялись недоуменными взглядами.

Город на самом деле представлял из себя целое государство, расположенное на острове. Впрочем, это был даже не остров, а материк, судя по его размерам, но как-то так повелось, что с давних пор все называли его островом. Вокруг располагалось множество других островов: довольно больших, средних, маленьких и совсем крошечных; а на

расстоянии нескольких дней пути находилось еще несколько таких же островов-государств, вроде того, откуда прибыли наши герои.

На берегах огромного острова было множество портов, из которых каждый день уходили большие и маленькие, торговые и пассажирские, богатые и бедные корабли.

К одному из этих портов и прибыл грузовой галеон, подобранный на зловещем острове неудачливых путешественников. Капитан, желая угодить находящейся на борту высокой особе, изменил место прибытия и пришвартовался не в привычном доке, принимавшем грузовые суда, а в ближайшем к Дворцу Правителя порту. Подойти к причалу, непосредственно относящемуся к Дворцу, он не посмел – туда причаливали лишь личные корабли Правителя или суда, имевшие специальное разрешение.

Правитель, с нетерпением ждавший возвращения сына, которого не видел несколько лет, только начал волноваться, когда тот не прибыл в срок, и уже собирался выслать корабль ему навстречу, как ему сообщили, что Наследник скоро прибывает во Дворец. Узнав, что сын прибыл не на «Заре», что он нездоров, Ангелар чуть было не бросился самолично в порт, но остался, вняв благоразумным доводам приближенных, что они могут разминуться.

И верно, не прошло и двадцати минут, как дверь его кабинета отворилась – и вошел долгожданный Аскалон. Конечно, люди, облеченные властью, умеют себя правильно вести в любой ситуации и знают, как надо держаться, чтобы не уронить собственное достоинство, но бывают ситуации, когда и с них спадает вся чопорность, и гордый властелин вдруг превращается в обыкновенного человека. Как ни старался Ангелар держать себя в руках в окружении придворных, но оказавшись наедине с сыном, он не выдержал, забыл про все свои манеры и бросился обнимать своего обожаемого ребенка. Сын был здесь, рядом, его можно было прижать к себе, можно было услышать его голос. Это теперь было важнее всего. И лишь удостоверившись, что его мальчик в порядке, прочувствовав, что то, о чем он мечтал столько лет, наконец произошло, Правитель спохватился, что тому, вероятно, нужна медицинская помощь. Не обращая внимания на протесты юноши, его тут же уложили в постель, вокруг засуетились придворные лекари, и Ангелар не успокоился до тех пор, пока не услышал, что его сыну ничего не угрожает, что ему уже была оказана квалифицированная помощь и теперь достаточно лишь соблюдать режим и продолжать лечение. Ангелара можно было понять: много лет он заботился о благе своего Города, а теперь ему предоставилась возможность позаботиться о единственном близком ему человеке. Аскалон быстро прекратил сопротивляться, хоть считал всю эту суету совершенно лишней, и терпеливо ждал, когда Ангелар удовлетворит свой долго дремавший отцовский инстинкт. Ему и самому было приятно после длительных странствий и всех пережитых ужасов оказаться в своей старой уютной спальне и почувствовать себя ребенком, стать центром внимания и объектом заботы. На время его оставили все тревоги и страшные воспоминания, он впитывал окружавшие его знакомые запахи и с наслаждением погружался в безмятежность и сладкий покой.

Прошло не меньше часа, пока мудрый Правитель не увидел, что его сын готов к серьезному разговору, который нельзя было откладывать надолго. Пока Аскалона перевязывали, одевали и кормили, его отец успел переговорить с теми, кого посылал к галеону, вкратце узнал, что произошло, и даже сделал несколько важных распоряжений – Ангелар никогда не откладывал дела в долгий ящик; он полагал, что лучше проявить себя слишком рано, чем опоздать. Поэтому он дал Аскалону времени прийти в себя ровно столько, сколько это было необходимо, и ни минутой больше.

Убедившись, что все, касающееся здоровья и отдыха его сына, было сделано, Правитель отправил всех слуг и придворных, тщательно затворил дверь и, присев на край дивана, на котором обложенный подушками, полулежал Аскалон, сказал:

- Никак не могу поверить, что этого солидного мужчину я проводил шесть лет назад с гувернером, которому наказывал подальше прятать конфеты.

Аскалон улыбнулся. Отец прикрыл его руку своей ладонью:

- Я отложил до вечера все дела. У нас есть несколько часов. Рассказывай.

Аскалон сжал его руку:

- Отец, Олех погиб, - он дернулся, будто изнутри кто-то толкнул его в грудь, но, сказав самое страшное – то, во что до сих пор сам боялся поверить, остальное он изложил уже спокойнее.

Он подробно рассказал о приказании Мертвых, не упустив ни одной детали; потом вспомнил свой разговор с Олехом; и наконец поведал о событиях на злополучном острове: описал Виринею и бандитов, которых успел рассмотреть, не забыл даже Хвоста; упомянул, конечно, и Иву с Бажаном – начиная с их случайного знакомства и до прощания в порту – они отправились домой, но обещали непременно навестить раненого, и Аскалон просил отца распорядиться, чтоб их незамедлительно пропустили, когда они придут, тем более, что Бажан мог бы прояснить некоторые эпизоды их пребывания на острове, которые Аскалон пропустил по причине беспамятства.

Проницательный Ангелар, конечно, догадался, что дело тут вовсе не в пропущенных эпизодах – он по опыту знал, что такой блеск в глазах юноши при упоминании имени девушки бывает только в одном случае, но деликатно сделал вид, что сам хочет познакомиться с Бажаном и его дочерью лишь как с людьми, помогавшими его сыну, и ценными свидетелями.

- До срока, назначенного Мертвыми, осталось меньше двух недель, - закончил свой рассказ Аскалон. – Времени терять нельзя. Теперь я точно знаю, какое Зло они имели в виду.

- Ты думаешь, это Виринея?

- Отец, если бы ты видел ее тогда, у тебя не осталось бы никаких сомнений. В ее глазах было столько злобы, она с таким наслаждением убивала! Есть ли кто-то, кто сравнится с ней в жестокости! Ее надо уничтожить, отец. Ты мне поможешь?

- А ты уверен, что тобой руководит не желание отомстить? – ответил вопросом Ангелар. – В этом деле нельзя ошибаться, тем более, что у нас так мало времени.

Аскалон откинул подушки и сел, задумавшись:

- Ты считаешь, что с моей стороны это всего лишь жажда мести?

- Я просто хочу разобраться. Мы не имеем права на ошибку, - Правитель встал и заложил руки за спину.

- Отец, в Городе есть еще что-то, что угрожает его спокойствию?

Правитель подумал:

- Я бы знал.

- Значит, ты не знаешь?

- Нет.

- А о Виринее ты слышал раньше?

Правитель нахмурился и кивнул:

- Увы.

- Извини, отец, но либо ты негодный Правитель, либо я прав.

Ангелар удивленно вскинул брови и усмехнулся:

- Вот как?

- Если в Городе действует Зло, которое до такой степени беспокоит Мертвых, что они первый раз за триста лет решили вмешаться в наши дела, а ты об этом ничего не слышал, то ты плохой правитель.

Ангелар снова усмехнулся:

- Логично. Соответственно, если другого Зла, равного по масштабу напавшей на тебя банде нет, то Мертвые имели в виду именно ее. Ты хорошо рассуждаешь. Мой мальчик совсем вырос.

- Так есть еще что-то, что тебя беспокоило бы так же, как эта женщина?

- Нет. Похоже, ты прав. Наш Город процветает, как никогда. Вокруг мир, покой. Выходя на улицу, я вижу счастливые лица горожан. У нас нет проблем. Кроме одной.

- Так ты согласен со мной? Можно начинать действовать?

- Согласен, да. А вот насчет «действовать»...

Ангелар отвел глаза и замолчал. Наследник удивленно ждал продолжения, но отец не спешил с объяснениями.

- Я... я не понимаю. Ты не хочешь мне помочь?

Вместо ответа Правитель вздохнул. Это было так непохоже на него.

- Отец, она убила Олеха. Я все равно найду ее рано или поздно.

Ангелар молчал, присев на стул напротив сына и опустив голову. Он о чем-то раздумывал. Аскалон вскочил, забыв про свои раны:

- Отец...

- Сядь, - коротко бросил тот, и юноша покорно опустился на диван. – Ты ничего не знаешь. Все очень сложно. Слишком сложно. – Ангелар провел по лицу рукой, будто хотел стереть с него нерешительность, и встряхнул головой. – Аскалон, ты уже совсем взрослый, и я могу рассказать тебе то, что раньше скрывал. Ты уверен, что в силах выслушать все, что я тебе расскажу? Или, может, отложим до утра?

- Я просто не выдержу до утра.

Ангелар кивнул, но начать никак не решался. Сын решил ему помочь:

- Ты знал эту женщину раньше?

- Аскалон, она моя сестра.

Чего угодно ожидал Наследник, но только не этого.

- Сестра?

- Да, а твоя тетка.

- Но у тебя не было сестры! У тебя был брат.

Ангелар виновато посмотрел на сына:

- Ты был слишком маленьким. А эта тайна не должна выйти за пределы Дворца.

Но Аскалон все не мог поверить:

- Но она совсем молодая! Она тебе в дочери годится!

- Так бывает, Аскалон.

Аскалон развел руками:

- Я не понимаю!

- Ты готов слушать? Может, приказать чаю – история будет долгой.

- Какой тут чай! – отмахнулся Аскалон.

- Хорошо, тогда слушай, - Правитель грустно улыбнулся. – Не помню, чтоб я рассказывал тебе сказки, когда ты был маленьким.

- У меня было много нянек.

- М-да. Но эту сказку, я уверен, ни одна из них тебе не рассказывала. Итак, начну, как полагается. Давным-давно, когда на нашем острове только поселились люди, стали они, естественно, выбирать себе Правителя. Выбрали одного, а он стал тираном, выбрали другого – он превратился в самодура, выбрали третьего – и получили диктатора. И тогда люди решили, что единоличная власть не идет никому на пользу. Но ведь без власти нельзя. Как быть? И тогда собрался Совет Старейших и постановил поделить власть. Решили, пусть у Города будет не один, а два Правителя. Им и управлять будет сподручнее: посоветуются при спорных вопросах, помогут друг другу в тяжелой ситуации, смогут заменить один другого в случае болезни; и Город может не опасаться, что у власти

окажется тиран. В общем, решили, что лучше ничего не придумают. Спросили совета у Мертвых (тогда это было в порядке вещей – Мертвые гораздо активнее принимали участие в жизни Города), те одобрили такое решение. Потом выбрали двух Правителей – отца и сына из самой благочестивой и порядочной семьи, решили, что близкие люди и поймут друг друга лучше, и распрей между ними не будет, раз делить им будет нечего – владеют-то Городом поровну. Вот. А Мертвые в знак своего полного одобрения нового порядка сделали Правителям чудесный подарок – монету, поделенную на две равные части.

- Монету? Почему монету? – совсем как ребенок, спросил Аскалон, слушавший раскрыв рот.

- Монета – это деньги, деньги – это власть. Во-первых, символ власти. Во-вторых, монета имеет две стороны: одна – добро, другая – зло. Правда, понять, где добро, где зло, невозможно. Прямо как в жизни. И кроме того, обе стороны неразрывно связаны: без добра нет зла, без зла не бывает добра. Их нельзя разделить – где одна сторона, там и другая. Ну, и в-третьих, монета была, как ты помнишь, разделена пополам. Это означало, что каждый из Правителей – это лишь часть целого, и один без другого ничего не стоит, как половина монеты. Но ты же понимаешь, что Мертвые не стали бы дарить простую монету, какой бы ценной она не была. Конечно, это была не обычная монета. Это был оберег. Человек, повесивший на шею половинку монеты, становился неуязвимым. Конечно, он мог заболеть, состариться, свалиться случайно со скалы или утонуть, но другой человек не мог причинить ему вред. Никоим образом.

- Может, хоть теперь покажешь мне эту таинственную вещицу. Я ведь никогда ее не видел.

Ангелар расстегнул ворот рубахи и достал висящую на тонкой золотой цепочке половинку монеты.

- Только учти, с шеи я ее никогда не снимаю. Никогда.

Аскалон с трепетом взял в руки реликвию и стал внимательно ее разглядывать:

- Так вот что дает тебе неуязвимость. Но почему ты скрываешь ее? Ты же получил ее честно, носишь по праву, как законный Правитель, - Наследник поднял глаза на отца.

Тот был мрачен:

- Чтобы не возникал вопрос, где же вторая половинка.

- А где вторая половинка? – спросил Аскалон. Он снова взглянул на монету и вдруг вскрикнул. - Змея! Здесь изображена половина змеи. Но ведь на острове тоже была змея. Она превратила в пепел матроса.

- Змея охраняет хозяина половинки монеты. Она мгновенно чувствует грозящую ему опасность и уничтожает каждого, от кого эта опасность исходит. Никто не может ни убить, ни даже ударить меня и... и мою сестру.

- Ничего не понимаю. Как же она стала...

- Давай по порядку, - Ангелар аккуратно убрал оберег обратно и застегнул ворот.

И Аскалон снова весь обратился в слух. Правитель продолжал:

- Итак, мы остановились на том, что два избранных Правителя получили каждый по половинке монеты, которые давали им неуязвимость. Эта династия правила, как ты знаешь, много веков, передавая власть (а с ней и монету) по наследству. Иногда у власти вместе оказывались отец и сын, иногда братья или сестры, иногда муж и жена. Ну это это все и без меня знаешь. Ты ведь учил историю. Так что пойдём дальше. Ты ведь помнишь, кто...

- погоди, - остановил его Аскалон. – Прости, что перебиваю. Я не понял вот что: что случается со змеей, если ее хозяин умрет?

- Она умрет вместе с ним.

- Но как же?..

- Тот, кто владеет оберегом, может передать его любому, назначив таким образом своим преемником, и змея станет защищать нового хозяина. Все Правители, чувствуя приближение смерти, поступали так. И я когда-нибудь отдам тебе свою половинку.

- Но ведь смерть может наступить внезапно...

Ангелар вдруг побледнел:

- Тогда оберег утратит все свои свойства, и вернуть их будет нельзя. В этом случае семья теряет власть – таково было условие Мертвых, - поэтому оберег берегли пуще глаза. Но такого, к счастью, никогда не было. Может, Мертвые подают Правителю перед смертью какой-нибудь знак, чтобы он успел передать полмонетки своему наследнику. Этого я не знаю.

- Можно еще вопрос? А что если кто-то захочет отнять оберег силой?

- Глупость спрашиваешь. Подумай сам.

- Да, понял. Змея почувствует угрозу и убьет его. Но если он сделает это осторожно, например, подкрадется к спящему?

- Угроза есть угроза. Змея ее почувствует, в чем бы она не выражалась. Так рассказывать дальше?

- Да, конечно. Извини, что перебил.

- Ты перебил меня, когда я пытался спросить, помнишь ли ты, кто правил передо мной?

- Конечно. Это же любой школьник знает. Братья Вир и Витт. Вир умер в 78 лет, а Витт через месяц после него. И ему было, - Аскалон напряг память, - 73, если не ошибаюсь.

- Не ошибаешься. Все верно. Детей у них не было, родственников тоже. Династия прервалась. К счастью, они успели передать свои половинки монеты специально для этого выбранным Хранителям из Совета, двум самым уважаемым и честным людям, которые должны были передать обереги двум вновь избранным Правителям.

- Ничего себе! А если бы Хранители не захотели отдавать обереги. Как бы их отобрали?

- Вот поэтому на их роль и выбрали самых честных и порядочных. Надеюсь, ты веришь, что такие существуют? Но проблема, как это часто бывает, возникла совсем не там, где ждали. Выборы Правителей прошли как по маслу. Но мне об этом как-то неудобно говорить, тем более, это-то ты хорошо знаешь.

- Да, я знаю, как выбрали вас с братом. Он был старше тебя на год? Вашу - или, вернее, нашу – семью посчитали самой благочестивой, образованной и знатной в Городе. Вы с братом были самыми...

- Только прошу, избавь меня от ненужных комплиментов. Мне до сих пор неловко выслушивать все это.

- Но ведь это правда.

- Правда то, что мы с Добраном были слишком молоды, но Совет не посчитал это препятствием для избрания нас на должность Правителей. Благородные Хранители безропотно передали нам половинки священной монеты, и мы вдвоем начали управлять Городом. Все начиналось очень хорошо, и первые дни нашего правления были на редкость удачными. Казалось, что и дальше все пойдет так же гладко. Так бы и было, если бы не Добран. Знаешь ли, сын, есть люди, которые воспринимают власть, как благо, как возможность изменить жизнь к лучшему, как награду, а есть такие, для которых власть – это тяжелое бремя, от которого они стремятся избавиться, а если не могут этого сделать, то рано или поздно оно их раздавит. Таким был мой брат Добран. К сожалению, я понял это слишком поздно для того, чтобы предотвратить то, что произошло.

- Он умер, я знаю, - Аскалон взял отца за руку, пытаюсь помочь ему справиться с нахлынувшими горькими воспоминаниями.

- Ты знаешь то, что знают все, то, что написано в учебниках. Но там не вся правда. Мой брат не болел. Конечно, последние дни он вел себя странно – и это, кстати, помогло окружающим поверить, что он умер от болезни. Он то впадал в апатию, то наоборот

становился чересчур активен. Все чаще он говорил мне, что жалеет о том, что стал Правителем, что эта должность не для него, он боялся, что не справляется. Я утешал его, как мог, но, честно говоря, не придавал его словам должного внимания – они мне казались временной слабостью, я был уверен, что скоро Добран привыкнет и все наладится. Да и потом у меня было очень много работы – я был молод, Правление было для меня новым незнакомым делом, я тоже, как и он, боялся что-то напутать, боялся, что не справлюсь. Как часто за собственными мелкими проблемами мы не видим огромные проблемы наших близких, и замечаем их, когда сделать уже ничего нельзя. Вот так и я отмахивался от брата, считая его жалобы пустым нытьем, пока однажды не нашел его в полной крови ванне уже мертвого. Он вскрыл себе вены. Понимаешь, мне нужно было лишь выслушать его, поддержать, дать понять, что он не одинок...

Ангелар торопливо отошел к окну и долго стоял там, уставившись невидящим взглядом на растущие под окном цветы. Потрясенный услышанным Аскалон не мешал ему, да ему и самому требовалось время, чтобы прийти в себя.

- Знаешь, - сказал, помолчав, Правитель, - я все же прикажу, чтоб подали чаю. Или ты хочешь поесть?

Когда слуги, расставив на столе приборы и кушанья, вышли, Правитель уже достаточно собрался с силами, чтобы продолжать свой рассказ.

- Понимаешь, сын, - начал он, задумчиво помешивая чай, - ведь накануне своей смерти Добран отдал мне свою половинку монеты. Пробурчал что-то неразборчивое, кажется, просил меня подержать у себя его оберег, пока он не сделает одно важное дело. Тут бы мне и догадаться, что он задумал худое! Так нет! Я даже не дал себе труда выслушать его!

Аскалону хотелось утешить отца, но он не смог подобрать слов. Но Ангелар никогда не позволял себе раскисать – он сам взял себя в руки, не желая, чтобы сын увидел его слабость.

- В общем, после смерти брата у меня оказались обе половины монеты, - Правитель сосредоточенно занялся приготовлением бутербродов. – Такого еще никогда не случалось. Срочно собрался Совет Старейших, чтобы решить, как быть дальше. Предложение оставить меня единоличным Правителем, хотя и было довольно разумным, было отвергнуто большинством. Их можно понять: они столько веков боялись единовластия и тирании. Но что было делать? Мои родители к тому времени уже умерли, а жениться я еще не успел – разделить власть над Городом со мной было некому. Уже начали поговаривать о том, чтобы передать правление другой семье, как кто-то вспомнил о моей сестре. Сначала лишь посмеялись – она была совсем ребенком – но потом призадумались. Вариантов-то, собственно, не было. Снова начать поиски семьи – это несколько месяцев безвластия, нестабильности. Город совсем недавно прошел через это. А я уже успел зарекомендовать себя как неплохой Правитель. Несколько лет мне бы, конечно, пришлось заниматься всеми делами одному, но за это время Вириная бы подросла, выучилась всему, что необходимо – и все бы пошло как прежде. На том и порешили.

- И ей отдали полмонеты? – догадался Аскалон.

- Да, это было одно из главных требований Совета. Я, разумеется, подчинился – к чему мне два оберега? Я же не знал, чем это все обернется, - Ангелар откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза рукой. – Правда, у Вирины с детства был неуравновешенный характер, но я думал, что все дети в ее возрасте ведут себя так. Понимаешь, сын, я был очень молод, мне было чуть больше, чем тебе. Сейчас я бы, конечно, не совершил всех тех ошибок, но, надеюсь, ты все же не будешь судить меня слишком строго, ведь все в жизни ошибаются. Глуп не тот, кто ошибается, а тот, кто не признает своих ошибок. Тебе тоже предстоит пройти этот тернистый путь, постарайся только обдумывать каждый свой шаг и не будь излишне самоуверенным, и на пути к цели не забывай иногда останавливаться,

чтобы оглядеться по сторонам и подумать, не ломишься ли ты в непробиваемую стену, когда рядом есть дверь.

- Я постараюсь не совершать ошибок, отец.

- Так не бывает, сын. Постарайся просто ошибаться пореже и делать выводы из своих ошибок, - Ангелар сделал несколько глотков. – Кажется, я отвлекся. На чем мы остановились?

- Видимо, на самом интересном. На Виринее.

- Да. Так вот, она и раньше была какой-то странной, непредсказуемой, а после смерти брата и вовсе сошла с катушек. Каждый день капризы, истерики. Меня избегала, я не мог даже поговорить с ней. А уж когда, получив оберег, стала неуязвимой, она словно с цепи сорвалась. Никто не мог с ней сладить. Приглашали и врачей, и воспитателей. Все только разводили руками и говорили, что виной всему сложный возраст, что нужно немного подождать, и все уладится само собой. Ждали-ждали, и дождались! Она сбежала из Дворца! Как ей это удалось и куда она убежала, я до сих пор не знаю. Но она была очень хитра, и, наверное, все заранее продумала. Мы ее, естественно, искали и, понятное дело, не нашли. Что было мне делать? Без второй половины монеты и речи не могло быть о том, чтобы подбирать второго Правителя. Совет Старейших, конечно, долго бурлил и пытался что-то предпринять, но что тут предпримешь? В конце концов, решили не предавать все случившееся огласке и нигде не упоминать, что у меня была сестра.

- И когда ты услышал о ней снова?

- Пару лет назад начали ходить слухи о неуловимой банде под предводительством молодой женщины. Сначала я не связывал их с Виринеей, но когда появились ее описания, у меня зародились подозрения. Но я не верил. Не верил, даже когда всплыло имя Вириней. У меня в голове не укладывалось, что она могла опуститься до разбоя! Конечно, я знал ее взбалмошный характер, я смирился с тем, что она лютой ненавистью ненавидит меня – меня, своего родного брата! – и я понятия не имел, где, с кем и как она провела эти годы; подозреваю, что компанию ей составляли не самые достойные люди Города. Но поверить, что она убивает и грабит... - Ангелар замолчал, не с силах продолжать. - Я не мог! Не мог! Я ведь помнил ее маленькой девочкой, капризной, но безобидной. И лишь когда мне доложили о загадочной змее, обращающей в пепел каждого, кто пытается причинить вред ее хозяйке, я понял, что это действительно она. Я ведь не забыл о том, как действует оберег. Мой-то собственный ни разу не применялся. За годы моего правления не было никого, кто посмел бы покуситься на мою жизнь. Может, у меня хорошая охрана, а может, никто не решается напасть на меня, зная, какая участь его ждет. Ведь все знают про таинственную силу, оберегающую Правителя, хоть и не знают, откуда она берется. Про монету, разделенную пополам, тоже с того дня решено не упоминать, ты сам понимаешь, почему.

- Понимаю, - Аскалон кивнул. – А причина отсутствия покушений на твою жизнь, по моему, одна: просто народ любит своего Правителя и никому в голову не приходит мысль причинить ему зло. Я в Городе совсем недавно, но успел заметить, как он похорошел с тех пор, как я уехал. Появилось много красивых богатых домов, везде, где я проезжал, чистота и порядок. С улиц исчезли нищие. Люди вокруг довольные и спокойные. Просто сказка какая-то!

- Ну-ну, не захваливай меня. Ты скоро увидишь, что проблем еще очень много. Хотя скромничать не буду. Мне действительно удалось немало. Ты, конечно, не помнишь, каким было Город до меня – месяцы безвластия сделали свое дело. Да и Вир с Виттом в последние годы не имели возможности полноценно управлять Городом, так как были слишком старыми. Я получил, что уж там говорить, не самое лучшее наследство. А тебе я передам цветущий Город – у меня есть повод гордиться. Теперь я могу сказать, что я

хороший Правитель. Вот поправишься, как следует, и начну посвящать тебя в государственные дела – пора.

Аскалон покачал головой:

- Сначала я должен выполнить то, что мне поручили Мертвые. Иначе у Города нет будущего. Не забывай, что осталось всего две недели.

Ангелар нахмурился.

- И что ты собираешься предпринять?

- Не знаю, - признался Наследник. – Я думал, ты мне подскажешь. Должно же быть у нее какое-то слабое место. Вот в сказках у бессмертного Кощея была игла, на конце которой находилась его смерть...

Ангелар совсем помрачнел:

- Аскалон, слабых мест у Виринеи нет. Человек, обладающий половинкой монетки, неуязвим. Его нельзя убить, нельзя ранить. И оберег отнять нельзя. Пока он у нее, мы бессильны. Мы можем уничтожить всех ее людей – она наберет новых, мы можем стереть с лица земли остров, на котором она скрывается – она найдет другой.

- Но что же делать? Ждать, когда наш Город уйдет под воду?

- Знаешь, сын, мне много раз приходилось принимать трудные решения – и впервые я не знаю, что делать.

- Нет, решение должно быть, - Аскалон встал, поморщившись от боли. – Я не могу разочаровать Мертвых. Пусть она и была тебе сестрой, но теперь она превратилась в чудовище, - он сжал кулаки. – Тело Олеха осталось на том острове – я даже не похоронил его! Он собирался жениться, а вот теперь... Я не успокоюсь, пока не найду ее!

- Аскалон, я понимаю тебя. И неужели ты думаешь, что я не предпринимал никаких попыток обезвредить ее? Однажды мы даже пытались расстрелять ее остров из пушек.

- И что?

Ангелар махнул рукой:

- Змея... Она чувствует угрозу, откуда бы она не исходила. Пушкари превратились в пепел за секунду до того, как поднесли фитили к запалам.

- Но что-то ведь должно быть, - не желал сдаваться Наследник. – Не зря же Мертвые пришли ко мне!.. Остров. Ты сказал, остров. Тебе известно, где она скрывается?

- Было известно. Она хитра, как дьявол, и меняет острова при малейшей опасности, благо их вокруг нашего Города огромное количество, и проверить все нет никакой возможности. Да и что толку? Узнаем, где она – и что?

Аскалон помолчал:

- По-моему, надо начать действовать, а там и решение найдется. Как бы то ни было, сидеть сложа руки я не намерен.

- И с чего же ты собираешься начать? – Ангелар с нескрываемым восхищением смотрел на сына.

- Завтра допрошу Ворона.

- Ворона?

- Тот парень, - Аскалон хотел сказать «бандит», но почему-то не сказал, - что был с нами. Где он? Капитан обещал мне...

- Да-да. Я понял, о ком ты. Мне недавно доложили, что с ним уже работают. Ты считаешь, он что-то знает?

- Отец, он один из них! Он не может не знать, где ее остров.

- Ну, раз так, значит, одна проблема уже, считай, решена. У него же нет причин скрывать это?

- Она чуть не утопила его и, если бы не случай, он бы погиб вместе с нами. Не думаю, что после всего он питает к ней нежные чувства. Он мне все расскажет. Он в городской тюрьме или здесь?

- Ну, Аскалон, я посчитал, что он не такая важная персона, чтобы держать его во Дворце, и потом, специалисты по допросам есть только там. Здесь они без надобности.

Аскалон знал, что небольшая тюрьма, находившаяся на территории Дворца, использовалась лишь для особых случаев, а Ворон был простым бандитом.

- Не нужны никакие специалисты. Я сам допрошу его.

Ангелар любовался сыном: за шесть лет, что он его не видел, Аскалон превратился в настоящего мужчину, сильного, уверенного в себе, решительного. Со временем будет кому передать власть.

- Конечно. Но ведь ты поедешь туда завтра днем, у них будет целая ночь и утро. Зачем терять время?

- Время терять нельзя, - согласился сын, - поэтому я завтра поеду рано утром.

- Боюсь, это невозможно, - в глазах отца появились лукавые искорки. – Ты же не хочешь показаться неучтивым?

Аскалон недоуменно посмотрел на него.

- Впрочем, я и сам могу принять гостей.

- Гости?

- Ну да. Должен же я познакомиться с теми, кто помог моему сыну в трудную минуту. Тем более, что, как мне доложили, посмотреть есть на что.

- Ты пригласил Иву и Бажана на завтрак? – Наконец догадался Аскалон.

- Надеюсь, ты не против? Я выслал им приглашение. Ты их поблагодаришь за помощь, а я услышу недостающую часть истории из первых уст.

Произнеся имя девушки, Аскалон почувствовал, как в его душе что-то трепыхнулось и сжалось – ощущение было новым, но приятным.

- А теперь ложись-ка спать, - Ангелар обнял сына. – Как же здорово, что я могу сказать это тебе – такие простые слова, а как же мне не хватало их эти годы. Мой мальчик дома, теперь у нас все будет хорошо, и никто не сможет нам помешать.

- Я тоже скучал, - улыбнулся Аскалон.

Ангелар постоял, прижав сына к себе и улыбаясь своим мыслям, и вышел.

Дворец Правителя располагался возле восточного берега Города-острова, и занимал довольно большую территорию. Конечно, это была лишь малая часть необъятного острова, но в действительности вся площадь, занимаемая Дворцом, была сопоставима с размерами небольшого города. В общем-то, это и был город внутри Города: множество различных построек – от самого Дворца, в котором жил Правитель, до многочисленных хозяйственных зданий; сады, парки, озера, свой порт, принимавший каждый день несколько кораблей.

Никто посторонний не мог попасть на заповедную территорию, хотя она не была окружена ни высокими стенами, ни глубокими рвами. Не было и грозной стражи, охранявшей ее. Но было нечто, гораздо более ценное. Мертвые слишком любили свой Город, и в качестве подарка первому Правителю (а за ним и всем последующим) дали ему удивительную способность защищать свой Дворец без посторонней помощи. Никто посторонний не мог переступить невидимую черту, отделявшую Город от Дворца. Правителю достаточно было только решить для себя, что он не хочет кого-то видеть, и этот человек, как бы ни пытался проникнуть во Дворец, наткнулся на прозрачную стену, незримо окружавшую его территорию. Но стоило Правителю в мыслях позволить кому-то посетить его, тот беспрепятственно проходил во Дворец, даже не подозревая о том, что существует какая-то граница. Так и Бажан с дочерью добрались до главного здания Дворца, не встретив на своем пути никаких преград и лишь удивляясь этому.

Экипаж доставил их прямо к подъезду, где их уже поджидал учтивый молодой человек, одетый и причесанный настолько безупречно, что казался каким-то ненастоящим. Он проводил их в приемный покой, любезно сообщил, что Правитель с Наследником будут через пять минут и тут же исчез, будто растворился в воздухе – так умеют исчезать только вышколенные лакеи и секретари.

Ива еле держалась на ногах от волнения. Почти всю ночь она не спала, представляя себе предстоящую встречу, и считала минуты, с ужасом замечая, что их остается все меньше и меньше. А утром, когда настало-таки время собираться, впала в настоящую панику и пыталась придумать причину, которая позволила бы ей остаться дома. Но визит был слишком серьезен, чтобы отговориться обычной головной болью; избавиться от него мог, как минимум, паралич или глубокая кома, но до такой степени страха Ива, еще, слава Богу, не дошла. Пришлось одеваться и приводить себя в порядок. Но простые и привычные действия на этот раз были ей в тягость: волосы не желали укладываться, кисточки поминутно ломались, пудра ложилась неровно, а когда девушка заглянула в шкаф, то, нервно перебрав все, что там было, она убедилась, что надеть ей решительно нечего.

И вот теперь, стоя в приемном покое и взволнованно разглядывая себя в огромное стенное зеркало, она ясно видела, насколько нелепо выглядели оборки на ее бордовом, чересчур закрытом платье, и жалела, что не надела зеленый костюм.

- Надо же, - несмело озираясь, еле слышно произнес Бажан, - мне кажется, что на острове я боялся меньше, чем сейчас. Ничего здесь не трогай! – добавил он почти шепотом, хотя Ива и не думала этого делать.

Она полностью была согласна с отцом – она бы лучше еще пять раз встретила с бандитами, чем один раз с Правителем.

Почему так устроена жизнь, что священный трепет перед представителем власти является непременным атрибутом этой власти, и по силе нередко превосходит страх перед настоящей опасностью?

Правитель уже давно привык к тому, что вместо живых людей ему постоянно приходится общаться с окоченевшими от переизбытка почтения роботами, выдающими лишь шаблонные фразы и спешащими глупо улыбнуться на любое его высказывание. Иногда это было ему на руку, и он напускал на себя суровость, но чаще раздражало, и он всеми силами старался вести себя как можно естественнее, насколько это было возможно Правителю большого города. Честно признаться, эти его попытки ни к чему не приводили – его собеседники так же коченели, выпучивали глаза и ловили ртом воздух.

Ангелар вошел в приемный покой, надев самую приветливую из своих улыбок. С первой минуты он хотел показать, что его благодарность за их заботу о его сыне будет безграничной. Стараясь уменьшить неизменно возникавшее в таких случаях напряжение и сделать пребывание гостей во Дворце максимально комфортным, он много шутил, говорил Иве комплименты, а Бажана подробно расспрашивал не только о самом происшествии, но и о его душевном состоянии, напирая на то, что два отца всегда поймут друг друга, когда дело касается их детей. И в результате добился своего: Бажан смог проглотить несколько кусочков, которые сначала не желали лезть в горло, и начал говорить, почти не заикаясь; а Ива, увидев, что Правитель – живой человек во плоти и крови, а не идол, каким ей представлялся, стала с интересом разглядывать окружавшее ее великолепие. Окончательно ей полегчало, когда она заметила, что сидевший рядом с ней Аскалон волнуется ничуть не меньше: он был молчалив, не поднимал на нее глаз и два раза уронил вилку. Ива догадывалась о причине его смущения, но не позволяла себе поверить в нее.

Но наконец Правитель пригласил их на короткую (насколько позволяло ему время) прогулку по парку, и Аскалон с Ивой смогли, отстав, поговорить, не боясь чужих ушей. Оказавшись после вызывающей роскоши дворцовой столовой среди деревьев, Ива совсем успокоилась. Теперь с ней рядом снова был не державный Наследник, а милый и

обаятельный знакомый, с которым они вместе столько пережили и который (!) недавно признался ей в любви. Впрочем, обстановка тогда была более чем необычная, а сам он пребывал в состоянии между двумя обмороками, и неизвестно, помнил ли он о своих словах.

- Ива, - словно прочитав ее мысли, начал Аскалон, - вы помните, что я вам сказал на острове?

Времени у него было очень мало, он и так уже потерял два часа – и юноша решил брать быка за рога. Он смело взглянул ей в глаза.

Ива, как и полагалось воспитанной девушке, не говорила ни «да», ни «нет»: сказать «нет» означало обидеть кавалера, а сказать «да» - означало почти согласие, и было еще ужаснее.

- Вы, может быть, думаете, что я бредил? Или считаете, что я сказал это только, чтобы скрасить последние, как мы думали, минуты нашей жизни?

Ива начала покрываться румянцем, давая тем самым понять, что ему есть на что надеяться. И воодушевленный ее красноречивым молчанием Аскалон продолжил:

- Ива, я боялся, что умру и не успею сказать вам то, что понял в тот самый момент, когда увидел вас впервые, что я... что я люблю вас. К сожалению, у меня сейчас очень много неотложных дел. Я обязательно навещу вас, когда смогу. Вы позволите?

Она смущенно кивнула и как-то засветилась изнутри. И Аскалон тоже заулыбался – он чувствовал, как за спиной вырастают крылья. Теперь-то он точно играючи победит всех врагов и справится с любыми трудностями.

- Вы будете искать эту женщину? – спросила Ива.

- Да, - ответил Аскалон. – Я должен ее найти, но это очень непросто.

- А тот парень, Ворон? – вдруг спросила Ива, и Аскалон почувствовал, как что-то неприятно кольнуло его в сердце.

- Он в тюрьме.

Ива нахмурилась.

- Ива, он бандит! – изумленно проговорил Наследник, видя ее реакцию. – Он напал на нас вместе с остальными.

- Да, конечно, - она вздохнула. – Но он спас мне жизнь.

- Неужели вы думаете, что эта фурия послушалась его? Просто она заменила нам быструю и легкую смерть на долгую и мучительную. Она была уверена, что до утра мы не доживем, поэтому и не застрелила нас.

Ива кивала, соглашаясь, но он видел, что у нее все равно остаются сомнения. Он почувствовал досаду и сильную ненависть к Ворону.

- Ива, мы чудом остались живы. Чудом! Этих бандитов нельзя жалеть, их надо уничтожить, а не то они уничтожат все живое так же безжалостно. Неужели вы все уже забыли?

- Нет, не забыла, - согласилась Ива. – И я понимаю ваши чувства. Но я также не могу забыть, что Ворон донес вас на руках до лодки, когда вы были без сознания.

Она посмотрела на него. В ее взгляде не было упрека, но Аскалон понял, что ответить ему нечего.

Городская тюрьма находилась далеко от Дворца, так что у Аскалона было достаточно времени, чтобы поразмыслить над словами Ивы, которые все же тронули его, как бы ни убеждал он себя в обратном. Ненависть к Виринее и желание отомстить затмили его взор, и с тех пор как вернулся в Город, он не мог думать ни о чем, кроме того, как найти и уничтожить банду. Возвращаясь мысленно на остров, он видел только одно: мгновенную

вспышку в руке Виринеи и безжизненное тело Олеха на скалах. Вообще, он старался поменьше вспоминать тот страшный день – прошло еще слишком мало времени, и душевные раны не успели затянуться. Но сказанное Ивой заставило его задуматься надо тем, на что он до этого не обращал внимания.

Конечно, Ворон был бандит, он прибыл на остров вместе в Виринеей, помогая ей и, несомненно, уже не в первый раз; и если Аскалон и жалел иногда, что набросился на него, то только потому, что из-за собственной несдержанности он вышел из строя в самый ответственный момент и оказался обузой для тех, кому должен был оказывать помощь. Если бы он победил в этой схватке, то сейчас бы не испытывал ни капли раскаяния – это он знал точно. И все же Ива была права: если бы не вмешательство Ворона, лежать бы и ей рядом с капитаном. И ведь Ворон чуть не поплатился за свою выходку жизнью! А свободой и поплатился.

Аскалон выглянул в окно кареты: уютные дворики, торговые лавки, шумная ребячья в скверах, озабоченные своими проблемами горожане – все это может исчезнуть, если он сейчас раскиснет. Нет, раскисать ни в коем случае нельзя. От того, будет ли он тверд и упорен, зависит слишком много. И он не позволит отвлекать себя от главного разным посторонним мыслям. А главное сейчас – узнать, где скрывается его тетка-бандитка, и он узнает это, чего бы ему ни стоило!

К тому моменту, как впереди показалось массивное серое здание городской тюрьмы, окруженное такой же серой и массивной стеной – все тюрьмы похожи друг на друга: главное в них – прочность и никаких архитектурных изысков, – Аскалон уже был сосредоточен и готов действовать.

Никогда до этого Наследник не бывал в этом месте. Да это и понятно: что здесь делать ребенку? И сейчас взрослый юноша с замиранием сердца рассматривал узкие мрачные коридоры, по которым его вел начальник тюрьмы. Низенький длиннолицый человек, чем-то напоминающий крысу, привычно шмыгал то в один коридор, то в другой, освещая себе и посетившей его высокой особе путь большим фонарем и не забывая при этом подобострастно улыбаться. А Аскалону было не по себе: он шел неуверенно, временами зачем-то хватался за стены и иногда даже пригибался, когда и без того низкий потолок вдруг опускался еще ниже. Все тюрьмы устроены одинаково: попадая в них, человек должен чувствовать свое ничтожество, а настроение его всегда должно быть угнетенным и безрадостным. Оставь надежду, всяк сюда входящий!

Примерно такую гамму чувств испытывал и Наследник, впервые посетивший это место, и когда неприятное путешествие по темным коридорам и лестницам закончилось, ему заметно полегчало. Начальник привел его в большую и довольно светлую комнату, обставленную добротной мебелью и предназначенную, очевидно, для приема высоких гостей, и на правах радушного хозяина предложил чаю. Аскалон отказался – в таком заведении кусок не полез бы ему в горло, будь он даже очень голоден, – и попросил поскорее привести арестованного. Он надеялся, что, как обещал ему отец, получит какую-то информацию от служителей тюрьмы, но вызванный крысopodobным начальником некий Щербан лишь виновато развел руками.

- Что? – грозно, как и полагается высокой особе, спросил Аскалон.

- К сожалению, ничего, господин Наследник. Он молчит, – Щербан сощурил глаза, будто собирался прямо стоя заснуть, и Аскалон заметил, что он сильно похож на хомяка: толстые щеки, выступающие вперед зубы, торчащие сверху волосы. «Просто зверинец какой-то, а не тюрьма», – подумал Аскалон, и это помогло ему немного расслабиться. Он сел на широкий кожаный диван и уточнил:

- Значит, молчит?

Хомяк Щербан замялся:

- Ну, нельзя сказать, что совсем молчит. Но повторить его слова я не решусь.

«М-да, вот тебе и специалисты по допросу», - с досадой подумал Наследник и сказал:

- Ну что ж, ведите. Я сам с ним поговорю.

Щербан кивнул, но остался стоять на месте, и только после того, как Аскалон повторил свой приказ, странный человек вышел. Возвращаться он тоже не спешил. Аскалон уже собрался послать начальника тюрьмы на его поиски, когда дверь отворилась, и вошел Щербан. Вид у него был еще более виноватый, чем в первый раз.

- Ну? – уставился на него начальник.

- Доставили, - доложил тот и сглотнул слюну.

- Так ведите, - нетерпеливо крикнул Аскалон.

Щербан посторонился, и двое здоровенных мужиков втащили в комнату какое-то совершенно безжизненное тело.

- Что это? – удивленно спросил Аскалон, когда тело опустили на пол.

Щербан покаянно молчал, лишь щечки его чуть шевелились.

Аскалон нагнулся и перевернул тело на спину. Лежащий застонал и открыл глаза. Вместо лица у него была сплошная ссадина, длинные волосы спутаны, неопределенного цвета рубаха порвана и пропитана кровью.

- Это не он! – сказал Аскалон, взглянув в мутные глаза арестованного.

Губы того дернулись в усмешке:

- Наследник... Не узнал?.. - голос у Ворона был глухой и хриплый.

Аскалон обвел всех взглядом, таким взглядом, что начальник тюрьмы подпрыгнул, будто в его стуле была пружина:

- Не извольте беспокоиться. Сейчас я приведу врача. Через час он будет, как огурчик. Перемудрили слегка. Доктор у нас – просто волшебник. Мертвых на ноги ставит!

Он еще долго извинялся и прыгал вокруг Наследника, предлагал то кофе, то сигару, то прогуляться, но Аскалон лишь мрачно ждал, когда прибывший с невероятной скоростью врач закончит свое дело.

В одном начальник не подвел – врач, и вправду, оказался кудесником: через час Ворон уже сидел на стуле посреди комнаты и глаза его светились обычным насмешливым огоньком. Его переодели в чистую рубашку, перевязали большую рану на плече, обработали все ссадины и царапины. Начальник стоял возле Наследника в позе официанта, готового принять заказ. Хомяк Щербан куда-то пропал.

- Ты можешь говорить? – Аскалон встал напротив, опершись на стол.

Ворон ответил длинным грязным ругательством.

- Да как ты смеешь! – взвизгнул начальник тюрьмы и ударил его по лицу.

Ворон только поморщился.

- Слушайте, - не выдержал Аскалон. – Выйдите отсюда. Я сам с ним поговорю.

- Но... - проблеял начальник, - он же...

- Я приказываю вам оставить нас. Если понадобится, я позову.

Когда они остались вдвоем, Аскалон приблизился к Ворону:

- Слушай, я ценю твой богатый словарный запас, только я ведь пришел не за тем, чтобы впустую поразвлечься. Ты знаешь, что мне надо.

- Зря потратил время, - Ворон посмотрел в потолок. – Можешь ехать обратно.

- Ты скажешь мне, где она.

Ворон только усмехнулся.

- Ты не хочешь отомстить этой гадине, которая чуть не убила тебя и из-за которой ты попал сюда?

- Не хочу. Здесь неплохо. Я бывал в местах и похуже.

- Так, - задумчиво проговорил Аскалон. – Значит, угрожать тебе бессмысленно.

- Да. Извини, что разочаровал.

- Не понимаю. Вроде ты не производишь впечатление идиота, а ведешь себя...

- Впечатление обманчиво. Я полный идиот. У меня отсутствует здравый смысл. Со мной трудно договориться.

- А я и не собираюсь с тобой договариваться. Не в моих правилах договариваться с такими подонками, - Аскалон пытался сохранять хладнокровие, но никак не мог перехватить инициативу в свои руки, и это его выводило из себя.

Он чувствовал, что находится в тупике. Трудно угрожать человеку, которого не сломали пытки и который не боится смерти. Но отступить Наследник не собирался:

- Слушай, с твоей помощью или без нее, но я все равно найду и убью эту тварь. Я не отступлюсь, поверь мне.

- Деточка, мой тебе дружеский совет – оставь Виринею в покое. Она тебе не по зубам, - Ворон говорил серьезно, насмешливые искорки в глазах погасли. – Не один ты мечтаешь убить ее. Только это невозможно. Потратишь впустую свои силы. Месть выест твою душу – и ты превратишься в тень. Очень грустно жить на свете, когда главная цель – месть.

- А как жить, не отомстив за друга? Я не успокоюсь, пока не отомщу.

В глазах Ворона снова заплясали чертики:

- Ты щенок. Я хотел тебе помочь, но раз тебе настолько опротивела жизнь, иди и попытайся убить ее. Признаться, она обожает такие спектакли, как устроила на острове. Она будет безумно рада встретиться с тобой снова.

Лицо Аскалона дернулось, он схватил Ворона за раненое плечо – тот взвыл.

- Сволочь, ты мне скажешь, где она! Или я убью тебя прямо сейчас!

Аскалон даже не представлял, что в нем скопилось столько ненависти к этому человеку. Он еле заставил себя отойти, чтобы не осуществить свою угрозу.

Ворон тяжело дышал, на лбу его выступил пот:

- Ну вот. Другое дело. Теперь все по правилам, можем поговорить начистоту. Делай со мной что хочешь – я тебе ничего не скажу. Ни-че-го. И Виринею тебе никогда не поймать, хоть ты позеленей от злости. А я за нее на смерть пойду.

- На смерть?! – в два прыжка Аскалон снова оказался рядом. – Так ты думаешь, что тебя казнят? Нет, друг мой. Виселица – слишком легкое наказание для тебя. Ты будешь жить долго, я позабочусь об этом. Слышал ты такое название – Черный остров? – и впервые Аскалон почувствовал удовлетворение, увидев, как смертельно побледнел Ворон при этих словах. Наконец-то он нащупал его слабое место, и Наследник поспешил развить успех:

- У тебя десять минут. Если за это время ты мне не расскажешь все, что знаешь, то через два часа ты окажешься там.

- Два часа? Столько вершится правосудие в нашем Городе? Впечатляет.

Аскалон не ответил. Он уселся на диван, демонстративно посмотрев на часы. Ворон молчал, опустив голову. Так прошло около десяти минут. Наследник видел, что его противник вот-вот сломается, и терпеливо ждал.

- Что ж, - тихо сказал Ворон. – Пожалуй, я расскажу тебе кое-что. Я хочу, чтоб ты понял меня, - он помолчал. – Я люблю ее. Люблю так, как никого не любил. Я и в банду пошел только, чтоб быть с ней рядом. Я давно не надеюсь на взаимность – она не умеет любить никого, кроме себя. И я знаю, что она самое подлое из всех человеческих существ, которые когда-либо жили на свете. И все же я никогда не сделаю ничего, что могло бы повредить ей. Черный остров так Черный остров. Я все сказал. Зови своих костоломов.

Аскалон сидел как громом пораженный. Про два часа он сказал просто так, думая, что этим-то наверняка испугает Ворона. Но ошибся. И вот теперь надо было выполнять обещание, чтобы не оказаться пустым болтуном.

Во Дворец Аскалон возвратился совершенно раздавленный. Дело, которое он считал легким, оказалось ему не по силам. Он так и не узнал, как найти Виринею.

Ворона увезли сразу же, и хотя Аскалон ничуть не жалел его, он никак не мог отделаться от ощущения, что совершил какую-то гнусность. Наследник великого Города не

мог преступать закон, осуждать кого бы то ни было без суда было аморально. Единственное, что его оправдывало, это чрезвычайные обстоятельства. Совесть его была чиста, но почему-то на душе у него было так тяжело, что он не мог вздохнуть полной грудью.

Разговор с отцом, который ждал его возвращения, несколько облегчил его душу.

- Запомни, сын, тебе рано или поздно предстоит стать Правителем, - сказал ему Ангелар, - а это значит, что не раз тебе придется принимать сложные решения. Научись перешагивать через себя, загонять вглубь души свои чувства, контролировать эмоции – без этого невозможно быть Правителем. Да, мы простые люди, и нам не чужды ни сострадание, ни боль, ни разочарование. От этого не избавиться, ты никогда не станешь железным: у тебя будут и слезы, и муки совести. Это не плохо, иной раз даже помогает. Главное, не позволять им взять над собой верх. Сегодня ты знал, что поступаешь правильно, и хоть тебе было тяжело, ты послушался рассудка. Это первая твоя небольшая победа, как будущего Правителя.

- Победа? – горько спросил Аскалон. – Какая же это победа, если я ничего не узнал, и теперь надо начинать все сначала.

- Ну что ж. Отрицательный результат – тоже результат. Мы исключили одну возможность – значит, можем переключиться на другие.

- Что-то я не помню, чтобы у нас были другие варианты решения этой задачи.

- Сын, уныние – жесточайший из грехов. Постарайся не впасть в него. Человек жив до тех пор, пока он действует. Итак, что мы предпримем?

Аскалон развел руками.

- Знаешь что? По-моему, самое время собрать Совет Старейших.

На том и порешили. Правитель отправился сделать соответствующие распоряжения, а его сын, резонно рассудив, что сегодняшний вечер все равно потерян для государственных дел, решил нанести один визит.

Черный остров был местом легендарным. Добропорядочные граждане с замиранием сердца передавали друг другу изобилующие кошмарными подробностями мрачные рассказы о нем, а граждане недобропорядочные старались вовсе не упоминать его, так как достоверно знали (правда, откуда, непонятно), что тот, кто туда попадет, каждую минуту будет жалеть о том, что не умер раньше. Преступники всех родов, услышав про какого-нибудь своего товарища, что он угодил в тюрьму или на виселицу, говорили: «Повезло!», и все понимали, что имелось в виду. Любая участь считалась завидной по сравнению с участью тех, кто оказался на Черном острове. Так было принято думать, хотя не было никого, кто мог бы подтвердить это – оттуда никто не возвращался.

Вся немалая территория острова была окружена высокой глухой стеной, но эта стена служила совсем другим целям, нежели подобные сооружения в других тюрьмах. За многие годы не было ни одного случая побега. Во-первых, с функцией охраны острова великолепно справлялось море, простиравшееся на много миль вокруг. У острова был всего лишь один порт, к которому раз в три дня приставал небольшой кораблик, привозивший еду и все необходимое. Кораблик никогда не задерживался в порту больше, чем на полчаса: выгрузит товары – и в море, а другого транспорта не было. Во-вторых, через несколько дней всякий, попавший на этот проклятый остров, терял силы и желание что-либо предпринимать; истерзанные голодом и тяжелой работой люди думали лишь о том, чтобы упасть и заснуть.

Сам остров представлял собой гигантскую каменоломню. Весь он был выложен ценнейшей породой камня, используемого для строительства домов, который нигде больше

не встречался. Этот камень отличался особой прочностью – ему не страшны были не только землетрясения, но и взрывы приличной мощности. Соответственно, чтобы вырубить из скалы такой камень, требовались немалые усилия. Заключение, работавшие на каменоломнях, быстро превращались в ходячие скелеты, больше трех-четырех месяцев никто не выдерживал. Нередки были и увечья, а некоторые специально калечили себя, желая прекратить свои мучения – врачей на острове не было, и любая болезнь значила одно – быструю смерть. На таких «счастливицах» здесь смотрели с завистью – быстрая смерть казалась каторжникам раем по сравнению с жизнью на острове.

Ворону «повезло» в первый же день – лишь выйдя на работу, он так сильно поранил ногу об острый камень, что вечером уже едва мог наступить на нее.

Никаких помещений для заключенных на острове не предусматривалось – все ели и спали там же, где работали, на камнях – перемещения до бараков и обратно было бы пустой тратой времени. Когда вырабатывался один участок, просто переходили на другой.

Работа на каменоломне прекращалась лишь с наступлением темноты, и когда прозвучал гонг, означавший, что все могут отдыхать, Ворон без сил опустился на камни. Отдышавшись и выпив воды, которую дежурный охранник разносил в большом ведре, он принялся осматривать ногу, которая болела все сильнее и сильнее. По местным меркам он выиграл главный приз: большая рваная рана воспалилась, в нее попала грязь. Ворон оторвал кусок рубахи и кое-как перевязал рану. Увлечшись своим занятием, он не заметил, как к нему подполз маленький, худой до прозрачности человечек с такими синяками под глазами, что их было видно даже в темноте. Человечек на четвереньках приблизился к Ворону и принялся осматривать его ногу, водя вдоль нее своим носом, словно принюхиваясь.

- Так-так, ага-ага, - повторял он все время.

- Чего тебе? – Ворон неприязненно отодвинулся, но человечек пополз за ним и продолжал свое странное занятие.

- Чего тебе? – повторил Ворон зло, пытаясь напугать этого получеловека.

Человечек сел на корточки, и в темноте заблестели его глаза.

- Ух, повезло, - неожиданно тонко произнес он и хихикнул.

- Ты кто? – спросил Ворон.

- Дорога в рай, - продолжал человечек, противно хихикая. – В рай. Летишь по туннелю. Я хочу в рай, но меня не пускают. А ты будешь в раю. Я тут два месяца, а ты?

- Один день.

- Ух, ты. Тебя привезли из городской тюрьмы?

- Как ты узнал?

- На лице написано, - и человечек засмеялся своей удачной шутке. – Скоро тебя здесь не будет.

- Почему?

- Твоя нога. Это верное заражение крови. Проживешь день или два и бух! – человечек махнул рукой.

- Я сильный. Все пройдет.

Человечек снова тихо захихикал.

- Видел в стене круглую дверь? Они называют ее мусоропровод. Открывают дверь, раз – и тело улетает.

- Куда?

Человечек пожал плечами:

- Вниз. Там падальщики. Они всегда голодные и всегда ждут возле. И косточек не оставят. Я тут полгода, и несколько раз слышал, как они рычат, когда делят добычу.

- Падальщики? – Ворон вспомнил свою недавнюю встречу с хищными тварями на острове и похолодел.

- Да, - хихикнул его собеседник. – А мы падаль.

И в несколько прыжков он скрылся в темноте, только слышалось его приглушенное хихиканье.

Ночью Ворон почти не спал – не давала раненая нога. Временами он погружался в какое-то вязкое подобие сна, ни на минуту не переставая ощущать ноющую боль, к которой вскоре прибавились свинцовая тяжесть и жар.

На работу каторжники выходили с рассветом, лишь только становилось возможным различить очертания окрестностей. За скудным завтраком, состоящим из какой-то неопределенного цвета баланды, Ворон, вспомнив слова своего ночного собеседника, внимательно оглядел стену и, действительно, недалеко увидел круглую дверь диаметром около метра, на которую он прежде не обратил внимания. Если верить хихикающему доходяге, это и был пресловутый «мусоропровод» - последний путь для тех, кто кончил свои дни на Черном острове. Как видно, это нехитрое приспособление с успехом заменяло здесь и медпункт и кладбище – зачем тратить силы и средства на освобождение каменоломен от больных и умерших, когда с этим прекрасно справляются хищные падальщики. Теперь становилось понятно, для чего нужна была крепкая стена: она не охраняла заключенных, а наоборот, защищала их и охранников от обитавших за ней хищников. Это открытие, понятно, не прибавило Ворону оптимизма. Нога болела все сильнее, и он еле доработал до вечера, а на следующий день, услышав утренний гонг, означавший начало работы, он попытался приподняться и с ужасом понял, что совершенно не может наступить на больную ногу. Он сделал несколько попыток встать, но все они неизменно оканчивались падением. К счастью, ему не нужно было далеко идти – заведенный порядок и был рассчитан на то, что обессилевшие каторжане не смогут проходить большие расстояния, поэтому кое-как присев, он начал-таки долбить камень киркой, которую с вечера положил рядом. И все же один из охранников стал поглядывать в его сторону. Ворону было не до него – он весь сосредоточился на том, чтобы создать хоть видимость работы и поменьше стонать при резких движениях.

После короткого перерыва на обед охранник подошел совсем близко и простоял рядом минут десять, наблюдая. Ворон чувствовал его недобрый взгляд. За это время он вспомнил все известные ему молитвы; все его силы были брошены на то, чтобы дожить до вечера. Ему почему-то казалось, что ночной отдых придаст ему сил и залечит рану. Привыкнув бороться за выживание, он не мог смириться с очевидным – с тем, что дни его, а возможно и часы, сочтены.

Дотошный охранник уже почти не спускал с него глаз. Время от времени он посматривал на висящие на груди часы. И вот, взглянув на них в очередной раз, он решительным шагом направился к Ворону. Подойдя, он вырвал из его рук кирку, отбросил в сторону и, подхватив привычным, многократно отработанным движением под мышку, поволок к стене. Возле круглой двери Ворон еще попытался сопротивляться, но один твердый удар кулаком в лицо отбил у него это желание.

Охранник открыл дверцу, запихнул, словно куль, в нее обессилевшее тело и тут же снова закрыл ее. Оказавшись в темном туннеле, Ворон вдруг почувствовал такую жажду жизни, какую не ощущал ни в одной самой горячей драке. Забыв про боль и страх, он так яростно стал хвататься за стены, пытаясь удержаться, что наверняка это ему удалось бы, будь там хоть какая-то зацепочка. Увы! Отполированный многими телами туннель неумолимо увлекал его вниз – туда, где уже показался слабый кружочек света, и не прошло и минуты, как он вылетел из туннеля и упал на жесткий серый песок побережья. Мягкий ветер тронул его волосы. Он поднял голову и первое, что увидел, была огромная оскаленная пасть с каплюющей желтой слюной. Тут небесные силы наконец сжалились над бедным грешником – перед его взором что-то горячо вспыхнуло, и он провалился в небытие.

Аскалон подошел к причалу и огляделся. Кажется, это то самое место. Небольшие волны мягко ударялись о полусгнившие доски старого причала, вокруг не было ни души. Аскалон нервно прошелся вдоль берега, даже заглянул в пустое окно ветхой лачужки, давно, судя по всему, оставленной хозяевами – никого. Он посмотрел на часы: восемь, как и было условлено. Скоро начнет темнеть.

Ему не нравилась вся эта напускная таинственность, загадочные сигналы – глупая театральщина, да и только. Несolidно для серьезных людей. Но ничего не поделаешь, раз Совет решил – он не станет перечить, тем более, что другого выхода он и сам пока не видел.

На Совет Старейших, собравшийся рано утром, Аскалон пришел раньше всех. Всю ночь ему не давала покоя мысль, что время уходит, а он бездействует. Еле-еле далеко за полночь ему удалось заснуть, но не успели рассветные лучи коснуться его окна – он уже был на ногах.

В начале Совета Правитель долго и подробно излагал суть дела, и к концу его рассказа Аскалон, переломавший все карандаши в зоне досягаемости, уже еле сдерживался, чтобы не перебить его – так ему хотелось поскорей услышать мнения Старейших и понять, будет ли толк от этого собрания седых бород. Но чинно сидевшие вокруг длинного стола старцы еще долго задавали вопросы, словно испытывая его терпение, потом глубокомысленно молчали, то ли обдумывая услышанное, то ли изображая, что обдумывают. Его слушать никто не собирался – и так было слишком много чести, что столь молодую персону допустили на Совет (только из уважения к его отцу и потому, что он был непосредственным участником всех событий), и Аскалон томился от ощущения бесполезности происходящего.

Наконец, старцы начали обсуждение. Одно за другим они отвергали поступающие предложения, и Аскалон видел, как потухает надежда в глазах его отца – Ангелар, в отличие от сына, очень верил в мудрость Совета и ждал от него конкретной помощи. В конце концов, старики иссякли и в комнате воцарилась тишина. Правитель обвел всех взглядом, вздохнул и уже собирался поблагодарить их если не за помощь, то за желание помочь и закрыть заседание, как один из советников – невысокий, похожий на сказочного старичка-боровичка – вдруг поднял руку. Убедившись, что все смотрят на него, он медленно поднялся и, не спеша, начал:

- Вот что, деды, я хочу сказать. Времени мы с вами потратили много, а толку никакого. Что ж, так и разойдемся, предоставив Правителю и юному Наследнику самим справляться с проблемой? Нехорошо это. Проблема-то не шуточная.

Деды дружно закивали.

- Стыдно, - продолжил старичок-боровичок.

Деды молча согласились и с этим.

- Проблема, конечно, нерешаемая, но не можем же мы просто так разойтись, - он вытер губы, словно только что пообедал. Я считаю так: нельзя опускать руки, пока не опробованы все средства.

- О чем это ты? – раздался голос с другого конца стола.

- Я говорю о клефтах. Это последняя надежда. Если не помогут клефты, не поможет никто.

- Исключено, - встал сидевший рядом с говорившим толстый старик со шрамом на лысине. – Никогда мы не обращались к клефтам.

- Но сейчас случай особый. Речь идет о спасении всего острова.

- Клефты? – тихо спросил Аскалон у сидевшего рядом отца. – Где-то я слышал это название.

Но Ангелар не ответил – он сосредоточенно думал, желваки так и ходили под кожей. Несколько минут он просидел, погруженный в свои мысли, не обращая внимания на дедов, оживленно обсуждавших новое предложение, потом поднял руку – деды мгновенно стихли и усталились на своего Правителя.

- Есть другие предложения? – спросил Ангелар.

Старики молчали.

- Ну, что ж. Клефты так клефты, - сказал Правитель и распустил Совет.

Когда они остались с сыном наедине, Ангелар рассказал, кто такие клефты. Эти люди жили где-то на дальних островах – где, никто не знал. И вообще, о них было больше слухов, чем достоверных сведений. Говорили, что они пришли откуда-то с востока несколько сотен лет назад, что их было немного. Жили они уединенно и никого к себе не подпускали. В Городе они не бывали – только на самых окраинах, найти их было невозможно – если они считали нужным, то появлялись сами. Но главное – они считались непревзойденными мастерами по части сложных дел. Найти пропавшего родственника, разыскать скрывшегося врага, убрать с дороги конкурента – они брались за любую, и за самую грязную работу, но делали ее так, что все знали: если не сделали клефты – не сделает никто.

Чтобы связаться с ними, надо было возле старого холма на побережье положить белый камень. Как они понимали, кто его положил – Бог весть, но через день-два оставивший его получал какой-нибудь знак. Если знака не было – значит, клефты не приняли заказ, и просить вторично не имело смысла.

Аскалон получил ответ меньше, чем через сутки после того, как положил камень. Встав утром, он обнаружил на столе в своей комнате небольшой малиновый конверт, в который была вложена записка: «Сегодня в восемь вечера у старого причала». На вопрос, откуда взялся конверт, все слуги только удивленно раскрывали глаза и разводили руками.

Аскалону не нравилась эта затея, но в восемь вечера он был у старого причала. Долго ждать ему пришлось: вскоре он заметил, что по извиистой тропке к нему спускается человек. После всех таинственных ритуалов Наследник представлял посланца клефтов неким получеловеком с огненным взором с экстравагантной прической и в необычном костюме: черном плаще с капюшоном или темной тунике, однако, подошел к нему весьма заурядный человек среднего возраста, одетый просто и небогато. Короткие волосы зачесаны назад, на плече небольшая сумка – такого встретишь на улице и не обратишь внимания. Только цепкий взгляд его узких глаз выдавал незаурядную личность – поймав Аскалона в поле своего зрения, он его уже не выпускал.

Разговор был коротким: когда Аскалон попытался представиться, незнакомец лишь кивнул: «Я знаю, кто ты». И Аскалон понял, что не стоит начинать издалека, а надо сразу переходить к сути дела. На вопрос, знает ли он Виринею, собеседник снова кивнул. Наследнику начинала нравиться его манера общаться: быстро, просто, ничего лишнего – с таким человеком приятно иметь дело. Без лишних вопросов он выслушал заказ: обезвредить амулет, схватить Виринею, а если не получится, убить ее. И таким простым это казалось на словах, и таким спокойствием веяло от незнакомца, что Аскалон действительно поверил в успех дела.

Дослушав до конца, клефт помолчал, разглядывая песок под своими ногами, потом сказал:

- Утром вы принесете сюда деньги. Наши условия: никаких условий с вашей стороны, никаких гарантий с нашей.

Услышав такие, мягко говоря, несправедливые условия, Аскалон опешил.

- Но, - попытался возразить он, но наткнувшись на острый взгляд узких глаз, замолчал.

Несколько секунд клефт сверлил его взглядом, пока Аскалон не поднял руки:

- Хорошо, я согласен.

И только возвращаясь домой, он сообразил, что не спросил, сколько денег должен принести утром. Но эта проблема разрешилась просто: в спальне на столе его ждал новый малиновый конвертик с вложенным листком, на котором было написано несколько цифр и ничего более. Но Аскалон и без лишних слов все понял – он уже начал привыкать к спартанской лаконичности клефтов.

В назначенное время он отдал деньги тому же человеку, с которым договаривался накануне. Теперь оставалось только ждать. Но именно этого-то Аскалон и не умел. Его раздирали противоречивые чувства: с одной стороны, он всем сердцем желал удачи своим таинственным помощникам, но с другой стороны, мысль, что с проклятой фурией расправится кто-то другой, причиняла ему почти физическую боль – и в такие минуты он чувствовал, что обрадуется, услышав о неудаче клефтов. Он сам должен отомстить Виринею, иначе как он будет жить?

Бездействие томило Наследника страшно и выматывало больше, чем самая тяжелая работа. Если бы он мог что-то делать, хоть что-нибудь незначительное, ему было бы легче. Он, не переставая, прокручивал в голове все варианты решения проблемы – но по-прежнему перед ним были лишь вопросы и ни одного ответа.

Первое, что увидел Ворон, открыв глаза, был деревянный потолок. Сначала он был в тумане и слегка покачивался, но потом все прояснилось, и Ворон убедился, что действительно лежит в чистой комнате на кровати. Он повернул голову – и тут же вновь отвернулся к стене: рядом с ним сидела Виринея.

- Вот и очнулся, - ласково сказала она, - как доктор и говорил.

Он попытался подняться, но тут заметил, что под одеялом на нем ничего нет, и снова лег. Плечо было перевязано бинтом, все раны намазаны чем-то коричневым, нога... Ногу он не чувствовал.

- Ты что, не рад меня видеть? – Виринея взяла его за подбородок и повернула к себе.

- Знаешь, я... Последнее, что я видел – была оскаленная морда. Так вот ее мне было видеть приятнее.

Виринея засмеялась:

- Ах ты, неблагодарная скотина. Если бы не я, ты бы уже переваривался в желудках падальщиков.

- Если бы не ты, я бы туда не попал.

- А ты, оказывается, злопамятный. И это после всего, что я для тебя сделала! Знаешь ли ты, сколько денег я отдала этому алчному охраннику, чтобы он вовремя спустил тебя в туннель! А что стоило подплыть на лодке к острову так, чтобы нас не заметили с берега охранники и не сожрали эти твари! А как мы минут двадцать отгоняли их огнем факелов от туннеля, пока ты не изволил из него выскочить! И за это никакой благодарности!

- Где мы?

- На острове. У нас опять новоселье. Ты пропустил много интересного. Какие-то глупые парни захотели интересно распротиться с жизнью и ничего лучше не придумали, как напасть на нас. Много стреляли, пожгли дома, прыгали везде, как обезьяны, убили несколько наших. Мне-то, ты знаешь, на все это наплевать, но теперь там стало как-то неуютно: кругом обломки, обгорелые доски и то, что осталось от тех парней. В общем, пришлось переселиться на новый остров. Здесь очень мило, - она огляделась. – Это твой дом. Небольшой, но, по-моему, довольно уютный. Есть все, что тебе понадобится. И мой дом, кстати, недалеко. Ах, ты бы видел, какой у меня дом! Дворец! Два этажа, камин, резной потолок, серебряные канделябры. Я там уже почти устроилась, остались мелочи. Хочу поменять шторы в гостиной, купить пару сервизов – эти сволочи разбили всю мою

посуду. Да! Еще обязательно заведу домашнего питомца. Мне советуют болонку, но я, вообще-то, подумываю о шпице. Зверюшка создает в доме уют. Как ты считаешь?

- А что случилось с Хвостом?

- Он мне надоел. Я разбила его глупую голову о стену. Да! У меня еще мозаика на стене в столовой. Ты бы ее видел! Впрочем, станешь ходить – приглашу тебя в гости. Сам все увидишь. Хотя, - она погрустнела, - как же ты теперь ходить-то будешь с одной ногой? Ногу-то тебе пришлось отпилить.

Ворон в ужасе схватился за туго перебинтованную до самого колена ногу, а Виринея залилась хохотом:

- Не бойся. На месте твоя нога. Это тебе за то, что сравнил меня с собачьей мордой. А ногу, и правда, еле спасли. Доктор все упирался: резать и резать. «Рана, - говорит, - слишком сложная, и заражение пошло», и еще что-то. А я сказала: «На кой он мне безногий нужен? Если надо, оперируйте, а не можете – позову другого». Соперировал как миленький. Только сказал, что заживать будет долго. Может, на всю жизнь хромым останешься. Так что, Ворон, голубчик, оттанцевал ты свое. Но это ведь ерунда. Доктор сказал, что еще чуть-чуть, и тебя бы не спасли, не то что ногу! Вот так, дорогой мой, - она ласково улыбнулась, не обращая внимания на его тяжелый взгляд. – Да, солнце мое! У меня же для тебя сюрприз!

- Боюсь, еще одного сюрприза я не переживу, - мрачно сказал Ворон.

Но Виринея уже отбежала куда-то в сторону и тут же вернулась с виолой в руке:

- Видишь? Я сохранила ее, - она потрогала струны, следя за его реакцией. – Кажется, она немного расстроилась без хозяина. И ее можно понять. Она испугалась, что никогда его больше не увидит. Но не бойся, милая, - Виринея погладила инструмент по круглому боку, - теперь он никуда от нас не денется. Ему надо слегка поправить свое здоровье – и он тебя настроит, почистит, приведет в порядок, и будет на тебе играть, как прежде. А я с удовольствием послушаю.

- Виринея, я здесь не останусь. Я уйду, как только смогу ходить.

Ее глаза сузились, она еще раз провела рукой по виоле, потом отложила ее в сторону и сказала жестко:

- Нет.

- Нет?

- Я не разрешу тебе уйти.

- Плевал я на твое разрешение. Я дня лишнего не проведу возле тебя.

- Я решаю, где тебе быть. Пока я тебя не отпущу, ты не уйдешь.

- Я уйду.

- Куда?

- Куда угодно, лишь бы подальше от тебя.

- На Черный остров?

- По-почему на Черный остров? Меня считают мертвым, меня не будут искать.

- Да, пока ты здесь, со мной, - она встала над ним, сложив руки на груди.

- Так, а если я уйду...

- В тот же день твои приметы будут у каждого полицейского. Ворон, хромота – это очень хорошая примета.

Он вдруг почувствовал слабость, заныли все раны:

- Как же такую гадину земля-то носит?

Виринея улыбнулась и присела к нему на кровать:

- Вижу, ты меня понял. Ведь можем же мы при желании найти общий язык.

- Ты – взбалмошная сучка. Сама не знаешь, чего хочешь. Придумала себе развлечение: то убиваешь меня, то спасаешь. Игрушку себе нашла? – Ворон рывком сел на кровати,

завернулся в одеяло и, подтянувшись на руках, встал на одну ногу. – От скуки спасаешься? Или Угрим тебя не удовлетворяет?

Виринея вскочила, глаза ее загорелись бешенством. Но Ворон уже разошелся так, что не остановить:

– Привыкла, что все тебя боятся, вот и бесишься от переизбытка собственной безнаказанности. Никто слова тебе сказать не может. А ты просто зарвавшаяся стерва, которую все ненавидят. Ты не женщина, ты отродье. Ну, что ты сделаешь? Размозжишь мне голову, как Хвосту? Да лучше быть кучкой пепла, чем быть рядом с тобой! Ну, где там твоя змея?

Он поискал глазами и, увидев недалеко на столике нож для фруктов, схватил его, но лишь попытался на нее замахнуться, как Виринея, выдернув сбоку виолу, ударила его по больной ноге.

Ворон упал. Виринея постояла над ним, бесстрастно наблюдая, как он извивается на полу от боли, потом бросила на него виолу и, ни слова не сказав, вышла.

Срок приближался, а Аскалон по-прежнему бездействовал, и это было хуже всякой пытки. С момента, когда он отдал деньги, прошло уже два дня, целых два дня, а клефты не подавали никаких вестей. Аскалон сходил с ума. Днем он гулял по улицам Города в сопровождении двух охранников – Наследнику полагались телохранители, - надеясь отвлечься, но картины мирной жизни действовали на него угнетающе – мысль, что все это благополучие может исчезнуть из-за его глупости и пассивности, не покидала его. Богатые красивые дома, сытые, хорошо одетые горожане, полные прекрасных товаров магазины – все это было солью для его ран. Если бы его окружали нищета и разруха, ему было бы легче. Но ничего подобного не было и в помине. Лишь один раз ему показалось, что на дальней улочке он увидел старика в лохмотьях, просящего подавание, но когда он, пробравшись сквозь толпу, дошел до того места, там никого не было – померещилось.

Вечером Ворон сделал попытку встать. Опираясь на костыль, он проковылял по дому, потом вышел на крыльцо; постоял, осматривая кусты с большими розовыми цветами, окружавшие дом. Дальше идти не решился – был еще слишком слаб. Но и лечь ему не хотелось. Он присел у окна и занялся починкой виолы, пострадавшей от встречи с его ногой. К счастью, сделанный на совесть инструмент выдержал этот удар судьбы и не потерял своего звучания. Ворон взял несколько аккордов.

Вдруг дверь отворилась. На пороге стояла Виринея. Ворон нахмурился и хотел отложить виолу, но Виринея, быстро подбежав, прижала инструмент к его коленям.

- Нет, не убирай! – она заглянула ему в глаза, и он увидел, что она пьяна – слишком неестественной и жалкой была ее улыбка.

Руки его опустились: о чем говорить с пьяной женщиной?

Виринея тихо присела рядом:

- Ворон, спой.

- Уходи, Виринея.

- Спой. Мне так плохо.

- Тебе надо проспать.

Она покорно кивнула, потом всхлипнула. Потом по ее щекам полились слезы. Она просто сидела, сложив руки и, не отрывая взгляда, смотрела на него – а слезы все лились и лились. Она их не вытирала, лишь изредка хлопала ресницами.

Ворон испуганно молчал – он ни разу не видел ее такой. Так прошло несколько минут. Наконец, Вириная провела рукой по щекам, стирая с них влагу, потом тронула виолу:

- Она не сломалась?

- Иди домой, - снова сказал Ворон.

Вириная вздохнула, и ее рука с корпуса виолы переместилась на его грудь. Он почувствовал, будто разряд тока пронзил его – и отодвинулся. Но она не отступилась. Другой рукой она переложил виолу на пол, а потом дотронулась до его колена. Ворон глядел на нее, словно кролик на удава, и не мог оторвать глаз, а она продолжала гипнотизировать его своим взглядом в то время, как руки ее мягко скользили по его телу. Он почувствовал, что задыхается, и вскочил, насколько позволяла больная нога.

- Вириная, уходи, - он сам не понял, крикнул или прошептал. – Уходи.

Она встала, схватила его за рукав и, почувствовав, как по его телу пробежала судорога, шепнула умоляюще:

- Пожалуйста...

- Ты с ума сошла! – он наконец собрался с силами и вырвал свою руку. – Пошла вон!

Она пьяно качнулась, схватившись за стену, потом выпрямилась и, не глядя на него, пошла к двери. Возле двери она оглянулась, бросила на него последний, вопросительный, взгляд и вышла.

Ворон поднял с полу виолу, положил на стол – он никак не мог прийти в себя. Он все еще ощущал прикосновение ее рук, будто она не ушла. Его колотил озноб, ему не хватало воздуха. Эта пытка была похуже тех, что были в тюрьме. До полуночи он бродил туда-сюда по комнате, не находя себе места, и лишь когда боль в ноге стала невыносимой, лег в постель. Но заснуть не мог. Стоило ему закрыть глаза – и он видел ее, видел до того отчетливо, что даже ощущал ее запах.

Все вокруг заволочла абсолютная тишина, такая, какая бывает только глубокой ночью. Ворон лежал, уставившись невидящим взором на серый прямоугольник окна. Вдруг скрипнула дверь. Ворон затаил дыхание. Неужели опять? Он стал панически соображать, что делать: притвориться спящим или все же встать? Дверь медленно отворилась, и в проеме показался силуэт – явно не женский. Ворон насторожился.

Вошедший тихо приблизился к его кровати. Мешкать было нельзя. Ворон вскочил и ударил незваного гостя в лицо. Тот махнул чем-то в воздухе, и руку Ворона ожгло болью. Но он ловко схватил противника, и не успел тот сделать движение, вырвал у него нож, а потом сильным ударом повалил на пол. Быстро зажег свечу и осветил лицо лежащего.

- Угрим?

Угрим неприязненно глянул на него, зло сплюнул кровь.

- Что тебе надо? – Ворон покрепче сжал нож.

- Мне от тебя ничего не надо, - Угрим осторожно поднимался, не сводя глаз с ножа. – Мне от тебя нужно лишь, чтобы ты был мертв.

- Ты сбесился или головой ударился?

Угрим встал и сделал несколько шагов к двери:

- Я тебя все равно убью.

Возле двери он обернулся:

- Я видел, как она выходила от тебя сегодня вечером.

- Да пошел ты, - устало бросил ему вслед Ворон и пошел запирать дверь: незваных гостей на сегодня было достаточно.

Утром доктору, пришедшему осмотреть его ногу, пришлось обработать и порез на руке – к счастью, это была лишь царапина. Но царапина эта, как ни была незначительна, сыграла ключевую роль в дальнейших событиях. Не прошло и пятнадцати минут после ухода доктора, как к Ворону ворвалась Вириная. Глаза ее горели огнем.

- Это правда? – С порога крикнула она. – Покажи руку.

И не дав ему рта раскрыть, задрала его рукав и стала разглядывать порез.

- Так значит, это правда, - она тяжело дышала. – Он хотел убить тебя. Ублюдок.

- Вириная, - Ворон сделал слабую попытку успокоить ее, но она оттолкнула его с такой злостью, словно он был виноват во всем.

- Ничего не говори! – И с этими словами она выбежала вон.

Угрим, хорошо знавший характер своей любовницы, с ночи ждал расплаты и не удивился, когда к нему, как чумные, прибежали двое бандитов и, заикаясь, доложили, что Вириная приказывает ему немедленно явиться. По лицам прибежавших Угрим понял, что «немедленно» - это значит сию секунду и ни мгновения позже, и не стал мешкать. Он уже привык к ее приступам ярости, которые не были редкостью, и за два года, что они были вместе, научился гасить их. Все-таки он был мужчина, а она женщина, будь она хоть трижды колдунья.

Когда он вошел, Вириная стояла спиной к нему и переставляла на столе какие-то чашки.

- Можно? – Угрим кашлянул и сделал шаг вперед.

Она не обернулась – молча продолжала свое бессмысленное занятие.

- Я знаю, ты злишься, и я тебя понимаю, но пойми и меня, - он подошел ближе, - ведь я же...

Тут она резко обернулась. Лицо ее пылало, губы дергались от бешенства – таким, наверное, было лицо настоящей фурии: увидишь – и онемеешь от ужаса. Не произнеся ни звука, она схватила со стола кнут и с такой силой ударила его по лицу, что он упал. Потом еще и еще. Удары сыпались без остановки, он сначала лишь слабо прикрывался руками, совсем очумев от боли; потом, видно, сработал инстинкт – способность соображать он потерял с первым же ударом – и Угрим выкатился на улицу. Она – за ним. Кое-как под градом ударов ему удалось подняться на ноги. Закрыв руками залитое кровью лицо, ничего не видя, он бросился бежать. Вириная кинула ему вслед кнут и хрипло крикнула:

- Вон! Если через час ты будешь... - голос ее сорвался, - ты будешь на острове, я прикажу убить тебя! Разорвать на куски! Не смей больше показываться мне на глаза!

Она вернулась в дом – ее била дрожь, руки ходили ходуном. Она вцепилась в волосы и, громко застонав, опустилась на пол прямо у двери. К ней со стаканом воды подошла испуганная служанка. Вириная, не поднимая глаз, оттолкнула стакан – он разбился. Служанка попятилась обратно, но не успела она скрыться за дверью, как услышала голос хозяйки:

- Стой! Дай воды.

Расплескивая воду, Вириная жадно выпила весь стакан, потом уткнула лицо в колени и зарыдала.

Через три дня Аскалон получил, наконец, долгожданный малиновый конверт. Он, как и прежние, лежал на его столе в спальне, и послание в нем опять отличалось лаконичностью: «Сегодня у причала». Даже не было указано время.

Не теряя ни минуты, Аскалон отправился на знакомое место. Клефт уже ждал его. Он сидел на берегу и флегматично бросал в воду камешки. Услышав шаги, он поднялся и сразу же поймал вопросительный взгляд Наследника.

- Нет, - ответил на его немой вопрос клефт. – Она неуязвима. Мы все проверили.

Аскалон сразу сник.

- Что, совсем ничего нельзя сделать? - Слабо спросил он, пытаясь ухватиться за обломки последней надежды.

Клефт покачал головой. Больше он ничего не сказал, а Аскалон не спрашивал: к чему лишние вопросы, когда и так все ясно. Возвращаясь домой, он вдруг понял, что до последней минуты ждал чуда: верил, что кто-то за него сможет избавить Город от страшной участи. Чуда не произошло. Он понимал, что не оправдал доверия, его жгло чувство вины перед всеми людьми, которых он не мог спасти, которым теперь из-за его бессилия придется покинуть свои дома или погибнуть.

Сидя одиноко в темной комнате, Аскалон размышлял о том, что надо утром идти к отцу, сообщить об отказе клефтов и поговорить о начале всеобщей эвакуации. Пока еще не поздно. Как и куда можно вывезти целый огромный город, он не представлял, а о том, как объяснить это людям, и думать не хотелось. Но как ни крути, а другого выхода не было. Раз не удалось избавить Город от зла, надо было хотя бы попытаться спасти жителей.

Но утром, когда он, отягченный своими невеселыми мыслями, собирался к отцу, ему доложили, что к нему пришел некто, не пожелавший назвать себя, но умоляющий принять его по крайне важному делу. Аскалон менее всего сейчас был расположен к приему посетителей, однако, согласился уделить ему десять минут. И вскоре в его кабинет вошел человек странной внешности: левый глаз его был закрыт черной повязкой, а лицо буквально исполосовано свежими шрамами.

- Я пришел, чтобы помочь вам поймать ту, кого вы ищете, - заявил он, едва войдя в комнату, и видя недоумение в глазах Наследника, продолжил. - Я знаю, где скрывается Виринея.

Похоже, эффект от его слов был меньше, чем он ожидал, и он, боясь, что его прогонят, не дослушав, стал выкладывать все козыри:

- Вы, я вижу, не узнали меня. И немудрено. Я Угрим. Мы с вами встречались около десяти дней назад на острове. Я пришел сам, добровольно и готов понести любое наказание за то, что совершил. Но сначала я хочу отомстить.

Аскалон, который узнал Угрима только после того, как тот представился, стал догадываться о чем-то.

- Это она тебя? - Спросил он, заинтересовавшись. - Узнаю ее руку. Чем же ты ей не угодил?

Угрим сжал кулаки:

- Позвольте мне отомстить.

- А если я прикажу повесить тебя?

Угрим вздохнул:

- Я пришел к вам без оружия. Я в вашей власти. Вы можете убить меня, но умоляю, разрешите перед смертью помочь вам убить ее - и тогда я спокойно взойду на эшафот.

Аскалон поморщился:

- Не люблю предателей, - и посмотрел на него в упор.

Угрим выдержал этот взгляд. Аскалон указал на кресло:

- Ну, что ж, рассказывай.

Угрим кивком поблагодарил и, убедившись, начал:

- Поверьте, господин Наследник, я сам не люблю тех, кто платит злом за добро. Но это она меня предала. Почти два года я выполнял все ее прихоти, ублажал ее, терпел ее капризы и истерики - а их, поверьте, было немало. И вот что получил в итоге, - он указал на повязку, - она выбила мне глаз. И добро бы за дело - из-за ерунды! Я повздорил с этим фигляром, в Вороном.

- С Вороном? С Вороном?! - Аскалон подскочил, едва усевшись. - Как? Мне же доложили, что он мертв! Что повредил ногу, да так, что умер в два дня от заражения крови.

- Про ногу - это правда. Он до сих пор ходит с костылем. Но насчет смерти... Она вытащила его с Черного острова, и сейчас он снова при ней.

- Вот живучий, мерзавец, - Наследник видел, что рассказ оказался интереснее, чем он ожидал. – Давай все по порядку.

И Угрим подробно, обстоятельно изложил ему все, что знал. Аскалон слушал внимательно, задавал по ходу уточняющие вопросы, хотя не понимал, как этот неожиданно появившийся человек может быть ему полезен. Вот если бы он пришел раньше, до того, как поссорился со своей любовницей, можно было бы попытаться с его помощью выманить оберег у Вириinei. Но теперь, когда, по его словам, Вириinea обещала убить его, если он только появится возле нее – и Аскалон не сомневался, что она сдержит слово – какой был от него толк? Они узнали ее местоположение. И что дальше? Но сейчас Угрим был той самой соломинкой, за которую и ухватился совершенно отчаявшийся Наследник. Не менее часа провел он, выспрашивая у Угрима все подробности – и тот из кожи вон лез, припоминая забытое и вытаскивая из глубин памяти такие детали, в которых и нужды-то не было – так ему хотелось угодить. Наконец, оставив посетителя под охраной в кабинете, Аскалон отправился к отцу.

Ангелар выслушал сына, не перебивая, лишь время от времени он возбужденно щелкал пальцами, и глаза его с каждой минутой загорались все ярче и ярче.

- А ведь, кажется, нам с тобой наконец повезло, - сказал он, когда Аскалон закончил свой рассказ.

- У тебя есть какая-то идея? – с замиранием сердца спросил тот тихо, словно боясь громким звуком спугнуть эту идею.

- По-моему, мы все-таки нащупали ее слабое место.

- Слабое место?

- Слабое место любого человека, как говорила тебе сама Вириinea (и тут я с ней полностью согласен!), - это его привязанности: друзья, семья, дети, - Ангелар многозначительно посмотрел на сына, - любовь.

- Вы думаете... Нет, она не может любить. Она не способна любить!

- Ты думаешь так, потому что ненавидишь ее. Но она женщина, простая женщина, что бы она о себе не возомнила и каких бы глупостей не наговорила тебе. Поверь моему опыту: она любит этого Ворона.

- Странная любовь. Сначала чуть не утопила его, потом оставила умирать на острове с плотоядными тварями, где наилучшим исходом для него оказались тюрьма и каторга.

- Да, а потом потратила кучу денег, чтобы спасти его.

- Пустая блажь, глупая прихоть. Она сама не знает, чего хочет.

- Умом-то она не знает, а сердце ее давно уже все за нее решило. А этот Угрим. Два года он ее вполне устраивал и как любовник, и как сообщник, и вдруг из-за его мелкой шалости она впала в такую ярость, что сделала его инвалидом.

- Ничего себе, мелкая шалость, - вскинулся Аскалон. – Он хотел убить Ворона.

- Сын, постарайся думать, как она. Это для нас убийство – тяжкий грех, а для нее убить человека ничего не стоит. Ты же сам видел. Из-за такого пустяка она бы и из дома не вышла. А тут ярость, да какая!

- Просто взбесилась, что кто-то, кроме нее, смеет распоряжаться жизнью людей, которых она считает своими. Она же для них царь и Бог. Хочет казнить, хочет милует.

- Я бы с тобой согласился, если бы не одно «но», - Ангелар взволнованно размахивал руками. – Если бы она Угрима равнодушно пристрелила, или приказала бы повесить – это одно. Но она избивала его. Сама. Так, что выбила глаз. Это не похоже на обычное наказание.

Аскалон сел, обхватив голову руками. Просидев так несколько минут (Ангелар терпеливо ждал), он сказал медленно:

- Может, ты и прав. Но что нам это дает?

- А дает нам это очень много: наша неуязвимая стала уязвима. Теперь надо точно направить удар и не промахнуться, - Правитель выглядел уверенным в себе. Таким

Аскалону он нравился больше всего. – Наша с тобой ошибка в том, что мы бились в непробиваемую стену вместо того, чтобы искать обходные пути. Мы пытались преодолеть неуязвимость берега, а это невозможно.

- То есть, мы ловили не того, кого нужно?

- Ты схватываешь на лету. Слава Богу, у нас есть несколько дней, чтобы исправить свои ошибки.

- Но если мы опять ошиблись?

- Если? Помнится, ты раньше терпеть не мог этого слова. А теперь ты говоришь «если» в тот самый момент, когда у нас появился какой-то план после многих дней томительного бездействия? Тебе не кажется, что надо просто начать действовать – и все «если» отпадут сами собой. Где сейчас Ворон?

- На острове с Виринеей.

- Остров, конечно, охраняется?

- Разумеется.

- Ну, это проблема решаемая. Нет такой крепости, в которую невозможно было бы пробраться. А остров – это не крепость. Мы придумаем, как выманить его оттуда. И кстати, в Городе надо всем полицейским раздать его приметы. Вряд ли, конечно, он там появится, но ничего упускать нельзя. Хромота – это прекрасная примета.

Активность Правителя заразила и его сына. Он забегал, отдавая различные распоряжения, и вскоре заметил, что на душе у него заметно полегчало – все же появилась надежда, пусть слабая, но в нынешнем положении и это было немало.

Быстро собрали группу, состоящую из лучших сыщиков, опытных полицейских, военных; при помощи Угрима составили план острова, и стали думать, как на него проникнуть. Аскалон принимал во всем этом активное участие, и хотя червь сомнения все же сидел где-то глубоко в его душе, он не давал ему поднять голову. Отцу Наследник верил безоговорочно, а тот, видно, был твердо уверен в успехе, и эта уверенность вскоре передалась и его сыну. И Наследник, отбросив последние колебания, с головой окунулся в омут хлопот.

После всего произошедшего Ворон не мог спокойно сидеть на острове, все раздражало его: и собственная неподвижность, и любопытные взгляды, и бестактные вопросы о Черном острове, и неприличные намеки, преследовавшие его после изгнания Угрима. Что же касается Виринии, то ее он не просто не мог видеть: сама мысль, что она находится где-то рядом, была для него мучительна. Он и ненавидел ее так, что, наверное, убил бы; и в то же время его так к ней тянуло, что он еле сдерживался. Запах ее волос и ее полные слез глаза преследовали его, как наваждение. И однажды, рано утром, убедившись, что заснуть ему так и не удастся, он взял лодку и быстро погреб в сторону Города. Утренняя прохлада и физические усилия, которых он так давно был лишен, освежили его; и выйдя на тихую, пустынную еще, пристань, он почувствовал, что наконец может дышать полной грудью. Опираясь на палку, на которую он сменил надоевший костыль, он медленно поковылял в Город. Вид пробуждающихся городских улочек, знакомых ему с детства, окончательно вернули ему душевное спокойствие, и он долго бродил по ним, стараясь не думать о том, что рано или поздно, но все же придется вернуться обратно.

День разошелся. Вокруг стал снова народ, и Ворон уже поймал на себе два-три косых взгляда – хромота не вязалась с внешностью молодого человека и привлекала внимание; кроме того, лицо его еще не вполне освободилось от следов пребывания в тюрьме. Да и большая нога уже давно делала намеки, что нельзя еще ее так утруждать. Пора было

возвращаться. Ворон уже повернул в сторону пристани, где оставил лодку, как перед ним вдруг вырос толстый полицейский в мятой шляпе.

- Документы!

Ворон осторожно оглянулся: небольшая торговая площадь, окруженная домами; четыре узких улочки вверх и вниз; кругом народ – раньше ему и секунды хватило бы, чтобы исчезнуть, но теперь – нога! Он поправил волосы и лучезарно улыбнулся:

- А в чем дело?

- Документы, - заученно повторил полицейский.

Ворон стал сосредоточенно рыться в карманах, лихорадочно соображая, что делать.

- Кажется, я оставил их в другой куртке, - он развел руками.

- Тогда пошли, - толстый полицейский невежливо дернул его за рукав.

- Но послушайте, - Ворон снова порывлся в карманах: как назло, там была одна мелочь.

- Ах, ты, негодник! – вдруг услышал он звонкий голос. – Я его жду, а он тут прохлаждается.

Ворон обернулся – перед ним стояла Ива.

- Господин полицейский, он что-то натворил? – в голосе ее слышалось раздражение.

- Сударыня, вы его знаете? – подозрительно покосился на нее полицейский.

- Еще бы мне не знать собственного кучера! Я оставила его возле вон того магазина, вышла через пять минут, а его уже и след простыл! Тебе где велено было ждать? – обратилась она к потерявшему от удивления дар речи Ворону и потрясла пакетом с зеленью, который держала в руках.

Полицейский оглядел богато одетую барышню и попятился.

- Что мне теперь прикажешь, на себе овощи тащить? – продолжала, не обращая на него внимания, Ива. – Сколько раз говорить, стой, где приказано. Из жалованья вычту. Ну-ка, быстро пошли, – тут она изволила заметить съездившегося толстяка. – Господин полицейский, я могу его забрать?

Тот лишь что-то проблеял и, надвинув поглубже свою мятую шляпу, отошел.

Ива с Вороном быстро пошли прочь. Пройдя приличное расстояние, они свернули в глухой переулок и остановились.

- А я и не подозревал в вас таких актерских способностей, - улыбнулся Ворон.

- Я и сама не подозревала, - Ива тяжело дышала от быстрой ходьбы и от волнения.

- Кажется, вы спасли мне жизнь.

- Значит, теперь мы квиты.

- Вы о том случае на острове? Я уже, честно говоря, забыл о нем. Так давно это было.

- А мне кажется, совсем недавно, - она задумчиво теребила высунувшийся из пакета хвост петрушки.

- Просто у меня с того момента целая жизнь прошла, - грустно усмехнулся Ворон.

- Вы... убежали из тюрьмы? – спросила Ива шепотом, хоть рядом не было ни одного человека, и вдруг, взглянув вниз, воскликнула. – У вас кровь!

Тут и Ворон заметил, что его штанина запачкана кровью – видно, от долгой ходьбы открылась рана.

- Надо перевязать, - сказала Ива и, набрав в грудь воздуха, решительно добавила. – Мой дом недалеко. Пойдемте.

Ворон покачал головой и улыбнулся:

- Вы просто чудо, Ива. Спасибо вам за помощь, но теперь я пойду.

- У меня дома никого нет. Папа на время переехал к своей больной сестре, кухарка и горничная приходят только утром. Вас никто не увидит!

- Ива, я беглый каторжник. Вы уже нарушили закон, обманув полицейского. А что будет, если Наследник узнает, что вы помогаете преступнику? Поверьте, вы и так сделали для меня очень много. Прощайте.

И он повернулся уходить, но лишь сделал шаг, раненая нога подвернулась и он упал бы, если бы Ива не подхватила его.

- Это от того, что мы долго простояли, - сказал Ворон, но уже не так уверенно. – Она разойдется.

- Конечно, - согласилась с улыбкой Ива. – Мой дом вон в той стороне.

Дома Ива усадила его на диван, принесла бинты, лекарства, чистую воду – она понятия не имела, как обрабатывать раны, и поэтому достала все, что могло, по ее мнению, пригодиться. Пока Ворон занимался перевязкой, она приготовила поесть.

За обедом она выпросила у него все, что ей хотелось знать. Она так умело задавала вопросы, что Ворон и сам не заметил, как рассказал ей и про Виринею, и про половину монеты, и про тюрьму, и про Черный остров, опустив, естественно, самые жуткие подробности. Так по душам он ни с кем никогда не разговаривал, и впервые в жизни он почувствовал, что кому-то небезразличен. Ива слушала, раскрыв широко глаза, почти не дыша и время от времени по-детски всплескивая руками. Глядя на нее, Ворон ощущал, как оттаивает его душа.

Так они просидели около часа. Ворон не хотел задерживаться дольше, чем этого требовала необходимость: как ни приятно было ему общество милой девушки, как ни уютен был ее дом, надо было возвращаться на остров – он боялся, что, заметив его отсутствие, Виринея что-нибудь учудит, да и злоупотреблять добротой Ивы он не хотел. Нога болела поменьше и, пройдясь по комнате, он убедился, что вполне в состоянии дойти до пристани, где оставил лодку.

Ива проводила его до прихожей и попросила заходить к ней, если будет возможность. Ворон отворил дверь – и обомлел: на пороге стоял Аскалон.

Ворон интуитивно дернулся назад, сбив какой-то шкафчик, но увидел, что бежать бесполезно: в дом за Аскалоном вошли двое вооруженных телохранителей. Ива вскрикнула, Аскалон от изумления выронил букет, который держал в руке, охранники вскинули ружья.

- Да что же за день такой! – сказал Ворон.

- Ива! – Аскалон никак не мог прийти в себя.

А она потерянно переводила взгляд с одного на другого, в ее глазах стояли слезы.

- Руки! – качнул на Ворона ружьем один из охранников.

Ворон помедлил, потом вдруг широко улыбнулся, бросил палку и поднял руки. Его связали.

- Боже мой, - прошептала Ива, - это я виновата.

Она подбежала к Аскалону:

- Пожалуйста, отпустите его.

Аскалон посмотрел на нее и ничего не ответил.

- Аскалон, я прошу вас. Конечно, он заслужил наказание, но он ведь уже получил свое! – она не понимала, что говорит.

- Ива, не надо, - сказал Ворон.

Аскалон бросил на него тяжелый взгляд и махнул охранникам – Ворона увели.

- Ну как же так! – Ива была в отчаянии. – Неужели он опять... Аскалон, пожалуйста, я прошу вас об одолжении. Разве вы не сделаете для меня такую малость?

Аскалон шагнул к двери, она схватила его за рукав:

- Ну, что вам стоит?

- Ива, - слова давались ему с трудом, - я не могу.

- Ну, поймите, я же до конца дней себе не прошу. Если бы вам пришлось жить с такой ношей на сердце! Я же прошу не за него, а за себя.

- Я не могу, - повторил Аскалон тверже. В груди его что-то рвалось, а в голове был туман.

- Вы слишком далеко зашли в своей мести, - сказала она с тихим отчаянием.
- Дело не в мести, - ответил Аскалон. – Вы не понимаете.
Она устремила на него последний, полный надежды взгляд.
- Я не могу, - выдохнул он.
Взгляд потух.
- Не приходите ко мне больше, - прошептала она и отступила.
Аскалон постоял, опустив голову, и вышел.

Во Дворец Аскалон возвращался с радостными вестями – первую половину их плана оказалось осуществить гораздо проще, чем они думали, - но радости он не чувствовал. И даже не ссора с Ивой, имевшая вид полного разрыва, угнетала его: по совету отца он учился ставить государственные интересы выше личных, а до страшной катастрофы, не сравнимой ни с какими сердечными проблемами, оставалось всего пять дней. Теперь все зависело от того, не ошибся ли Правитель в своих предположениях, потому что на исправление ошибок времени уже не оставалось. Аскалон привык верить отцу больше, чем себе, и все его доводы казались ему достаточно убедительными. И он вполне бы смог разделить его уверенность в успехе, если бы не имел случая пообщаться с Виринеей лично. Он вспоминал ее искаженное злобой лицо; он не мог забыть, какое наслаждение доставляли ей чужие мучения, как легко она убивала. Такая женщина не может любить, а что уж говорить о том, чтобы променять свою жизнь на жизнь другого человека! Пять дней до катастрофы и призрачная надежда, зависящая от настроения взбалмошной бабенки – слишком неуравновешенны были шансы.

Кроме того, он не мог не задумываться над этической стороной дела. Как ни крути, а то, что они собирались сделать, был шантаж – Аскалон привык называть вещи своими именами. Конечно, ради интересов государства он переступит через себя, но поступить так ему будет, он знал, очень непросто. И хорошо, если все закончится удачно; но если Виринее не придет или откажется выполнить их требования, - Ворона придется убить, а такой способ расправы был Аскалону очень не по вкусу, он ему казался недостойным порядочного человека.

Все это он высказал отцу сразу после того, как сообщил об аресте Ворона. Но Правитель, обрадованный столь неожиданной удачей, лишь отмахнулся от него, сказав, что времени слишком мало и у них есть дела поважнее, чем заниматься самоедством.

- Поверь, сын, - сказал он, - когда мы обезвредим Виринею, все остальное будет неважным, и скоро ты сам будешь смеяться над своими сомнениями. Победителей не судят, а мы с тобой в одном шаге от победы.

Сколько раз в тяжелую минуту Аскалона выручали мудрость и хладнокровие отца, умевшего с помощью нескольких слов вернуть ему душевное равновесие!

Отец посмотрел на него и обнадеживающе улыбнулся:

- Сейчас отдадим нужные распоряжения, и я покажу тебе кое-что, что окончательно рассеет твои сомнения.

Он вызвал Угрима, который жил теперь при Дворце, и приказал ему, взяв взвод полицейских, отправляться к Виринее с письмом, которое Правитель тут же и написал. Угрим, готовый ради своей мести на все, согласился без колебаний; а когда узнал, по какой причине его посылают, его рвение и желание исполнить поручение увеличились втрое. Правитель дал ему необходимые указания, и не медля ни минуты, Угрим удалился. А Ангелар с сыном, чувствовавшие легкое возбуждение, какое обычно ощущается в начале сложного и ответственного дела, направились к старой пристани, у которой Аскалон

несколько дней назад встречался с клефтом, где и было то самое *кое-что*, что обещал показать Правитель сыну.

Не спеша дошли они до места, обсуждая детали предстоящей операции. Подойдя к пристани, Ангелар махнул рукой в сторону причала и сказал:

- Смотри.

Сначала Аскалон не понял, в чем дело, хотя сразу заметил, что знакомая пристань в чем-то неуловимо изменилась. Он прошелся вдоль берега, обвел взглядом ветхую лачужку и старые мостки – и тут сообразил:

- Вода... вода стала выше. Мостки возвышались над ее уровнем не меньше, чем на метр, а теперь волны почти касаются их, - он ошеломленно посмотрел на отца. – Море наступает.

Ангелар кивнул:

- Осталось пять дней, сын. Нет времени на уныние и сомнения.

- Я все сделаю, как надо, - Аскалон распрямил спину и твердо посмотрел в лицо Правителю. – Я не подведу.

- Я знаю, - Ангелар нежно тронул его за плечо. – Я верю в тебя. И не боюсь. Главное, не забудь забрать себе полмонетки. От этого зависит очень многое. У нас с тобой будет целая монета, и мы будем править вдвоем, как наши предки.

Аскалон улыбнулся – морской предвечерний ветер развеял все его сомнения.

Угрим вернулся после полуночи, но несмотря на позднее время, его ждали. Он сообщил, что его экспедиция прошла без осложнений – а об этом уже говорило то, что он вернулся живым, - что письмо он передал лично в руки Виринея. И хоть она не дала определенного ответа, можно было надеяться, что она придет, а это уже было немало, учитывая всю сложность ситуации. Оставалось ждать утра.

Место для встречи выбрали в одном из многочисленных парков Города. По заданию Правителя его люди нашли там большую поляну, окруженную со всех сторон деревьями. Утром по периметру поляны выстроились солдаты, вооруженные ружьями. За пятнадцать минут до назначенного срока из крытой кареты вытащили Ворона и поставили в центре поляны возле широкого замшелого пня. Руки его были связаны за спиной, с двух сторон его держали двое полицейских – два белобрых брата, отличавшиеся друг от друга только тем, что у одного были усы, а у другого – нет. Они поддерживали Ворона под локти, так как без палки он стоять не мог. Аскалон нервно расхаживал туда-сюда, каждую минуту поглядывая на часы, которые держал в руке – справиться с волнением ему никак не удавалось.

Наконец от расставленных по всему парку дозорных пришло сообщение, что к назначенному месту приближается женщина. Все моментально пришло в боевую готовность: Аскалон убрал часы и достал пистолет, солдаты подняли ружья. Скоро из-за деревьев вышла Виринея. На ней было длинное черное платье и огромная черная же шаль. Наверное, очень нелепо и смешно смотрелись солдаты, ополчившиеся против одной-единственной безоружной женщины, но Аскалону было не до смеха.

Едва выйдя на поляну, Виринея остановилась: обвела задумчивым взглядом Ворона, потом с усмешкой оглядела солдат и повернулась к Наследнику.

- Вижу, мой урок не прошел даром. Ты сильно поумнел с последней нашей встречи.

- Виринея! – как можно суровее начал Аскалон. – Виринея, давай не будем тратить время на пустые разговоры. Я предлагаю тебе сделку: твою половинку монеты за жизнь Ворона. У тебя пять минут на раздумье.

Она слушала, наклонив голову и плотно укутавшись в шаль.

- А с чего ты решил, что его жизнь для меня чего-то стоит? –спросила она, не меняя позы.

Аскалон ждал этого вопроса.

- Этого я не знаю, - сказал он. – Но мне очень нужна твоя жизнь, а другого способа забрать ее я не придумал. У тебя есть два варианта. Первый: ты уходишь, и я сразу отдаю приказ убить Ворона. Если тебе на него наплевать – я проиграл. И второй: ты отдаешь мне оберег, тебя сажают в тюрьму, а Ворона мы отпускаем на все четыре стороны.

- Мм.. Даже не знаю, какой вариант мне выбрать. Честно говоря, ни один мне не нравится. Может, есть третий? – вкрадчиво спросила Виринея и глаза ее заблестели.

- Третьего варианта нет, - твердо ответил Аскалон. – У тебя пять минут. Добавить могу лишь одно (это на тот случай, если ты все же надеешься меня переиграть): если ты сделаешь какое-нибудь резкое движение, он немедленно умрет.

При этих словах один из белобрых братьев – тот, который без усов, - приставил Ворону к горлу нож.

- Заметь: тебе никто не угрожает. Да и если ты даже захочешь что-то предпринять, ты не сможешь нейтрализовать всех этих ребят, что стоят вокруг. У них приказ стрелять при малейшей угрозе с твоей стороны. И кто будет мишенью, ты догадываешься.

- Хорошо, - покорно сказала Виринея, - я не буду делать резких движений.

Она медленно подошла к замшелому пню. Белобрых полицейский крепче сжал нож и не сводил с нее глаз.

Аскалон тоже приблизился к ним. Он протянул руку:

- Отдай мне оберег, Виринея.

Она снова наклонила голову и внимательно рассматривала его:

- Здорово ты все придумал. Похоже, я могу гордиться таким племянником.

- Оберег! – повторил Аскалон.

- Погоди, мне кое-что неясно. По первому варианту у меня вопросов нет, а вот по второму... Что если случится так: я отдам тебе оберег, а ты Ворона не отпустишь. Какой резон тебе отпускать его?

- Я даю тебе слово!

Виринея захохотала, запрокинув голову.

- Виринея, у тебя нет выбора! Ты должна мне поверить! – Аскалон сжал в руке пистолет.

Она притихла, плотно закуталась в шаль и замерла. Несколько минут царило гробовое молчание. Аскалон чувствовал, что все должно решиться в эту минуту, и боялся дышать, не спуская с нее глаз. Вот она шевельнулась, медленно, словно во сне, расцепила руки, сжимавшие шаль, и сняла с шеи цепочку с половинкой монетки, подержала ее чуть-чуть в руке и повернулась к Аскалону. Он протянул руку, но она вдруг подскочила к Ворону и ловко набросила цепочку ему на шею. Не успела она отдернуть руку, как за его спиной выросла огромная змея.

Змея расправила капюшон – и оранжевая горячая стрела шумно вонзилась в безусого полицейского; тот даже не успел сообразить, что произошло. Нож упал на кучку пепла.

Очумевший от ужаса его брат отпрянул в сторону и упал. Рядом с ним свалился потерявший опору Ворон. Виринея стояла, широко раскрыв глаза – она впервые увидела змею со стороны. Не ожидавший такого поворота Аскалон сначала растерялся – второй раз он видел змею, но впечатление было не слабее.

В себя его привел дикий визг: визжал усатый полицейский. Он рылся в оставшейся от его брата кучке пепла – глаза его были совершенно безумные. Его оттащили в сторону.

Виринея стояла, по-прежнему закутавшись в шаль.

- Кажется, я нашла третий вариант, - сказала она с улыбкой.

Аскалон отвел ее в стоявшую неподалеку крытую карету. Она не сопротивлялась; лишь перед тем, как шагнуть внутрь, обернулась на Ворона – и дверца за ней закрылась.

Ворон катался по земле, пытаясь встать, но связанные руки и больная нога делали для него эту задачу невыполнимой.

- Виринея! – крикнул он, поймав ее прощальный взгляд, и забился еще сильнее.

Все обходили его стороной, стараясь держаться подальше. Вскоре карета уехала, ускакали на своих конях сопровождавшие ее полицейские, ушли организованным строем солдаты. И Ворон, оставив бесплодные попытки подняться, затих, прижавшись щекой к мягкой траве.

Виринею поместили в тюрьму, находящуюся на территории Дворца. Отдав необходимые распоряжения, Аскалон отправился к отцу. Ему хотелось самому все ему рассказать.

Правитель у себя в кабинете разбирал какие-то бумаги, разложенные на столе. Увидев сына, он нетерпеливо поднялся:

- Слышал, что у тебя все получилось. Ты молодец! Теперь жду подробностей.

- Это ты молодец. Ведь это была твоя идея, а я, честно говоря, до конца сомневался.

- Ну, оба мы молодцы, - махнул рукой Ангелар. – Это не главное.

- Да, - согласился Наследник. – Главное, что Городу теперь ничего не угрожает. Мы успели. Еще целых четыре дня осталось в запасе.

- Да, - Правитель возбужденно потер руки. – Это надо отметить.

И он, открыв небольшой резной шкафчик, извлек из него бутылку.

- Ну, что ж, рассказывай, - сказал Ангелар, когда они осушили свои бокалы. – Где, кстати, Виринея, здесь? Интересно будет посмотреть на нее после стольких лет. Надеюсь, оберег у тебя?

Аскалон замялся.

- Аскалон! Ты ведь забрал его у нее?

- Отец, прости. Она отдала его Ворону. Я не успел.

Бокал Правителя со звоном упал к его ногам, разлетевшись на множество хрустальных брызг; по полу разлилось красное пятно.

- Как?! Он не у тебя?

Аскалон взглянул на него и отшатнулся:

- Но, отец, ведь главное – Виринея. Она обезврежена. Город спасен. Я думал...

- Что ты думал? Я же ясно сказал тебе обязательно забрать оберег! Зачем мне Виринея, если оберег я не получил!

- Но, отец...

- Аскалон! Обладающий огромной силой магический предмет, который должен по праву принадлежать Правителю, едва освободившись из одних нечестных рук, тут же попал в другие, такие же. Чем Ворон лучше? Он такой же бандит! Получив силу, он, конечно, захочет ей воспользоваться – и все опять начнется сначала! – Ангелар обессилено упал в кресло и дрожащей рукой стал наливать себе вино. – Надо было мне самому ехать туда!

- Но, отец, - только и повторил оглушенный неожиданным напором Аскалон. – Я, конечно, виноват. Она перехитрила меня. Я сейчас все объясню.

Ангелар молчал, уставившись в одну точку.

Радостное возбуждение, владевшее Аскалоном с момента его возвращения, вмиг улетучилось. Он опустил голову и тихо вышел.

Тюрьма, находившаяся на территории Дворца, ничем не напоминала место заключения. Это было небольшое двухэтажное здание, окруженное со всех сторон густыми деревьями. Оно было похоже, скорее, на дачный домик, чем на тюрьму: ни охраны, ни высоких заборов, ни решеток на окнах. Даже замков на дверях не было. Большую часть времени оно пустовало: здесь содержались только самые важные преступники – для прочих существовала городская тюрьма.

Внутри небольшого здания тоже все было необычно: занавески на окнах, ковры, удобная мебель, мягкие диваны, стены оклеены веселенькими обоями. На втором этаже ванная комната; в спальне большая кровать, покрытая дорогим расписным покрывалом; в столовой дорогая посуда: фаянс, хрусталь – не все добропорядочные граждане жили в таких условиях.

Оставшись одна, Виринея сначала бродила по комнатам, недоуменно рассматривая обстановку и выглядывая в окна, пытаясь углядеть там охранников. Меньше всего она ожидала оказаться в таком месте. Она чувствовала, что в чем-то здесь подвох, но в чем, понять не могла. Со стороны казалось, что дом совершенно не охранялся. Оставив бесплодные попытки догадаться, в чем дело, она решила проверить на практике.

Входная дверь была не заперта и легко подалась. Виринея вышла на крыльцо – никого. Спустилась по ступенькам – никто не собирался ее останавливать. Она пошла по заросшей ветвистыми деревьями аллее парка, окружавшего дом, - ни единой души вокруг.

Ее бегство совсем напоминало бы приятную прогулку, если бы не одно «но». В тот самый момент, когда она коснулась ногой земли, у нее вдруг начала болеть голова, сначала еле заметно, но с каждым шагом все сильнее и сильнее. Скоро уже было невозможно терпеть: начало ломить шею, заболела спина, каждый шаг давался с трудом. Виринея остановилась. Потом повернула назад и быстро пошла обратно к дому. И лишь стоило ей закрыть за собой дверь, боль сразу утихла, а потом и вовсе исчезла, будто ничего и не было – осталась лишь легкая слабость.

- Так вот в чем дело, - прошептала Виринея, утирая со лба холодный пот. – И никаких замков не надо. Сама не уйдешь.

Хор цикад становился все громче и слаженнее – поляна в парке словно приходила в себя после нашествия людей. Сделав усилие, Ворон сел. Он потерял счет времени и не знал, сколько пролежал на траве. Положение его было незавидное (впрочем, он уже начал привыкать к этому): было ясно, что со связанными руками ему ни за что не подняться. Но как было освободить руки? Ворон пошевелил запястьями: узлы на веревке были тугие и прочные – полицейские знали свое дело. Как глупо! Не ползти же так до города. Ворон уныло оглядел траву вокруг и брезгливо отодвинулся от кучи пепла, которую еще не успел разметать ветер. И тут же увидел возле нее нож, который в последнюю секунду своей жизни выронил его белобрысый охранник. Ворон быстро перекатился туда. На то, чтобы разрезать веревку, ушла уйма времени. Ворон измучился, изрезал в кровь все руки, но в конце концов освободился. В лесу он нашел прочную палку и наконец смог передвигаться.

Пошел он прямо к Дворцу. На что он надеялся, он и сам не знал. Невидимая стена прочно защищала Дворец. Ворон ощупал твердый воздух, даже несколько раз ударил в него кулаком – естественно, никакого толку. Он пошел вдоль стены, скользя ладонью по воздуху, и шел до тех пор, пока силы не оставили его. А стене и конца не было! Он сел, прислонившись к невидимой опоре. Яркая птичка, пролетавшая над ним, с разлету ударилась о воздух и свалилась к его ногам.

- Эх, ты, - грустно усмехнулся Ворон и протянул к ней руку, но птичка яростно заработала крыльями, взлетела и вскоре скрылась из виду.

Ворон проводил ее взглядом, посидел еще немного, отдыхая, потом встал и направился в Город.

К Иве он пришел, когда уже начало темнеть; устало поднялся на крыльцо и постучал.

- Боже мой! Боже мой! – повторяла Ива, не веря своим глазам. – Он отпустил тебя? Или ты опять сбежал? Да проходи же! – от волнения она сама не заметила, как перешла на «ты».

В знакомой гостиной было по-прежнему уютно. Ива глядела на него, не отрываясь, распахнув свои бесконечно-голубые глаза. Ворон проглотил образовавшийся во рту комок:

- Ива, она пожертвовала собой ради меня!

Глаза Ивы сделались еще шире.

- Ива, они схватили ее. А я дурак. Какой же я дурак!

- Садись, - засуетилась Ива, понимая, что человеку в таком состоянии нужно только одно – чтоб его выслушали. – Постой, да у тебя рубашка в крови! Ты ранен?

- Ерунда, - поморщившись, отмахнулся Ворон. – Руки порезал.

- А ну-ка, дай.

Ива взяла его руки в свои и покачала головой:

- Надо промыть и перевязать. И рубашку сними. Я дам тебе папину.

Ворон снял рубашку. Ива налила в таз воды, подошла к нему и вскрикнула – она увидела оберег.

- Ворон, это... это он?

Ворон только кивнул.

Дипломатичная Ива не стала настаивать на объяснениях. Она обработала ему порезы, дала чистую рубашку, накормила – и, конечно, он сам ей все рассказал. Ива слушала, не перебивая, лишь при упоминании Аскалона она как-то судорожно вздыхала и прикладывала руки к груди.

- Я-то думал, что я для нее никто. Был уверен, что она пришла, только чтоб посмотреть, как меня убьют. Мне же и в голову... Ива, мне и в голову не приходило, что она меня...

- Ворон, она тебя любит.

Он испуганно глянул на нее, словно она сказала что-то ужасное.

- Она тебя любит, и это все объясняет. Ты ее слабость, Ворон, поэтому она тебя и мучила: хотела избавиться от тебя, чтоб снова стать сильной. Да, видно, не смогла. Оказалось, что ей легче потерять жизнь, чем тебя.

Ворон схватился за волосы и застонал.

- Но она же.. Ива, что она со мной делала! Разве это похоже на любовь! Это...

- И ты ни разу не говорил ей, что любишь ее?

- Но я же... - он покачал головой. – Боже, какой же я дурак! Как ты думаешь, - он понизил голос, - они ее еще... не убили?

- Нет, - вздрогнула Ива. – Нет! Должен быть суд.

- Ты слишком хорошо о них думаешь, - сказал Ворон. – Меня никто не судил.

Ива вздохнула и опустила глаза.

Каждую минуту со дня гибели Олеха Аскалон представлял себе тот момент, когда он встретится с Виринеей. Он каждую ночь высказывал ей в лицо все, что накопилось у него на душе, а она лишь жалко оправдывалась и молила о пощаде. Но на деле все оказалось (как это чаще всего и бывает) совсем не так, как в мечтах. Во-первых, после бурного разговора с отцом у него пропало ощущение полной победы, которое и так не было

сильным из-за способа, которым эта победа была достигнута и ссоры с Ивой. А во-вторых, лишь увидев Виринею, он сразу понял, что ни оправдываться, ни раскаиваться она не собирается.

Вероятно, она увидела его в окно, потому что, когда он вошел, она сидела на диване напротив двери и с вызовом смотрела на него. Начала разговор тоже она.

- А, племянничек! – воскликнула Виринея театрально, и Аскалон догадался, что начинается очередной спектакль. Даже в тюрьме она не изменила себе!

- Виринея, - грубо прервал он ее, стараясь не дать ей захватить инициативу - в этом спектакле первая партия должна была принадлежать ему. – Виринея, ты не в том положении, чтобы показывать свой характер.

- Ах, ах, - захопала глазами Виринея. – И в каком же я положении? Ах да, я же пленница. Я в страшной тюрьме, из которой нет выхода.

- Хватит ломать комедию. Здесь твои таланты никто не оценит, - Аскалон уже жалел, что пришел, однако, уходит, не высказав все, не собиравшись. – Все кончено. Ты проиграла.

- Я проиграла? – Виринея живо вскочила, в одночасье сбросив маску убитой горем узницы. – Я не ослышалась, ты всерьез считаешь себя победителем? Мне казалось, ты умнее.

- Да? И кто же из нас сейчас находится в тюрьме?

Она приблизилась к нему вплотную и заглянула в глаза:

- Все зависит от того, что считать победой. Ты судишь по внешним признакам, а этого делать нельзя. Ты смотри глубже, прикинь, что ты приобрел и что потерял – и увидим, каков ты победитель. Какой ты был до встречи со мной? Честный, благородный, мечтал, наверное, стать самым справедливым Правителем из всех? А кем стал? Мелким шантажистом, готовым ради мести перешагнуть через все свои принципы.

- Это неправда! – вспыхнул Аскалон.

- Неправда? А как называется то, что ты сделал?

- Да, я воспользовался грязным методом, но не ради мести, хотя смерть Олеха я тебе никогда не прощу. Я выполнял приказ Мертвых. Они приказали мне обезвредить тебя.

- Меня? – тут Виринея удивилась по-настоящему.

- Они велели уничтожить Зло, укоренившееся в Городе.

- И ты решил, что это Зло – я?

- Виринея, хватит! – Аскалон начал выходить из себя. – На роль невинной овечки ты не тянешь. Из-за тебя погибло много людей. Ты чуть не стала причиной Апокалипсиса для всего нашего острова.

Она вдруг сделалась серьезной:

- Апокалипсиса? Нам грозит катастрофа?

- Уже нет, к счастью, так как ты не сможешь больше творить зло.

- А что... - ее голос дрогнул, - а что было бы, если бы...

- Остров ушел бы под воду.

- Когда?

- На День Мертвых.

- Боже, осталось три дня! Аскалон, - она впервые назвала его по имени, - а если ты ошибся, и зло не я? Можно это как-нибудь проверить?

- Конечно. Море недавно начало наступать на Город. Теперь оно отступит, и станет ясно, что угроза миновала.

- А если... не отступит?

- Виринея, перестань! Хватит глупых вопросов.

- То есть, если море не отступит, значит, ты ошибся со своими выводами – и зло не я?

- Я не ошибся.

- Ты считаешь, что в нашем Городе нет никого, кто был бы хуже меня?

- Уточним: злее, подлее, нечестнее. Да, я так считаю.

- А если я смогу тебя разубедить?

Аскалон поднялся:

- По-моему, достаточно поговорили. Прощай.

- Дай мне две минуты!

- Ого! Ты меня просишь. Тюрьма явно действует на тебя благотворно. Еще немного, ты и слово «пожалуйста» выучишь.

- Пожалуйста, Аскалон.

Он удивленно посмотрел на нее. Она не шутила. В глазах ее был страх и что-то еще, чего не мог определить Наследник.

Воспользовавшись паузой, Виринея быстро сказала:

- Тебе ведь отец рассказывал о нас?

- Да, я все про тебя знаю. И про то, как ты получила свою половинку монеты, и как сбежала. И во что превратилась.

- А про то, как умер мой брат Добран?

- И это знаю. По официальной версии он умер от сердечного приступа, а на самом деле – покончил с собой.

- На самом деле его убили.

- Убили? Что ты мелешь? Кто?

Виринея сверкнула глазами:

- Ангелар.

- Что? Отец? И ты думаешь, я позволю тебе лить грязь на моего отца? – Такой бессовестной лжи Аскалон не ожидал даже от нее. – Я ухожу.

- Я прошу лишь выслушать.

- Нет.

- Аскалон, ведь ты все равно не успокоишься, пока не узнаешь, что я хотела сказать. Любопытство возьмет верх, и ты придешь. Выслушай сейчас, тем более, что с этой минуты моя жизнь будет висеть на волоске, так как только я владею этой тайной. И другого раза может не быть. Просто выслушай, а выводы будешь делать сам.

Аскалон сделал круг по комнате и сел на стул:

- Учти, я не верю ни единому твоему слову.

Он заглянул ей в лицо, пытаясь найти там насмешку, но Виринея была абсолютно серьезна. Она села напротив.

- Начало этой истории ты знаешь. Два брата, Добран и Ангелар, стали Правителями Города, получили каждый по оберегу – половине монеты, и до определенного момента все шло прекрасно. А я тогда была совсем маленькой, меня не интересовали ни политика, ни власть. Моей любимой игрой были прятки. Дворец был огромен, в нем было невероятное количество всяких укромных местечек, куда могла спрятаться маленькая девочка, и каждый день я находила все новые. Мне доставляло огромное удовольствие наблюдать оттуда за суматохой, которая поднималась всякий раз, когда меня не могли найти. В тот день я спряталась в одной из ванных комнат. Там был чудесный такой шкафчик, в котором хранились разные необходимые для мытья предметы. Я была достаточно мала, чтобы уместиться в нем, устроившись довольно удобно; но вскоре мне пришлось горько пожалеть об этой проказе. В ванную пришел брат Добран. Когда я сообразила, насколько неприлично мое поведение, было уже слишком поздно: вылезти – значило поставить в неловкое положение и его и себя. Я затихла, боясь шевельнуться, а ничего не подозревающий Добран разделся и погрузился в ванну. Время тянулось очень долго. Я не смела и представить, что будет, если меня обнаружат, и мечтала лишь о том, чтобы поскорее выпутаться из этой ужасной истории. Но вдруг скрипнула дверь, и сквозь щель я увидела, как вошел второй мой брат – Ангелар. Он приблизился к ванне, что-то говоря Добрану. Что он говорил, я не

помню, мне это было не интересно. Но я прекрасно все видела: на счастье (или на беду?), щель, в которую я смотрела, позволяла мне наблюдать за всем, что происходило в ванной. Могла ли я предположить, что окажусь единственным свидетелем ужасного злодеяния. Непринужденно что-то говоря, Ангелар приблизился к брату и вдруг выхватил из кармана платок и прижал ему к лицу. Я думаю, платок был пропитан чем-то. Добран дернулся, но быстро затих. Ангелар взял нож, перерезал вены на запястьях брата и, опустив его руки в воду, долго ждал. Я сначала не поняла, что происходит, думала, что Ангелар шутит, но потом увидела, как краснеет вода в ванне, и мне стало страшно. До сих пор не могу понять, как я не закричала, не выскочила. Может, страх сковал меня, а может, инстинкт самосохранения оказался сильнее страха. Я плохо помню, что было дальше. Помню, как наконец ушел Ангелар, как вылезла я из своего убежища, как боясь взглянуть на лежащее в кровавой ванне тело брата, прошла к двери, как бежала по саду, не помня себя. Нашли меня поздно вечером на сеновале, привели во Дворец. Там было как-то необычно: царила странная тихая суэта, все говорили шепотом, кто-то плакал. А утром мне сказали, что брат Добран умер. И тогда я поняла, какую страшную тайну узнала накануне. Но я никому не сказала, что видела – ужас сковал меня, и тогда я, наверное, даже если бы очень захотела, не смогла бы рассказать, что знала. Прошло несколько дней. Брата похоронили. И вот как-то меня вызвали в Совет Старейших. Там был и Ангелар, один вид которого приводил меня в ужас. Мне торжественно объявили, что с этого дня я так же, как и мой брат, буду обладателем половины монеты. Говорили еще что-то, но я почти не слушала – я каждой своей клеточкой ощущала близкое присутствие Ангелара и не могла поднять глаз на него, мне казалось, что стоит мне на него взглянуть, как он поймет, что я знаю его тайну, и убьет меня. Помню только, что перед тем, как надеть мне на шею цепочку с половиной монеты, старейшины устроили испытание ее подлинности: один из старцев повесил оберег на себя, после чего на него выпустили бешеную собаку. Не успела собака вцепиться ему в горло, как из-за его спины выросла огромная змея – и обратила ее в пепел. Ну, да ты видел, как действует оберег – повторяться я не буду. В общем, старейшины убедились, что оберег в порядке, и вручили его мне. Я плохо понимала, что это за вещь и зачем она мне, но Совету Старейших подчинялись все, это я знала. Еще помню тяжелый, недобрый взгляд Ангелара, которым он проводил меня – я все же не удержалась, и взглянула в его сторону. Потом меня увели, и один из Старейших, высокий старик с добрыми глазами (его уже нет в живых), долго и терпеливо объяснял мне, что никогда, ни при каких условиях, ни под угрозой, ни за награду, я не должна снимать с шеи оберег. И этот совет очень скоро пригодился, ибо Ангелар, который раньше не замечал меня, вдруг почувствовал ко мне непреодолимую братскую любовь: он не оставлял меня ни на минуту, ходил за мной по пятам, и что только не сулил за то, чтобы я дала ему «на минуточку» мою половинку монеты.

- А вот это уже совсем глупо! – перебил ее терпеливо слушавший до этого момента Аскалон. – Зачем отцу вторая половинка? Ему вполне было достаточно своей.

- Конечно, ему было достаточно. Ему не нужна была вторая половина монеты, ему было нужно, чтобы у меня ее не было. Для чего он убил брата? Чтоб стать единовластным Правителем. С появлением нового Правителя (то есть меня) его преступление теряло смысл. Но я не сдавалась – я помнила, что мне сказал Старейшина: никому, никогда не отдавать оберег. Тогда от посулов Ангелар перешел к угрозам: он говорил, что Мертвые накажут меня за то, что я не слушаюсь старшего брата, подсылал ко мне ночью каких-то страшных людей, перемазанных сажей, чтоб они пугали меня. Мне не было ни секунды покоя. Кто же это мог бы выдержать! Конечно, если бы я была постарше, я бы сообразила, что все его угрозы не стоят выеденного яйца, так как у меня был оберег. Но я была всего лишь одиноким запуганным ребенком. И я не выдержала! Я сбежала. Теперь-то я понимаю, как это было глупо. Но тогда мне хотелось лишь быть подальше от брата. Так начались мои

скитания: я оказалась в большом городе одна, без дома, без родных, без знакомых, без средств существования. Не знаю, искали ли меня. Может, и не искали – ведь с моим исчезновением Ангелар получал то, чего хотел: он становился единовластным Правителем Города.

- Ужасно трогательная история. Бедная девочка, закинутая злой судьбой на задворки жизни, - сказал Аскалон, видя, что Виринея замолчала. – Только не все люди, попавшие в такие условия, стали бандитами. Ты не думала начать честную жизнь?

- Не забывай, что я была не такая, как все. Оберег сыграл со мной злую шутку. Он мне и помог, и навредил. Помог выжить, не умереть с голоду, не стать жертвой злых людей: маленькую девочку, оставшуюся без защиты, многие хотят обидеть – меня обидеть никто не мог. Кроме того, поняв это, я вскоре научилась пользоваться этим своим преимуществом: я брала в лавках еду, одежду – все, что мне было нужно, и никто не смел мне перечить. Но моя сила стала и моей бедой: после того, как змея обратила в пепел нескольких негодяев, хотевших причинить мне зло, меня стали бояться. Меня дичились, ненавидели. Дети не принимали меня в свои игры. Я всегда была одна. И так было, пока я не выросла и не научилась пользоваться своим положением. Я поняла, что отлично можно жить и без дружбы, без любви, без ласки, без сочувствия. Я увидела, что у меня есть преимущество перед теми, кто жаждал их. И тогда я стала сильной! А сильного человека все уважают. Я стала подбирать себе смелых, физически крепких людей, обещая им защиту и вознаграждение за то, что они будут мне помогать. Сначала мы ограбили небольшой магазинчик на окраине. Получилось очень весело! Дальше – больше. Ко мне потянулся лихой народ. Ну и.... И я стала такой, какая есть.

- Но ты же могла вернуться во Дворец!

Виринея покачала головой:

- Сначала я ужасно боялась. Потом... Да, я думала об этом. Но что бы я там делала? Делить власть с убийцей? Нет, ни за что! Да и к тому времени у меня уже была такая репутация... Короче, назад дороги не было.

- А зачем ты напала на нас там, на острове?

Она не ответила.

- Ведь не корабль же тебе был нужен?

- Нет, - Виринея обожгла его холодным взглядом. – Я хотела убить тебя.

- Хотела отомстить сыну Правителя? Почему же не убила? Понадеялась на островных тварей? А Олех тут при чем?

Виринея молчала, застыв в одной позе. Аскалон прошелся несколько раз по комнате.

- Если ты думаешь, что я поверю такой лживой и подлой твари, как ты, ты ошибаешься. У тебя нет никаких доказательств, только слова! И главное: если мой отец на самом деле негодяй, убивший ради власти родного брата, то почему же он позволил привезти тебя сюда, а не убил на месте, чтоб ты не рассказала все мне?

- Помнишь старую пословицу «Ищи зло там, где власть»? – прошелестела она. – Я рассказала тебе правду. А жива я потому, что Ангелар не знает, что я видела. Если бы он знал это, я бы не прожила и минуты после того, как лишилась берега. А доказательство... Ты же сам мне сказал про море, наступающее на Город. Тебе надо лишь пойти и убедиться, что оно не отступило. Вот и доказательство.

- Оно отступило.

- Ты видел?

- Нет, но я уверен. Я верю отцу, а не тебе.

- Так походи и убедись, - Виринея резко отвернулась.

Но когда он был уже возле двери, она спросила глухо:

- Ты придешь ко мне потом... когда узнаешь?

Аскалон усмехнулся:

- Я никуда не пойду. Мне не нужны доказательства.
- Если море не отступило, значит, я не зло, - продолжала она, не обратив внимания на его слова, - а хуже меня в Городе лишь тот, кто сделал меня такой. Ищи зло там, где власть.

Аскалон вышел.

От Виринеи Аскалон ушел совершенно разбитый. Он долго расхаживал по бесконечным аллеям дворцового парка, пытаясь привести в порядок свои мысли. Нет, поверить бесовской твари, способной на все, было невозможно. Наверняка она затевала какую-то новую игру с очередной грязной целью. Но чего она добивалась? Опорочить отца в его глазах, чтобы напоследок сделать им обоим гадость? Все это было так нелогично. Конечно, она сумасшедшая, но... Но теперь он вдруг понял, что уже не уверен в этом. Тогда, на острове, ее глаза, и правда, горели безумием. Но сейчас... Сейчас перед ним была совсем другая Виринея. В ее глазах он явственно видел глубокую грусть и затаенную боль. Рассказывая свою историю, она была серьезна, и за все время не позволила ни одной выходки. Но ведь она была прекрасная актриса. Ей ничего не стоило сыграть роль незаслуженно обиженной родственницы перед распустившим нюни молодым племянником. Это была очередная хитрость, он не сомневался. Но зачем? Зачем было разыгрывать весь этот спектакль, когда ее слова легко можно было проверить? Конечно, он не собирался идти к морю – он и так знал, что угрозы Городу больше нет... Аскалон остановился. Ему вдруг ужасно захотелось пойти к пристани и убедиться. «Да что ж это? - сказал он себе. – Что за глупое сомнение?» Он продолжил свое хождение по парку, но с каждым шагом он все явственнее понимал, что если собственными глазами не увидит, что море отступило, то будет терзаться сомнениями до самого Дня Мертвых. Это было невыносимо!

«В конце концов, это глупо – столько мучиться из-за небольшой прогулки! – решил наконец Аскалон. – Как я мог раскиснуть из-за такой ерунды?»

И он почти бегом направился к старому причалу.

Как ни убеждал он себя, что точно увидит прежнюю пристань, а все же, чем ближе подходил, тем сильнее дрожали его колени, во рту становилось сухо. «Ну, что ж, наступает момент истины», - бодро сказал он вслух перед последним поворотом. И вышел на побережье.

Он окинул торопливым взглядом знакомый берег и без сил опустился на траву – мостков видно не было. Преодолев внезапную слабость, он заставил себя подняться и подойти к кромке воды. С первого взгляда было ясно, что море продвинулось гораздо дальше вглубь острова, чем в прошлый раз; но все же Аскалон не хотел в это верить: может, мостков просто не было, может, они развалились, а он делает скоропалительные выводы. Он сделал шаг в воду, еще, еще; и скоро его нога ступила на деревянную поверхность. Мостки, несомненно, были здесь, только теперь они не менее, чем на полметра скрылись под водой. Море продолжало наступать. Он ошибся.

Но раз он ошибся, и зло – не Виринея, то значит... Ах, отец, отец! Аскалон не мог поверить! Он вышел из воды, и промокший, в хлопаящих водой ботинках, не замечая этого, побрел вдоль побережья.

Теперь у Аскалона оставалась последняя надежда – что отец ему все сможет объяснить, и что его слова будут убедительней.

Было поздно, и уставший от государственных забот Правитель уже отправился в свою спальню. Одетый в мягкий широкий халат, он сидел в глубоком кресле и, помешивая горячий травяной чай, с удовольствием вдыхал его аромат, когда к нему вошел Наследник.

Увидев отца, Аскалон остановился. Тот был таким родным, близким, домашним в этом халате, с чашкой чая, что Аскалон вдруг устыдился своих подозрений. Отец посмотрел на него вопросительно, без удивления, без раздражения, устало, но с мягким вниманием. Гнев его на сына уже прошел, и он раскаивался в том, что позволил себе так резко с ним обойтись. Поэтому он был еще приветливее, чем обычно, и невольно доставлял этим сыну еще больше мучений.

- Как хорошо, что ты зашел. Хочешь чаю?

Аскалон сел в кресло и взял чашку. Ангелар начал было хлопотать вокруг него, но взглянул ему в лицо и замер.

- Аскалон, у тебя все нормально? На тебе лица нет!

Сын поднял на него глаза, но выговорить то, что собирался, не мог.

- Ты обиделся на мои слова? Не стоит. Я был не в себе и хочу попросить прощения. Я не должен был... Аскалон, с тобой все хорошо?

- Нет, - наконец выдавил из себя Аскалон, - все плохо.

Ангелар подошел к сыну и, положив руку ему на плечо, спросил:

- Что случилось?

- Я был у Виринеи.

- Так, - Ангелар опустил в кресло напротив, не сводя глаз с сына. Сердце его сжалось от нехорошего предчувствия.

- Она мне сказала... Она... Она видела, как ты убил своего брата.

Аскалон ждал новой вспышки гнева, эмоций, крика, но... Но его отец молчал. На его лице не выражалось ничего – казалось, он не понял, что ему сказал сын.

- Ведь это неправда? – тихо добавил Аскалон, хотя сам он уже все понял.

Ангелар провел рукой по лицу, словно стирая с него каменное выражение, и посмотрел на сына.

- Она не может этого знать.

- Она спряталась в каком-то шкафу и видела, - Аскалону вдруг захотелось вскочить, закричать, но он по-прежнему сидел, не двигаясь, лишь рука его непроизвольно сжимала тонкое стекло чашки.

Чашка хрустнула, посыпались осколки, на ковер закапала кровь.

- Аскалон! О Боже, что ты сделал! – Ангелар кинулся за помощью.

К счастью, Аскалон отделался всего несколькими порезами. Их быстро перевязали, и он тут же забыл о них – душевная рана кровоточила гораздо сильнее.

Когда они снова остались одни, Правитель сказал:

- Ну что ж. Ты, конечно, понимаешь, что я предпочел бы, чтобы ты никогда не узнал этой тайны. Не потому, что стыжусь своего поступка или боюсь. Нет. Просто мало кто сможет понять меня, понять, что направляло мою руку в тот момент, о чем я думал. Во имя чего я сделал это. Но ты не обычный человек, не заурядный обыватель. Ты сын Правителя великого Города, будущий Правитель. Ты поймешь. Должен понять. Я очень надеюсь на это. Да, я убил. Убил родного брата. Конечно, это тяжкий грех – и не думай, что я не осознаю этого. Каждую минуту своего существования я помню, что я сделал. Но я также не забываю, кто я такой и ради чего я это сделал. Я взвалил на себя этот тяжкий груз только ради одного: ради спокойствия и процветания своего Города. У меня был выбор: безумный Правитель, сеющий несчастья, или тяжкий грех на моей совести. Я выбрал второе. С тех пор Город, как ты знаешь, процветает; в нем царят мир и покой, мои граждане богаты и счастливы, а чего мне это стоило, им знать не нужно. Я служу своему народу – это главное. И мой народ поймет меня, может, не сейчас – через много лет.

- Народ, может, и понял бы, - подал голос Аскалон, который напряженно слушал, не перебивая, - а вот Мертвые вряд ли.

- Что ты хочешь сказать?

- Отец, я был на побережье – море не отступило. Зло – не Виринея.
- Как не отступило? – Правитель нервно заходил по комнате, но вдруг остановился. – То есть ты хочешь сказать, что зло – я?

Он ждал, что Аскалон станет отрицать это, но тот молчал.

- Не ожидал я от тебя этого, сын, не ожидал. Столько лет мы с тобой понимали друг друга с полуслова, столько лет ты верил мне – вспомни, ты ведь всегда советовался со мной по любому поводу! – и вдруг из-за слов глупой бабёнки, мерзавки, преступницы, на чьей совести не одна жизнь, ты обвиняешь меня – и в чем! В том, что я зло! Я! Правитель Города, создавший его своими руками и живший лишь его заботами много лет. И тебе в голову не пришло, что у этой задачки есть и другое решение?! – Ангелар опустил голову. – Не слишком ли быстро ты предал меня?

Аскалон сидел оглушенный и подавленный. Он чувствовал, что уже не уверен ни в чем. Его сил осталось лишь на то, чтобы спросить:

- Какое решение?

- Что? – поднял голову Ангелар, словно внезапно проснувшись.

- Ты сказал, что у задачки есть другое решение. Какое?

- А такое, - горько сказал его отец, - что если предположить, что я все-таки прав, и Зло все же Виринея, то море не отступило по одной причине: так как она еще жива. Тебе велено было избавить Город от Зла, но ты этого еще не сделал. Ты лишь изолировал ее, а это не означает полное избавление.

- Убить? – прошептал потрясенный Аскалон.

- Нет! Избавить Город от смертельной угрозы. Ты будущий Правитель. Пришло время решать: или ты станешь таким как я, непоколебимым Правителем, не боящимся испачкать руки ради интересов своего Города, или... Или никогда не станешь великим Правителем. У тебя три дня. Решай.

И Правитель жестом показал, что разговор окончен.

Утром Виринея проснулась от того, что ей показалось, будто кто-то ходит по комнатам. Она мгновенно вскочила, быстро оправила платье (она спала, не раздеваясь) и вышла из спальни. Она стояла в просторной комнате и прислушивалась к уже явственно слышавшимся шагам на лестнице.

Дверь открылась и вошел Правитель.

- Ну, здравствуй, сестренка, - обвел он ее холодным взглядом. – Так вот ты какая стала. Сколько же мы не виделись?

Виринея глядела на него исподлобья и молчала. Ангелар обошел ее, рассматривая, и сел на стул. Помолчали.

- М-да, как-то не похожа наша встреча на свидание двух родных людей, - сказал Ангелар. – Ты, я вижу, тоже не испытываешь ко мне теплых родственных чувств, - он задумчиво постукивал ладонью по колену. – Значит, ты все видела. Тогда.

Виринея встрепенулась:

- Ага, он все-таки рассказал тебе. Значит, он мне поверил.

- Да, тебе удалось испортить мои отношения с сыном, если ты этого хотела.

- Море не отступило? – спросила Виринея и, взглянув в лицо брата, улыбнулась. – Я знала.

Ангелар вскочил:

- Я начинаю думать, что цель твоей жизни – портить мне жизнь.

- Ты недалеко от истины.

Правитель рассмеялся.

- После всего, что ты натворила много лет назад, ты снова появляешься, чтобы облить меня грязью перед сыном и нарушить наши планы. Почему ты не отдала ему свою половинку монеты?!

Виринея снова улыбнулась:

- Да, это было хорошо. У меня был удачный день тогда.

- Так вот, - Ангелар подошел к ней вплотную, - это был твой последний удачный день.

- Как мило! Ты мне угрожаешь. Теперь, когда у меня нет оберега и я заперта здесь.

- Да, тебе отсюда не выйти, живой точно, - Правитель обвел взглядом комнату. – Думаю, ты это уже поняла. Наверняка ведь попыталась прогуляться, увидев, что замков нет. Эта тюрьма великолепна. Еще один подарок Мертвых. Никаких запоров, решеток, заграждений. Но тот, кто попытается отсюда выбраться, через три часа умирает в страшных мучениях.

- Как же мне хотелось убить тебя все эти годы!

Ангелар развел руками:

- Увы. Ты лучше других знаешь, что это невозможно. Ну хоть в чем-то наши чувства взаимны, сестренка. Правда, моя мечта скоро осуществится. Конечно, я хотел бы устроить показательный процесс – мой народ давно не видел публичной казни. Но... Море не отступило, так что времени у меня нет.

- Убьешь меня прямо сейчас?

- Руки мараить не хочется.

- Скажите пожалуйста! А я бы не побрезговала.

- Да, я знаю, ты за эти годы научилась убивать.

- Ты зачем приходил? Сообщить лично, что меня скоро убьют? Честь оказал?

- Пожалуй, ты права, - Ангелар кивнул. – Мне пора. А приходил я, чтоб посмотреть на тебя... в последний раз.

И не задерживаясь дольше, он вышел.

После его ухода Виринея опустила на пол. Застыв, словно мертвая, она просидела очень долго, пока не услышала опять шаги. И через несколько минут в открытую дверь быстро и решительно вошел Угрим.

Он теперь жил на территории Дворца, в одном из множества домиков, предназначенных для прислуги, и пользовался полной свободой передвижения. О былых его преступлениях никто и не заикался, и он решил, что искупил их своим предательством. Правда, и приближать его к себе Правитель не спешил: никакой должности ему назначено не было, никаких поручений не давали. Ему не посчитали нужным сообщить об аресте его бывшей любовницы – он сам случайно узнал о том, что она здесь, в дворцовой тюрьме, и не смог удержаться от того, чтобы нанести ей визит. Само здание тюрьмы он нашел довольно быстро – его местоположение не было секретом, и теперь с удивлением рассматривал богатую обстановку этого необычного места заключения.

Увидев на ковре Виринею, он резко остановился, будто наткнувшись на невидимую преграду. Глаза пленницы сузились, она закусила губу, но не поднялась – смотрела на него, чуть приподняв голову, из-за закрывающих лицо каштановых прядей.

- Виринея! – вскрикнул возбужденно Угрим.

Она опустила голову и с презрением отвернулась.

- Нет уж, ты не отворачивайся, - он подскочил к ней и, схватив за волосы, повернул ее лицо к себе. – Я пришел поговорить. И на этот раз говорить буду я. Я слишком долго был твоим бессловесным рабом – пришло время платить по счетам, - единственный глаз его блеснул ненавистью.

- Что ты мне можешь сказать, слизняк? – Виринея морщилась от боли.

- О! Я могу тебе сказать очень много. Я могу сказать, что у меня прекрасная память, и я не забыл ни одной твоей затрешины, ни одного обидного слова, ни одного унижения. И вот этого, - он показал на повязку, закрывавшую слепой глаз, - я тоже не забыл.

Он отпустил ее волосы и встал прямо над ней.

- А, так ты пришел мстить!

- Мстить? – Угрим засмеялся. – Нет! Не-ет. Я выше мести. Да и к чему мстить жалкой униженной женщине, которая потеряла все свое величие, всю свою силу, которая теперь может лишь умолять, а не приказывать, как раньше. Нет, я буду великодушен. Я пришел сказать, что прощаю тебе все зло, Виринея. Все, кроме одного. Твоей измены. Но и за это я тебя не буду наказывать. Ты слабая женщина, ты не виновата. Я сам все улажу. Во-первых, Правитель должен мне награду за... услугу. И я попрошу у него тебя. Мы снова будем жить как прежде. Только теперь я буду главным, а ты, как обычная женщина, будешь меня слушаться и делать все, что я потребую.

- Этого не будет.

- Не смей говорить, пока я не разрешил! – властно крикнул Угрим и ударил ее по лицу. – Я научу тебя разговаривать со мной! Я еще не все сказал. Есть еще во-вторых. Я понимаю, что ты не будешь до конца моей, пока жив тот, из-за кого ты решила бросить меня. Но это я исправлю. Я обещал, что убью его, и теперь время пришло.

Глаза Виринеи сверкнули:

- Ты убьешь Ворона? Да тебе его не одолеть! Ты не решишься даже ударить его!

Угрим с силой оттолкнул ее, ноздри его раздувались. Но он взял себя в руки:

- Посмотрим.

Виринея усмехнулась

- Завтра я приду, - с угрозой пообещал Угрим, - а пока небольшой сюрприз. Я, конечно, все простил, но небольшой должок все же остался за мной. А я не люблю оставаться в долгу.

Из складок одежды он достал кнут. Виринея невольно отодвинулась, но тут же на нее обрушился сильный удар. Она вскрикнула и еле успела закрыться руками.

Угрим бил хладнокровно, тщательно выбирая место, куда ударить. Иногда он целил по лицу, но чаще попадал по спине и рукам, так как Виринея вся сжалась на полу, закрывая голову. С каждым ударом она заметно слабела, руки ее опускались. Наконец она уронила голову на ковер – сознание оставило ее.

Угрим с довольным видом окинул взглядом дело своих рук, потом швырнул на распростертое тело кнут и ушел, не оглядываясь.

Аскалону предстоял нелегкий выбор. На следующий день после разговора с отцом он проснулся рано, и выйдя в парк, принялся снова расхаживать туда-сюда по его бесконечным аллеям. Времени оставалось все меньше, надо было срочно принять решение, а он не мог. Конечно, логичнее всего было согласиться с отцом, поверить, что Зло не он (а как же ему хотелось этого, какое облегчение испытал бы он, узнай, что это на самом деле так!). Но в этом случае надо было поскорее лишить Виринею жизни. Это было бы, в общем-то, несложно (хотя теперь почему-то он не ощущал желания убить ее) – главная проблема была в том, что он не был уверен в правильности этого. Что если после ее смерти море не отступит? Поверить Виринею и пойти против отца? Это было бы еще хуже. Да и что он мог сделать против неуязвимого Правителя? Только просить его отказаться от власти, надеясь на его благоразумие. А если он откажется?

Вопросов было слишком много, и все они требовали немедленного ответа. Аскалон бродил и бродил по парку, не замечая ничего вокруг и опомнился лишь тогда, когда начало смеркаться. Он огляделся. Невдалеке прямо перед ним среди густой листвы виднелось

небольшое здание дворцовой тюрьмы. Аскалон постоял немного в задумчивости и вошел внутрь.

Виринея сидела на диване, поджав под себя ноги и плотно закутавшись в свою огромную шаль. Увидев его, она не поменяла позы, лишь едва заметно тряхнула головой, отчего распущенные волосы упали ей на лицо.

Аскалон нерешительно потоптался возле двери – он и сам не знал, зачем пришел.

- Море не отступило, - сказал он. – Ты была права.

Она не ответила и не выказала никаких чувств.

- И... и я поговорил с отцом. Он признался в убийстве.

Она кивнула:

- Я знаю. Он был здесь.

- Он был здесь? Когда?

- Утром.

- И что он сказал?

- Сказал, что меня скоро убьют.

- Да, это так, - Аскалон опустил глаза. – Он считает, что море не отступило, потому что ты жива.

Виринея подняла голову:

- Что?

Аскалон вздохнул. Он не знал, что сказать ей.

- Понимаешь, отец, - он поглядел на нее и вдруг воскликнул. - Постой! Что у тебя с лицом?

Аскалон откинул с ее лица волосы и увидел яркий рубец, пересекавший лоб и щеку. Виринея хотела закрыться, но уронила шаль, невольно выставив напоказ свои исполосованные кнутом руки.

- Что это? – глухо спросил Аскалон. – Это он?

- Нет.

Аскалон глубоко вздохнул и повернулся к выходу, но Виринея остановила его:

- Нет, Аскалон, это... это Угрим.

- Что?! Да кто он такой? Кто ему позволил?

Виринея снова закуталась в шаль.

- Как это гадко, - сказал Аскалон. – Я найду его.

- Бог с ним. Сейчас разговор не о нем. Лучше скажи: ты тоже думаешь, что Зло – это я?

Аскалон не ответил.

- А ведь моя смерть, и правда, все решит, - продолжала Виринея. Если я умру, а море не отступит – это будет означать, что Мертвые имели в виду Ангелара. И ты перестанешь мучиться сомнениями. Ну, а если Зло – это я, то моя смерть спасет от катастрофы весь наш Город. Правитель по-своему прав, что хочет убить меня. Ты пришел, чтобы сказать, что я должна умереть?

- Нет.

- А зачем?

- Знаешь, я, пожалуй, пойду, - сказал Аскалон, не найдя, что ответить.

Когда он был уже возле двери, Виринея окликнула его:

- Аскалон! – ее голос дрогнул. – Ты знаешь что-нибудь о Вороне?

Он пожал плечами:

- Я не видел его... с того дня.

- Если увидишь, скажи ему... Или не надо.

Она опустила глаза и больше не шевелилась.

Так она просидела еще долго после ухода Аскалона. Потом тяжело поднялась, медленно уложила волосы и стала спускаться по лестнице.

Возле входной двери она простояла несколько минут, потом вздохнула – и открыла ее. Уже совсем стемнело. Вириная постояла, подставив лицо ночной прохладе, потом сделала шаг – и быстро пошла по дорожке. Она шла все быстрее и быстрее, стараясь не обращать внимания на нарастающую головную боль. Ее целью был лес, граничащий с Дворцом с южной стороны.

Когда она покинула территорию Дворца, на небе уже выступила луна – и в ее свете Вириная различила далекую полоску заветного леса. Боль уже разрывала ее на части, но она упорно продолжала идти, не позволяя себе остановиться ни на минуту. На расстояние до леса ушло не меньше часа – и все же она его достигла. Когда над головой она услышала шорох листьев, ей было уже совсем плохо. Она еле передвигалась, хватаясь за деревья и поминутно падая – перед глазами ее была пелена, и шла она больше по инерции, ничего уже не соображая, чувствуя одну лишь боль.

Так она добрела до крошечного лесного озера, почти сплошь заросшего травой. Последний сохранившийся в ней инстинкт направил ее к воде, она не увидела, а лишь слегка ощутила озерную свежесть, но подойти к берегу сил у нее уже не хватило – она сделала несколько неверных шагов, потом подняла лицо к небу, словно прощаясь с ним, и навзничь рухнула в траву.

Угрим, конечно, не был приятным человеком; не вызывал он ни сочувствия, ни симпатии, но такой нелепой смерти не заслужил даже он. Может быть, все случилось от того, что он переоценил свои силы, замахнулся слишком высоко, а может, виной была просто глупость и излишняя самонадеянность, но как бы то ни было, конец его был нелеп до смешного. Дело в том, что, прожив несколько дней на территории Дворца, он остался изгоем, которого сторонились даже слуги: то ли из-за неопределенного положения, то ли из-за той роли, которую он сыграл в ставшей известной истории – предателей не любят, каким бы высоким целям они не служили. Он ни с кем не общался и до последнего был уверен, что раз Вириная в тюрьме, то ее половина монеты у Правителя или у Наследника. Надо полагать, что он очень удивился в последнюю минуту своей жизни!

Как ему удалось отыскать Ворона, никто так и не узнал, да и никому это не было интересно. Однако, удалось ему это сделать, на свою беду, очень быстро – буквально на следующий день после памятного посещения Виринаи. Вероятно, за мгновение до смерти он догадался, почему она, как ему показалось (и правильно показалось!), обрадовалась, когда он пообещал убить Ворона, вместо того, чтобы испугаться (его это должно было насторожить!) – говорят, что в последние мгновения жизни люди успевают подумать о многом. Но как бы там ни было, а кончил свою жизнь он совершенно бессмысленно – он успел только замахнуться ножом, не успел даже сказать всех тех пафосных слов, которые заготовил, чтобы унижить противника.

К чести Ворона надо сказать, что Угрим напал на него весьма вероломно, сзади, и Ворон, даже если бы захотел уберечь его, ничего не смог бы сделать.

Ну, что ж тут сказать! От судьбы не уйдешь. И Угрим все же, наверное, заслужил такую кончину. По крайней мере, ему уже не страшен надвигающийся на остров Апокалипсис.

Утром Аскалон встал разбитый, словно на нем возили воду. Завтра День Мертвых. Остался один день. На раздумья времени больше не было, а решиться ни на что он не мог. Его тяжелые мысли прервал стук в дверь. Вошел слуга:

- Простите, господин Наследник, что побеспокоил, но вы просили немедленно сообщить, если что-нибудь случится с пленницей.

Аскалон вскочил:

- Что?

- Она... Ее нет.

- Как нет?

- Она ушла.

- Ушла? То есть как ушла?

- Кухарка видела, как она шла по парку. А сейчас я принес ей завтрак, а ее нет.

- Почему же сразу не сообщили?

- Простите, но кухарка подслеповата. Подумала, что обозналась. Темно было. А сейчас, когда ей сказали, сообразила.

- Темно? Так это было ночью?

- Да, ночью. Точнее, поздно вечером. Около девяти или десяти, по словам кухарки.

Аскалон взглянул на часы:

- Значит, прошло не меньше девяти часов, - он схватился за голову. – Отцу сообщили?

- Да, конечно.

- Хорошо, иди.

Аскалон остался стоять посреди комнаты, вцепившись в волосы, и пытался сообразить, что произошло. Постепенно мысли его прояснились.

«Девять часов. Отец говорил, что для человека, покинувшего самовольно дворцовую тюрьму, смерть наступает самое позднее через три часа. Виринея не вернулась. Значит...» Аскалон вдруг почувствовал слабость. «Она помогла мне. Теперь мне надо поскорее идти на пристань». И не теряя ни минуты, он отправился к старому причалу.

Правитель сидел у себя в кабинете, погруженный в раздумья, когда вошел его сын. Аскалон был бледен, но глаза его блестели.

- Отец, ты знаешь?

- Про Виринею? Да. Что ж, она избавила нас от тяжелой обязанности. Хоть один поступок в ее беспутной и никчемной жизни оказался благородным.

- Отец, она пожертвовала жизнью ради спасения Города, а ты так говоришь о ней!

- Не надо таких пафосных слов, прошу тебя! На ее совести слишком много грехов, и смерть ее их не искупила.

- Сначала ты убил своего брата, а теперь и сестру.

- Аскалон, что ты говоришь! – возвысил голос Правитель.

- Да, это так, - продолжал Аскалон. – Я тоже виноват в ее смерти. Но самое ужасное, что она погибла напрасно.

- Что это значит?

- Это значит, что море продолжает наступать. Виринея не тот человек, которого имели в виду Мертвые.

- Так ты хочешь сказать... - Правитель поднялся.

- Отец, откажись от власти! Остался один день. Завтра весь Город уйдет под воду, и спасти его можешь лишь ты.

- Да как ты смеешь! – загремел Правитель. – Как ты смеешь предлагать мне такое!

- Отец, выслушай, умоляю. Сейчас самое главное – спасти Город. Ты должен это сделать. Я знаю, как важно для тебя то, что ты достиг. Но сейчас не время для амбиций. Виринея пожертвовала жизнью ради Города, пожертвуй и ты. Не жизнью – только властью.

- Ты мой сын и ты мне такое говоришь! – Ангелар был вне себя. – Сделать то, что ты просишь, значит признать, что я Зло! Ты это понимаешь? Уходи, Аскалон, иначе я за себя не ручаюсь.

- Отец!

- Уходи! – Правитель тяжело дышал, он пытался взять себя в руки и не мог. – Уходи!!

Ничего не видя, натыкаясь, как слепой, на попадающиеся на пути предметы, Аскалон побрел к выходу. «Конец, конец, конец», - стучало у него в голове.

Прошло три дня с тех пор, как Виринея стала пленницей, а Ворону так и не удалось узнать хоть что-нибудь о ее судьбе. За это время он прошел вдоль всю невидимую стену, защищавшую Дворец, пытаясь найти какую-нибудь лазейку, но тщетно. Он пытался наладить контакт с кем-нибудь из дворцовой прислуги, но те, с кем ему удалось поговорить, ничего не знали, а найти кого-либо, владеющего информацией, оказалось ему не под силу.

Много времени он проводил у Ивы, и она старалась поддержать его как могла, видя его мучения, но, к сожалению, кроме дружеских слов утешения, она ничем не могла ему помочь.

Когда становилось особенно тяжело, Ворон прислушивался к своему сердцу. Ива убедила его, что два любящих сердца всегда чувствуют друг друга, и если бы с Виринеей случилось что-то плохое, он бы ощутил это. Но ничего особенного он не чувствовал, и это несколько успокаивало его.

На третий день с утра Ворон отправился, как всегда, к Иве. Теперь он спокойно ходил по улицам Города в любое время суток. Он медленно, опираясь на палку, шел знакомой дорогой, рассеянно водя взглядом по витринам магазинов, как вдруг его внимание привлекло нечто странное. Сначала он даже не понял, отчего вдруг остановился. Бывает так: чувствуешь, что что-то не так, а сразу не сообразишь. Ворон обернулся, пытаясь найти предмет, привлекший его внимание; поискал глазами по витринам, по фигурам прохожих, потом посмотрел вниз – и чуть не вскрикнул от удивления: шныряя между ногами людей, к нему по тротуару бежал Хвост собственной персоной. Ворон сначала не поверил своим глазам – мало ли похожих зверьков! - но когда тот приблизился, он разглядел обрубочек хвоста. Но главное, зверек принялся умильно тереться о его ноги, признав в нем знакомого. Ворон остолбенело торчал посреди дороги, не зная, что и думать – и это продолжалось бы наверное долго, но тут из двери кондитерской лавки вышел высокий квадратный мужчина с морщинистым лицом и торчащими в разные стороны волосами и позвал: «Хвост!»

Хвост среагировал на этот призыв довольно странно: он подпрыгнул и, вцепившись Ворону в штанину, ловко вскарабкался к нему на плечо.

- Ай, Хвост, когти! – невольно вскрикнул тот.

Квадратный мужчина поймал их взглядом, и на лице его выразилось удивление. Ворон приблизился. Хвост невозмутимо возвышался на его плече с таким видом, будто собрался провести там остаток жизни.

- Простите, это ваш зверь? – спросил Ворон, не зная, с чего начать.

Мужчина кашлянул и кивнул – с лица его не сходило выражение удивления.

- И давно он у вас?

Мужчина задумался:

- С неделю, или чуть больше. Я вижу, он вас знает.

- Откуда он у вас?

- Мне его оставила знакомая.

- Виринея? – вырвалось у Ворона.

Мужчина раскрыл глаза:

- Вы ее знаете?

Ворон кивнул.

Квадратный мужчина добродушно улыбнулся:

- Смотрите, кажется, он по вам соскучился.

Хвост, и правда, терся спинкой об ухо Ворона.

- Она принесла его вечером, - доверительно, как старому знакомому, сказал мужчина. – Подержи, говорит, его у себя, а то со мной ему стало опасно. Его, говорит, недавно горящим бревном придавило. Чудом выжил. А лапу заднюю до сих пор носит, не наступает.

- Э, друг, - засмеялся Ворон и почесал Хвосту шейку, - так мы с тобой оба теперь хромые.

Мужчина тоже улыбнулся:

- Я-то Виринею давно знаю. Она уже не первый год у меня отоваривается. Почему бы не оказать услугу? Не слон ведь, - и мужчина засмеялся, - места много не надо. И не объест. Да он и не ел почти. Скучал очень, все на улицу смотрел. Сядет на окно – и смотрит. Я боялся, сбежит.

- Можно, я его заберу? – спросил Ворон.

- Можно, что ж. Если Виринея не будет против.

- Она не будет против, - ответил Ворон и погрустнел.

К Иве они пришли уже вдвоем. Вернее, Ворон пришел, а Хвост приехал – он так и не слезал с его плеча.

- Батюшки, да это же Хвост! – всплеснула руками Ива. – Где ты его нашел?

- Все плечо мне исцарапал. А ну-ка, слезай, - и Ворон ссадил своего пассажира на пол. – Кажется, он голодный.

Хвост не стал стесняться. Напротив, он набросился на еду так, будто его не кормили, по крайней мере, месяц.

- Где ты его нашел? – снова спросила Ива.

Ворон рассказал.

- Ива! – с горечью закончил он свой рассказ. – Ведь она сказала мне, что убила его. А я и поверил!

- Ворон, хватит уже заниматься самобичеванием. Ты ни в чем не виноват! – и она подлила в миску молока.

Хвост благодарно зачавкал.

- Его что, вообще никогда не кормили? – посмотрела на Ворона Ива.

Они оба присели на корточки и, улыбаясь, смотрели, как зверек уничтожает вторую порцию. Наконец, облизываясь и слегка пошатываясь, он отошел от миски и поковылял на трех лапах в угол комнаты.

Ива хотела что-то сказать, но тут раздался стук в дверь. Ворон посмотрел вопросительно. Ива пожала плечами и с тем же недоумением на лице пошла открывать, но Ворон опередил ее.

- Просто дежа вю какое-то, - сказал он. – Сейчас открою дверь, а там...

Он распахнул дверь. На пороге стоял Аскалон.

Ворон изменился в лице и дернулся вперед, но Ива схватила его за руку:

- Стой! Ворон, стой!

- Здравссьте! – сказал Аскалон, и Ива с Вороном замерли, ошарашенные таким приветствием.

Наследник сделал шаг вперед, но, зацепившись за порог, чуть не упал – Ива успела его подхватить.

- Ой, мамочки! – сказала она, когда тот восстановил равновесие. Правда, для этого ему пришлось придержаться за стену.

- Да, - кивнул Аскалон, подтверждая ее догадку, - я немного того...
И он покрутил рукой перед своим носом.
- Ничего себе явление, - резюмировал Ворон. Он выглянул за дверь, но там больше никого не было.
Ива бросила на него растерянный взгляд.
Тем временем Аскалон, держась за стену, продвинулся в комнату, где хотел сесть на диван, но, промахнувшись, обрушился на пол.
Ворон возвел глаза к потолку и с обреченным видом направился выручать Наследника, который барахтался, запутавшись в собственных ногах. Когда он водрузил Аскалона на диван, тот взял его за полу рубашки и, притянув к себе, проникновенно сказал:
- Мы все завтра умрем. А виноват я.
- Конечно, - легко согласился Ворон, вытаскивая из его цепких пальцев свою рубашку. – Где это тебя так угораздило?
- Эт-та не важно, - махнул рукой удивительный гость. – Важно, что больше никто... Ой, - он схватился за горло. – Что-то мне...
Подошедшая Ива испуганно поглядела на Ворона.
- Где у тебя ванная? – спросил Ворон.
- Там. Я провожу.
- Нет уж, мы вдвоем. А ты пока вскипяти чаю.
Ворон подхватил подмышки булькающего Наследника и поволок его в ванную. Их не было очень долго, и Ива, хлопотавшая с чаем, боялась даже прислушиваться к тому, что там творилось. Наконец Ворон крикнул:
- Ива, у тебя есть чистая рубашка?
И она побежала в отцовскую комнату.
Через десять минут Аскалон, переодетый в широкую рубашку Бажана, сидел за столом в гостиной. Взгляд у него был уже вполне осмысленный. Ива поставила перед ним чашку крепкого чая.
- Ива, простите, мне так неловко, - Аскалон не решался поднять на нее глаза. – Даже не знаю, почему я пришел сюда. Я, наверное, лучше пойду, - и он сделал попытку встать.
- Сядь, - сказал Ворон, и дернув Наследника за рукав, усадил обратно. – Я тебя так просто не выпущу. Сначала скажи мне, где она.
Несмотря на свое состояние, Аскалон сразу понял, о ком идет речь. Он опустил глаза.
- Ее... ее нет.
- Что ты там бубнишь? – нетерпеливо толкнул его Ворон. – Что значит «нет»?
Аскалон еще ниже опустил голову и не ответил.
- Ну, говори же! – крикнул на него Ворон.
Аскалон набрал в грудь воздуха и, стараясь не глядеть на Ворона, быстро выложил все. Несколько минут стояла тишина. Потом Аскалон медленно поднял глаза. Ворон был бледен, но казался спокойным.
- Значит, ты не видел ее мертвой? – спросил он.
- Нет, но...
- Ворон, - Ива положила ему руку на плечо. Он ее сбросил и вскочил.
- Я не верю. Это бред какой-то! Чуть! Ушла – и все? Такого не бывает, - он посмотрел на Иву. – Ты же сама говорила – помнишь? – что если любишь, то обязательно почувствуешь, когда с другим случилась беда? Я ничего не чувствую!
Ива отвернулась и закрыла лицо руками.
- Наверняка вы что-нибудь перепутали, - Ворон повернулся к Аскалону. – Вам так хотелось, чтобы она умерла. Конечно, власть удобнее делить на двоих.
- Ворон, перестань! – бросилась к нему Ива. – Он не виноват.
- Не виноват?

- Какая разница, - громко перебил их Аскалон, - какая разница, кто виноват, кто нет, если завтра мы все умрем.

- Что? – Ива посмотрела на него испуганно.

- Да, да, все! И богатые, и бедные, и старики, и дети. И собаки, и птицы. Города не будет. Острова не будет. Будет одно море! – и поймав их недоумевающие взгляды, он добавил. – Не бойтесь, это не пьяный бред. Хотя сколько бы я отдал, чтобы это было так. Это все правда. И ничего нельзя сделать.

Ворон снова сел:

- Рассказывай.

И Аскалон рассказал все. Терять уже было нечего. Держать в тайне предстоящую катастрофу не было никакого смысла. Он начал с предсказания Мертвых, описал все, что пытался сделать, передал свои разговоры с отцом, не забыл и о клефтах. В конце он прибавил:

- Когда я в последний раз был у старого причала, он целиком был под водой, вместе со старыми постройками и пляжем. Осталось меньше суток. Правитель неуязвим – сместить мы его не сможем, а добровольно он от власти не откажется. Уж я его слово знаю: раз сказал, то так и будет. Времени совсем не осталось. Теперь мы не успеем даже вывезти жителей.

К нему подошла Ива.

- Извините меня, - сказала она. Ее глаза были устремлены на него.

- За что? – опешил Аскалон.

- Я должна была доверять вам. А я подумала, что вы просто мстите. Вы не могли мне сказать всей правды, а я решила, что вы...

- Это понятно, - перебил ее Ворон. – Но что сейчас-то делать?

- Я все перепробовал. Я не знаю, - ответил Аскалон. – Да и времени не осталось.

- Еще целая ночь впереди. Я не привык так просто сдаваться, - Ворон встал и стал ходить по комнате. – Значит, все дело в Правителе. Договориться с ним не удастся, значит, надо его нейтрализовать. Так?

Аскалон вяло кивнул.

- То есть надо придумать, как это сделать. Вот и все, - закончил Ворон.

- Как просто, - сказал Аскалон, - учитывая, что у него оберег и его нельзя даже пальцем тронуть.

- Но ведь был пример, когда вам удалось схватить кое-кого, у кого был оберег, - Ворон выразительно посмотрел на Аскалона.

Аскалон еще больше помрачнел.

- Что ты придумал? – спросила Ива.

- Устроить повторный спектакль, премьеры которого прошла с таким успехом. Правда, с другими актерами. Предположим, я захвачу в заложники любимого сыночка Правителя и ценой его жизни выкуплю оберег? Я бандит, беглый каторжник, мне поверят. Приставлю нож к горлу Наследника. Папаша все сделает.

Ива посмотрела на Аскалона.

- Нет, - сказал он, помолчав, - я больше в такие игры не играю.

- Скажите, какое благородство! – взвился Ворон. – А три дня назад тебя что-то не очень беспокоила моральная сторона вопроса.

- Нет, - твердо повторил Аскалон. – Больше ни за что. Да и потом, - он помолчал, - я не уверен, что для отца моя жизнь дороже власти. Уже не уверен, – эти слова дались ему с трудом.

Ива увидела это и остановила пытавшегося что-то сказать Ворона.

- Ворон, он прав. Остынь. Мы не будем этого делать.

- Конечно! Мы, все такие благородные, пойдем на дно. Вместе с Городом.

Аскалон схватился за голову и застонал.

- Скажите пожалуйста, как трогательно, - сверкнул на него глазами Ворон. – Тебе в этой позе памятник и поставят. Прямо там, на дне.

- Ворон, - укоризненно посмотрела на него Ива.

- Нет, он прав, - поднял голову Аскалон, - не время нюни распускать. И я тем более не имею на это право. Надо думать. Может, еще не все потеряно. Давайте подумаем, что у нас есть.

- У нас есть это, - Ворон постучал себя по голове, - есть это, - показал сжатые кулаки. – и еще вот это, - с этими словами он достал из-под ворота половинку монеты.

Аскалон, как завороченный, глядел на оберег.

- Да, - сказала Ива, - но как он нам сможет помочь?

- Ну, - сказал Ворон, подумав, - все же неуязвимость – не фунт изюму. У нас тоже есть определенные преимущества.

Ива посмотрела на него вопросительно, но он только пожал плечами.

- Кажется, у меня есть идея, - неуверенно сказал Аскалон.

Ива с Вороном быстро повернулись к нему.

- Но... но мне нужен оберег.

Ворон усмехнулся:

- Вот как?

Но Ива перебила его:

- Какая идея?

Аскалон напряженно думал. Потом произнес:

- Наверное, это единственная возможность. Да, пожалуй, - он словно уговаривал сам себя. – Я подумал: а что будет, если два хозяина оберега нападут друг на друга. Такого никогда не было, но если представить...

- Постой, постой, - вмешался Ворон. – Предположим, у тебя оберег и у меня оберег. Ты нападаешь на меня – моя змея убивает тебя.

- А моя змея расценивает это как нападение на хозяина и убивает тебя, - продолжил Аскалон.

- То есть ты хочешь взять оберег и напасть на Правителя? – Ива широко раскрыла глаза. – Но ведь ты тогда...

- Это единственный выход, Ива. Иначе погибнем мы все, - в голосе Аскалона появилась решительность.

- А почему, собственно, ты? – спросил Ворон. – Оберег у меня, и я с этим прекрасно справлюсь. Тем более, - он сделался серьезен, - что и жить мне теперь незачем.

- Ты не сможешь попасть во Дворец, - ответил Аскалон, голос его дрогнул. – Ворон, это должен сделать я. Понимаешь, именно я.

- А где гарантия, что ты не обманешь? Кто поручится, что ты действительно хочешь убить Правителя? Он же твой отец.

- Ворон, он не обманет, - тихо сказала Ива.

- Как ты можешь быть в этом уверена? Ива, он хотел меня убить! А кто подтвердит, что все, что он нам тут наплел, правда? Может, это все они с Правителем придумали, чтоб заполучить второй оберег? Они же так хотели этого. И не брезговали – вспомни! – никакими методами. И вдруг – такое благородство! Так и рвется пожертвовать жизнью ради любимого Города. Даже собственного папашу готов угрехать. Я не верю ему, Ива!

- А я верю, - сказала Ива тихо.

Некоторое время все молчали.

- Это должен сделать Наследник, - тихо, но твердо сказала Ива. – Ворон, отдай оберег. Пожалуйста.

Ворон пристально смотрел на Аскалона и не отвечал. Потом снял с шеи полмонетки и протянул ему. Аскалон бережно взял оберег и осторожно, словно боясь разбить, надел на себя. Потом подошел к Иве. Она плакала.

- Прости меня, - он обнял ее за плечи. – Город должен жить.

Они втроем еще долго обсуждали детали плана, боясь что-то упустить – шанса исправить промахи у них уже не будет.

Когда они закончили все приготовления, уже рассвело.

- Пора, - поднялся Аскалон.

Ива вздрогнула:

- Как пора? Еще очень рано.

- Не стоит затягивать. День наступил. Я пойду.

- погоди, - Ива приложила руку ко лбу. – Что-то я хотела сказать...

Аскалон шагнул к двери.

- Прощайте.

- Аскалон! – Ива никак не могла поверить, что он уходит.

Ворон подошел к ней и взял за плечи.

- Ну, все, - боясь затянуть прощание, Аскалон отворил дверь. На пороге он на минуту задержался, хотел что-то сказать, но лишь махнул рукой и быстро вышел.

Ива сделала несколько шагов к двери и застыла, не дойдя до нее. Ворон приблизился к ней, но не успел произнести ни слова, как что-то мягкое толкнуло его в ногу.

- Хвост! – крикнула Ива, но зверек, не обращая на них внимания, подбежал к двери и, ловко протиснувшись в щелку, выскочил на улицу.

- Что это с ним? – изумленно посмотрела на Ворона Ива.

Они выскочили на крыльцо – Хвост во все лопатки улепетывал вниз по улице.

- Я догоню! – Ворон устремился вслед за ним, оставив растерянную Иву возле дома.

Но куда Ворону со своей палкой было угнаться за несущимся не чуя лап животным! Расстояние между ними все увеличивалось, полосатая спинка все реже мелькала вдали, и Ворон наверняка потерял бы его из виду, если бы тот продолжал бежать по извилистым улицам. Но Хвост стремился за город и вскоре выбежал на пустырь, отделявший окраинные огороды от дальнего леса.

- Хвост! – что было мочи крикнул Ворон.

Тот остановился, оглянулся и припустил к лесу. Проклиная все на свете, Ворон, измученный долгой погоней, поковылял за ним. Но в лесу он, конечно, потерял его окончательно. Где же было среди густой травы, кустарников и деревьев найти маленького зверька! Ворон остановился и, оглядываясь, растирал больную ногу, понимая, что зря проделал весь путь, как вдруг перед ним, как из-под земли, появился Хвост.

Зверек сделал круг, не давая себя ухватить, и снова устремился в лес. Он словно звал за собой. И беспокойство животного передалось человеку. Ворон враз забыл про свою ногу и, уже не сомневаясь, пошел за Хвостом. А тот семенил впереди, изредка останавливаясь, когда Ворон, замешкавшись, отставал – и на мохнатой мордочке явственно читалась досада: «Ну, скорей же».

Так они пришли к маленькому лесному озеру, спрятавшемуся среди высоких деревьев. Тут Хвост совсем разнервничался, стал подпрыгивать и тявкать. Ворон остановился – сердце выпрыгивало у него из груди, но не от быстрого бега, а от волнения. Он огляделся и тут же увидел ЕЕ. Она лежала, раскинув руки, всего в нескольких шагах от озера, и длинные каштановые волосы ее рассыпались по траве. Ворон медленно приблизился и опустился возле нее на колени, неуклюже отставляя больную ногу.

Виринея лежала, как живая. Ветер тронул ее локоны на лбу, и показалось, будто веки ее шевельнулись. Ворон осторожно коснулся рукой ее щеки – она вздрогнула и открыла глаза. Он испуганно отпрянул.

- Ворон? – глухо спросила она и попыталась подняться, но тут же с диким визгом откуда-то сверху на нее свалился очумевший от восторга Хвост и принялся лизать ее лицо.

- Хвост? – еще больше удивилась Виринея, отбиваясь от его ласк.

Она села, оглядываясь с таким видом, будто никак не могла понять, на каком она свете – на том или на этом. Но восторженный визг зверька все же, видно, убедил ее, что она жива.

- Хвост, отстань, - сказала она. – Я уже все мокрая.

- Виринея! – подал тут голос и Ворон, не веривший своим глазам. Он схватил ее за руку, словно боялся, что она вот-вот растает. – Виринея, я думал, что ты умерла.

- Да я и сама... - она покрутила головой, сжала и разжала руки, свела-развела плечи – не болит. – В чем дело? Я же должна была умереть. Мне сказали, что...

Но Ворон ее перебил.

- Виринея, - он схватил ее за плечи, - я должен сказать. Сначала скажу, а потом делай и говори, что хочешь, - и торопясь, словно ему не хватало времени, он продолжил. – Виринея, я люблю тебя. Я тебе этого раньше не говорил, но я пришел в банду только потому, что хотел быть рядом с тобой. Мне все равно, что ты подумаешь и скажешь, главное, чтобы ты знала. Вот, - и он вздохнул.

Виринея выслушала с таким видом, будто не понимала ни слова, а когда он замолчал, еще смотрела на него, словно ожидая продолжения. Потом подняла руку и поводила ей перед глазами, как делают люди, которые хотят отогнать наваждение.

- Нет, - тихо сказала она.

- Я люблю тебя, - повторил Ворон. – И больше никогда тебя не оставлю. Делай со мной, что хочешь.

Она слушала, опустив голову, и тихие слезы потекли по ее щекам. Ворон погладил ее растрепанные волосы, и от этого прикосновения она вдруг заплакала навзрыд, словно ее прорвало. Она прижал ее к себе, а она обхватила его руками и плакала, плакала.

Наконец она затихла.

- Ворон, - шепнула она, - я тебе тоже скажу. Я ведь тоже тебя. Люблю. С самого первого дня. Только я такая дрянь.

– Да уж, - засмеялся он.

Впервые в жизни ему было легко и спокойно.

Она тоже засмеялась, звонко, как никогда не смеялась.

- Ворон, - сказала она, - если бы не ты, я была бы сейчас независима и свободна. И неуязвима.

- А если бы не ты, я бы не стал калекой.

- Выходит, ты испортил жизнь мне, а я тебе, - она поднялась, оправляя платье.

Он тоже поднялся, нащупал в траве свою палку:

- Я же и говорю: мы идеальная пара.

Виринея огляделась:

- Утро. Сколько же я пролежала?

- Похоже, не меньше суток.

- Так значит сегодня... Уже День Мертвых?

- Да. Ты знаешь про проклятие?

- Аскалон рассказал мне. То есть, мы что, сегодня должны умереть? Или я что-то пропустила? Как-то не хочется умирать второй раз за день.

Ворон обнял ее за талию:

- Пойдем отсюда. А по дороге я тебе все расскажу, а ты мне. У нас есть о чем поговорить.

Они медленно направились к выходу из леса. За ними, не отставая ни на шаг, следовал Хвост.

Аскалон добрался до Дворца, когда уже совсем рассвело. Сначала он зашел в свою комнату, переоделся. Хотел разобраться в вещах – он понимал, что в свои последние часы жизни должен был что-то уладить, отдать какие-то распоряжения. Составить завещание, в конце концов. Но все валилось у него из рук. Никаких распоряжений в голову не приходило, а завещание... Что и кому ему завещать? Никаких родственников кроме отца у него не было, а во Дворце после их смерти будут жить чужие люди, они наверняка все переделают по-своему.

Аскалон посмотрел на часы. Прошло уже два часа, как он пришел во Дворец – он почти физически ощущал, как уходит время, но никак не мог заставить себя покинуть комнату.

«Уж не боюсь ли я?» - подумал он, и эта мысль придала ему сил. Он встал и решительно направился к отцу.

Правитель был у себя в кабинете за столом. Он встретил сына холодно.

- У тебя есть что нового сообщить мне? – сказал он официальным тоном, не отрываясь от своих бумаг.

- Я хочу просить тебя отказаться от власти. Прямо сейчас.

- Это я уже слышал, - Ангелар взглянул на сына без интереса. – Что-то еще?

- Да, - Аскалон сделал несколько шагов к отцу.

Тот терпеливо ждал.

- Я хочу тебе показать кое-что, - Аскалон расстегнул ворот и достал оберег.

Глаза Правителя расширились и загорелись алчным огнем.

- Это он? Ты все-таки нашел его?

- Да. Как видишь, он не попал в плохие руки и вернулся к нам.

- И ты... и ты приходишь просить меня отказаться от власти, когда у нас теперь есть оберег! Аскалон, да ведь теперь...

- Отец, - Аскалон почувствовал, что решительность его тает с каждой минутой, - у нас нет времени на разговоры. Ты откажешься от власти?

- Аскалон, опомнись!

- Значит, нет?

- Аскалон!

- Тогда прости. Но другого выхода у меня нет, - Аскалон приблизился вплотную. – Не мог бы ты... Не мог бы ты встать?

- Зачем?

- Потому... потому что я не могу ударить сидящего.

- Да ты с ума сошел! Стража! – Правитель вскочил и дернулся к двери.

В дверях показалась охрана. Но Аскалон не собирался терять времени даром. Он подбежал к отцу, схватил его за плечо и, повернув лицом к себе, со всей силы ударил.

Виринея рассказала Ворону свою историю и все, что знала о проклятии, а тот, в свою очередь, поведал ей о том, что случилось за последние три дня. Из леса они не пошли в Город, а решили отправиться к бывшему старому причалу. Сейчас ничто уже не напоминало о том, что там когда-то была пристань: все до холма, на котором Аскалон впервые увидел клефта, было скрыто под водой.

Издали Ворон с Виринеей увидели одинокую фигурку на холме. Ива сидела на траве возле самой воды и задумчиво глядела в море. Когда тихо подошедший Ворон коснулся ее плеча, она вздрогнула, но тут же радостно вскочила. И сразу же радость сменилась изумлением:

- Вириanea! – Ива не верила своим глазам.
Вириanea засмеялась, глядя на ее реакцию:
- Пора уже привыкнуть к сюрпризам.
- Да, - ответила Ива, - но до сих пор сюрпризы были плохими.
- То есть, ты хочешь сказать, что рада, что я жива?
- Конечно, рада.
- Рада? После последней нашей встречи, когда я чуть не убила тебя? Ты хочешь сказать, что забыла, как я...
Ворон зажал ей рот рукой:
- Прошлого больше нет. Мы все всё забыли.
- Я рада за Ворона, - сказала Ива. – И он прав, прошлого больше нет. Только, - она помолчала, - есть ли будущее?
Все посмотрели на море. Волны плескались у самых их ног.
- Здесь был причал? – спросила Вириanea.
- Да, - кивнула Ива. – Мне здесь как-то спокойнее. Дома я не могу одна. Подумала: буду ждать здесь.
- Будем ждать вместе, - сказала Вириanea и уселась у воды.
Ива слабо улыбнулась:
- Вместе лучше, - она опустилась на траву рядом с Вирианей. – А Ворон мне расскажет, как нашел тебя. Ужасно интересно.
Они долго сидели, разговаривая.
Время близилось к полудню, когда волны под их ногами вдруг заколыхались, словно кто-то стал размешивать море огромной ложкой.
- Смотрите! – Вириanea схватилась за Ворона.
Все напряженно глядели на море.
- Кажется, началось, - сказал Ворон.
Море побурлило несколько минут, будто решая, куда ему двигаться, вперед или назад, и вдруг быстро стало отступать. Обнажился склон холма, показался песчаный берег, а за ним и деревянные мостки причала.
- Отступает! – крикнула Вириanea.
- Отступает, - повторил за ней Ворон.
Он посмотрел на Иву. Она во все глаза глядела на море, кусая губы, потом не выдержала и заплакала. Вириanea нахмурилась и прижалась к Ворону.
А Ива уже плакала навзрыд, не стесняясь и не пытаясь успокоиться. Ее никто не трогал. Лишь когда рыдания превратились в судорожные всхлипывания, Ворон мягко коснулся ее руки:
- Пойдем домой, Ива.
Она покачала головой:
- Идите. Я еще побуду здесь.
Втроем они еще долго просидели на берегу, глядя, как старый причал приобретает знакомые очертания. Ива не замечала времени. Она сидела в одной позе, словно окаменев. Но день потихоньку затухал, с моря стал задувать прохладный ветерок.
Ворон поднялся и снова, теперь уже решительно, взял ее за руку:
- Надо идти домой, Ива.
Она послушно поднялась, повернулась – и застыла в изумлении. На холме перед ними стоял Аскалон. Живой, реальный.
Ива покачнулась и опустилась на землю.
- Ничего не понимаю, - сказал Ворон.
Он обернулся на море, потом снова посмотрел на холм. Аскалон быстро спускался к ним. Но подойдя ближе, он сам на минуту застыл в изумлении:

- Виринея!

- Встреча двух покойников, - прокомментировала Виринея, не спуская с него глаз. – Вот уж чего никак не могло быть.

Аскалон подошел к Иве, помог ей подняться:

- Ива, это я. Я жив.

Она смотрела на него, но была словно во сне.

- Кажется, я напрочь потерял способность что-нибудь соображать, - сказал Ворон. – Если море отступило, то... Как же ты жив?!

Аскалон рассмеялся:

- Я все объясню. Но в двух словах этого не опишешь. Может, вернемся в Город?

- Нет уж, - ответил Ворон, - ты нам все расскажешь здесь и сейчас. Или мы умрем от любопытства, а на сегодня воскресших покойников нам, по-моему, и так достаточно.

- Хорошо, - согласился Аскалон, - здесь так здесь.

Они уселись на траве и Аскалон начал свой рассказ.

- Не буду утомлять вас лишними подробностями о том, как я собирался нанести визит отцу, о чем передумал за те несколько часов. Скажу лишь, что это были не самые лучшие часы в моей жизни. Честно сказать, я до конца не верил, что смогу поднять руку на отца. Да и ему это, судя по всему, не приходило в голову. Тем не менее, я все же сделал это. Пришел к нему в кабинет, сначала еще раз предложил ему отказаться от власти – хотя уже ясно видел, что он этого не сделает, а потом собрал всю волю в кулак (чтобы забыть, кто передо мной) – и ударил. Я уже готов был к смерти, но представьте мое изумление, когда я вижу, что отец мой падает, а змеи-то нет.

- Нет? – повторили за ним все трое.

- Да. Ни пламени, ни змеи, ни всего того, что должно быть.

- Но как же так? – спросила Виринея. – Этого же не может быть.

- Я что, похож на кучку пепла? Я жив, отец низложен и в тюрьме, море отступило – вам мало доказательств? Задача, над которой мы столько ломали голову, оказалась до смешного проста.

- Да не тяни же! – не вытерпел Ворон.

- Дело в том, - сказал, посмотрев на него с улыбкой, Аскалон, - что Добран не отдавал брату своего оберега.

- Не отдавал? – спросила Виринея.

- Да, отец давно задумал убить брата. Он знал про его привычку снимать с шеи оберег в то время, когда он был в ванной. Этим он и решил воспользоваться. Увидев, что Добран снял оберег, он убил его – и змея умерла вместе со своим хозяином. Но отец знал, что семья, лишившаяся оберега, теряет власть, поэтому он и сказал, что Добран передал оберег ему. И он стал бы единовластным Правителем, если бы не Виринея. Ты спутала ему все планы. И самое главное – у него отобрали оберег. Единственный действующий. Он, конечно, надеялся подсунуть тебе второй. Но Совет Старейших постановил проверить действие оберега перед передачей. И ему пришлось отдать свой. Но он и тут не терял надежды. Пытался заполучить свою половину монеты назад любой ценой.

- Да уж, - многозначительно подтвердила Виринея.

- Но ты и тут его разочаровала: ни за что не соглашалась отдать оберег, а потом и вовсе сбежала.

- Так вот почему он охотился за Виринеей! – воскликнул Ворон. – Ему не нужна была она, ему был нужен оберег.

- Если бы я тогда это понял! – вздохнул Аскалон. – Я ведь чуть было своими руками не добыл для него оберег! Это просто чудо, что все закончилось хорошо. Я допустил столько ошибок! Три недели я ломал голову над тем, как уничтожить угрозу для Города, а оказывается, это сделать было так просто!

- Но вы ведь не знали, что Мертвые имели в виду Правителя и что у него нет неуязвимости, - постаралась поддержать его Ива.

- Конечно, не знал. Но я мог догадаться! Предположить! Мне же и в голову не приходило, что мой отец – самый обыкновенный человек. Вот скажите мне, почему Правителей считают сверхлюдьми, когда они такие же люди, как и все. Ведь никто – никто! – за долгие годы не усомнился в неуязвимости отца! А стоило лишь его тронуть, и все бы увидели, что его неуязвимость – это фикция. Беда в том, что люди преклоняются перед Правителями, как перед божеством. А те от этого начинают, и правда, верить, что они Боги. Даже мой отец – человек, которого я безмерно уважал, получив в свои руки власть, стал чудовищем, - Аскалон достал из-под рубашки полмонетки. – Нельзя людям делать такие подарки. Погорячились Мертвые. Не смогли предугадать, что стоит человеку получить неуязвимость, как он начинает думать, что ему все позволено. Такова человеческая природа.

Виринея опустила глаза, а Ворон спросил:

- А ты сам не боишься владеть таким предметом?

- Я владею им последний день, - ответил Аскалон. – Завтра я должен отдать его Хранителю, которого назначит Совет Старейших.

- Но почему? – вырвалось у Ивы.

Аскалон только улыбнулся. За него ответила Виринея:

- Семья, утерявшая оберег, навсегда теряет право власти. Ангелар и так очень долго скрывал, что второго оберега нет.

- Я не жалею, что перестал быть Наследником, - задумчиво сказал Аскалон. – Неделей раньше, наверное, пожалел бы, а теперь нет.

Ива взяла его за руку:

- И я рада. Мне тоже так как-то спокойнее, - она поежилась. – Холодает. Может, пойдём домой?

- Да, действительно, - согласился Аскалон. – Сегодня был такой трудный день. Надо отдохнуть.

- Что ж, идите, - сказала Виринея.

- А вы разве не пойдёте с нами? – удивилась Ива.

- Нам в Город нельзя, вы же понимаете, - покачал головой Ворон. – Мы ведь до сих пор вне закона. Волшебной штучки, позволяющей гулять, где угодно, у нас теперь нет. Так что для нас будет лучше держаться подальше от Города.

- Но вы же не собираетесь бегать всю жизнь? – вмешался Аскалон. – Я могу поговорить со Старейшими, объяснить все. Уверен, они поймут.

Виринея вздохнула:

- Нет, слишком много людей помнят, кем я была. Слишком много зла я сделала. Да и Ворон тоже не без греха. Нас не простят. Люди долго не забывают зло. И ты не забудешь смерть друга, - она посмотрела на Аскалона, и он, смутившись, понял, что она права.

- И куда же вы направитесь? – спросила Ива.

- Вокруг много маленьких островков, где нас никто не найдет, - ответил Ворон. – А нам сейчас никого не нужно, - он обнял Виринею.

- И ты сможешь терпеть меня рядом много лет? – улыбнулась она.

- Я постараюсь, если ты оставишь свою скверную привычку убивать меня по нескольку раз в день.

- Но вы будете навещать нас? – спросила Ива

- Вот уж не знаю, - лукавые искорки зажглись в глазах Ворона. – У нас ведь так много работы. Нам же надо компенсировать все загубленные жизни.

Виринея стукнула его по руке, и Аскалон заметил, что она, оказывается, может смущенно покраснеть, как обычная женщина.

Вечером того же дня Аскалон навестил в тюрьме отца. За несколько часов Ангелар очень изменился: как-то постарел, осунулся, пропал блеск в глазах, исчезла величественная осанка.

Разговор им предстоял трудный. Нельзя было вычеркнуть из жизни все те годы, когда Аскалон любил и уважал отца. «Ищи зло там, где власть», - сказала Виринея и оказалась права. Но в душе Аскалон все еще не мог поверить, что этим злом был его отец!

- Вот уж не думал, что закончу свои дни в тюрьме – такими словами встретил сына бывший Правитель.

- Неужели ты рассчитывал, что сможешь бесконечно скрывать свое преступление?

- Преступления, Аскалон, совершают обычные люди, а я Правитель, - он осекся, - я был Правителем. Я сделал это не из корысти, а для блага государства. Добран был плохим Правителем. Он не хотел власти, он боялся ее.

- Именно поэтому он и был хорошим Правителем. А убийство всегда остается преступлением, кем бы и ради каких целей оно бы не совершилось! И каждый, кто совершил такое, должен быть наказан. И ты не исключение. Мертвые и так терпели слишком долго. Я думал, почему они не пришли раньше, сразу после убийства Добрана. Может, конечно, они хотели, чтобы именно я стал их орудием, и ждали моего совершеннолетия. Но мне кажется, они давали тебе шанс исправить все самому. Но ты им не воспользовался.

- Нам трудно понять друг друга, - сказал, помолчав, Ангелар. – Но я остаюсь при своем мнении. Я был хорошим Правителем. Конечно, у меня, как и у всех, были недостатки. Но погубило меня не это. Смешно сказать, но погубило меня твое благородство и любовь Виринеи – ведь если бы она не отдала оберег Ворону, все было бы по-другому. Ну, да Бог ей судья. О покойниках плохо не говорят.

- Отец, Виринея жива.

- Что? Как жива?

- Я видел ее сегодня днем.

- Но как такое может быть, ведь все, кто уходил отсюда, умирали в страшных мучениях?

- И сколько было таких?

- Вообще-то, насколько я знаю, никто так и не решился уйти, но если бы...

- А Виринея решилась. И оказалось, что за болью следует не смерть, а освобождение.

- Погоди, но ведь мне всегда говорили...

- Да, я тоже думал, что покинувшего темницу ждет смерть. Но сегодня один из Старейших рассказал мне, что Мертвые специально устроили ее так, что каждый совершивший преступление мог искупить свою вину, пройдя очищение страданием. Так что у тебя тоже есть шанс выйти отсюда, если, конечно, у тебя хватит сил.

Луна тускло осветила всю окрестность, когда Аскалон с Ивой пришли к старому причалу. Море тихо плескалось возле мостков, а от самого горизонта к ним тянулась длинная лунная дорожка. Они уселись прямо на доски.

- Вот и кончился последний день, когда я был Наследником, - сказал Аскалон.

- Главное, что он не стал последним днем для Города, - ответила Ива.

- Да, это главное.

Аскалон снял с шеи цепочку с оберегом.

- Завтра ты отдашь его? – спросила Ива.
Аскалон помолчал, играя в руке цепочкой, потом спросил:
- Как ты думаешь, есть ли на свете человек, способный устоять перед искушением
получить власть?
Ива с сомнением покачала головой.
- Вот и я так думаю, - сказал Аскалон.
Он встал и, размахнувшись, забросил оберег в море.